

В. ОСЕЕВА

ВАСЁК ТРУБАЧЁВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

ДЕТГИЗ · 1953

В. ОСЕЕВА

ВАСЁК ТРУБАЧЁВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

КНИГА ПЕРВАЯ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград

Глава 1

НОВОГОДНИЙ ПРАЗДНИК

В школе шли последние приготовления к празднику. В пионерской комнате, разложив на полу лист бумаги, мальчик в синей куртке с белым воротником, лёжа на животе, выводил красной тушью громадные цифры: «1941 год».

В большой зал дверь была закрыта. У двери толпились школьники и школьницы, пытаясь

заглянуть в щёлку или незаметно прошмыгнуть в зал. На страже, прислонившись спиной к двери, стоял белобрысый мальчуган. Он молча и решительно отталкивал любопытных, показывая всем своим видом, что скорее умрёт, чем пропустит кого-нибудь без разрешения вожатого.

В зале вожатый отряда, ученик девятого класса Митя Бурцев, вместе с ребятами натягивал провода с разноцветными лампочками. Складная лестница шаталась под его ногами.

— Ребята, не зевайте там! Держите лестницу! Так можно лампочки побить.

Поднявшись ещё выше, Митя укрепил провода и весело крикнул:

— Включай!

Цветные огоньки вспыхнули, теряясь в густых ветвях новогодней ёлки.

Ёлку украшали девочки с учительницей второго класса.

Учительница стояла на табурете, а девочки подавали ей шары и бусы, осторожно выбирая их из картонок.

— Ой, Марья Николаевна! Этот шар, как фонарик!

— А вот с серебром! Девочки, с серебром!

— Давайте, давайте скорее! — торопила их Марья Николаевна, поглядывая на часы. — Гости ждут.

— А выставка ещё не готова!

В глубине зала ребята заканчивали выставку. Полочки и лесенки с широкими ступеньками были задрапированы тёмной материей. Небрежно раскинутые коврики и вышитые платочки ярко выделялись на тёмном фоне. Внизу стояли модели самолётов, моторных лодок. Ледокол, выкра-

шенный в голубую краску, разрезая острым носом волны, искусно сделанные из материи, как бы плыл навстречу школьникам.

У каждого класса здесь было отдельное место, и к каждой вещи была приколота бумажка с фамилией того, кто её сделал.

Несколько ребят из четвёртого класса «Б» озабоченно советовались между собой.

Саша Булгаков, староста класса, в сотый раз переставлял на полках вещи и, одёргивая свою сатиновую рубашку, с досадой говорил:

— Мало, эх, мало!

— Малютин уже пошёл. Картину принесёт, — успокаивал Сашу Коля Одинцов, вытирая тряпкой запачканные тушью пальцы.

— Эх, а табличку-то не прибили! — Лёня Белкин сбросил ботинки и проворно вскарабкался на лесенку, держа над головой молоток. Между вещами замелькали его синие носки.

— Тише ты! Наступишь на что-нибудь!

К выставке подбежала девочка. Короткие тугие косички прыгали по её плечам. Она кого-то искала.

— Зорина, ты чего?

— Как чего? — Лида Зорина посмотрела на ребят быстрыми чёрными глазами. — Вы тут стоите, а внизу уже гости собрались. Где Трубачёв? — Она поднялась на цыпочки. — Васёк! Трубачёв!

От группы ребят из другого конца зала отделился мальчик и подошёл к товарищам. Его мигом окружили.

— Ну как, Трубачёв?

— У них тоже здорово! Я всё посмотрел!

— Лучше, чем у нас?

Трубачёв тряхнул золотистым чубом. Синие глаза его лукаво блеснули.

— Нет, не лучше, — сказал он, широко улыбаясь. — Честное слово, ребята, не лучше! Да ещё если Севка Малютин картину принесёт да Мазин и Русаков какие-то штучки — тогда и вовсе живём! — Трубачёв притопнул каблуками, шлёпнул по спине Белкина. — Живём!

Девочки запрыгали:

— У нас лучше! У нас лучше!

— Мазин и Русаков идут! — запыхавшись, сообщил Медведев. — Я их на лестнице видел!

Впереди, крепко ступая, шагал плотный, коренастый Мазин. Рядом, стараясь попасть с ним в ногу, торопился маленький, подвижной Петя Русаков.

— Вот они! Закадычные друзья! — объявил Белкин.

— Мало вещей? — коротко спросил Мазин, засунул руку за пазуху и вытащил гладкий чёрный пугач. Он был начищен до блеска, на рукоятке стояли буквы: «Р. М. З. С.».

Мазин снова засунул руку за пазуху. Ребята глядели на него выжидающе. Он вытащил складной лук. Петя Русаков расстегнул куртку и снял с пояса пучок стрел с блестящими наконечниками.

— Ух ты! Здорово! Вот здорово! — одобрительно зашумели вокруг.

Трубачёв, забыв про выставку, разглядывал пугач.

— «Р. М. З. С.»! — громко прочитал он. — Мазин, что за буквы?

— Трубачёв, покажи! Дай подержать, Трубачёв! — кричали ребята.

— Подождите!

Трубачёв нетерпеливо дёргал Мазина за рукав:

— Р. М. З. С. — что это?

Русаков лукаво усмехнулся:

— Это буквы!

— Это фабрика! — догадался кто-то.

— Какая фабрика! Это они сами делали!.. Мазин, говори! Ну чего ты ломаешься!

Мазин взял из рук Трубачёва пугач, повертел его, надул толстые щёки и равнодушно сказал:

— Много будете знать — скоро состаритесь.

— Ого! Тайна! — фыркнул Лёня Белкин, поднимая белёсые брови и поглаживая свой колючий затылок. — Ребята, тайна!

Лида Зорина и несколько девочек бросились к Мазину:

— Мазин, скажи, скажи!

Мазин отстранил их рукой и сгрёб в кучу все вещи.

— Берёте или не берёте на выставку?

— Степанова, — крикнул Трубачёв, — возьми вещи!

Валя Степанова собрала все вещи в передник, потом взяла в руки пугач, близко поднесла его к близоруким глазам, внимательно рассмотрела буквы, погладила полированную рукоятку. Так же, не спеша, разглядела лук и стрелы и тихонько сказала:

— Сейчас развешу.

В зал поспешно вошёл мальчик. Он держал в руках кусок фанеры, закрытый материей. Глаза его сияли, на бледном лице выступили капельки пота.

— Вот, принёс! — задыхаясь, сказал он, снял материю и поставил картину к стене.

Ребята присели на корточки.

На картине Севы Малютина высились горы, густо покрытые белым снегом. У подножия гор поднимались прямые коричневые сосны. Под соснами стояла группа бойцов. Молодой командир поднимал вверх красное знамя. На виске у него было пятно крови, кровь стекала по щеке. Из глубокой воронки разлетались во все стороны грязносерые брызги.

На картине стояла надпись, сделанная рукой художника: «Разрыв гранаты».

— Война! — шопотом сказал Саша.

Кто-то нашёл сходство командира с Трубачёвым.

— Ты настоящий художник, Сева! — растроганно сказал Трубачёв.

Мазин с видом знатока прищурил один глаз и ткнул пальцем в картину:

— Пририсуй танки!

Все засмеялись.

В зале вспыхнул свет.

Темнозелёная ёлка засверкала бусами. Все заторопились, заспешили.

Мальчик в коротких штанишках пробежал через весь зал, забрался в уголок дивана и, потирая пухлую коленку, стал разучивать по бумажке приветствие гостям:

— «Дорогие наши гости! Мы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими учителями и старшими товарищами приветствуем вас от лица всей школы... от лица всей школы...»

Песни, смех и беготня отвлекали внимание мальчика, он то и дело путал слова, громко повторяя:

— «Дорогие наши гости! Вы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими школьными учениками...»

Учительница, пробегая мимо с красками в руках, прислушалась, подсела к малышу и взяла у него из рук бумажку:

— Давай вместе!

— Трубачёв! Булгаков! У вас всё готово? — крикнул издали Митя.

— Всё готово! — ответил Трубачёв, устанавливая картину.

— Ну, так расходитесь. Сейчас начинать будем. Тащите стулья!

Ребята бросились расставлять стулья. Через минуту двери широко раскрылись. Шумной, нарядной толпой вошли родители. Их сопровождал сам директор Леонид Тимофеевич. На лице его

была особая, праздничная улыбка, стёкла очков блестели, отражая сразу и разноцветные огоньки ёлки и весёлые лица родителей.

— Милости просим! Милости просим! — говорил он, широко разводя руками и кланяясь.

Васёк увидел в толпе своего отца. Павел Васильевич принарядился: голубая сатиновая рубашка его была тщательно разглажена, и только галстук, по своему обыкновению, чуть-чуть съехал в сторону. Голубые глаза и рыжеватые усы придавали его лицу весёлое, озорное выражение. Увидев сына, он обрадовался и ни с того ни с сего удивился:

— Ба! Рыжик! Ну, давай, давай, хлопочи, усаживай!

— Сюда, сюда, папа!

Васёк потащил отца ближе к маленькой сцене, на заранее приготовленное местечко. По пути отец попробовал пригладить на лбу сына золотисто-рыжий завиток, но он, как вопросительный знак, торчал вверх.

Павел Васильевич махнул рукой, вынул из кармана сложенный вчетверо носовой платок и сунул его мальчику:

— На, запасной.

Васёк громко на всякий случай высморкался и быстро сказал:

— Героев видал, пап? Это ученики нашей школы. Сейчас! Вот идут! Смотри, смотри!

Он сорвался с места и исчез в толпе.

В проходе между стульями пробирались трое военных. Их встречали радостными криками. Они смущённо улыбались, с трудом продвигаясь к сцене. Там недавних участников боёв с белофиннами приветствовали учителя и директор.

Старенькая учительница торопливо протирала платком очки.

— Алёша... Бориска... Толя... — припоминала она своих бывших воспитанников.

— Переросли! На целую голову переросли своего директора! — шумно радовался Леонид Тимофеевич.

К сцене подошёл старик — школьный сторож. Чёрные с проседью волосы его были расчёсаны на прямой пробор. Он опирался на суковатую палку.

— Иван Васильевич! Грозный!

Три пары рук подхватили старика и поставили на сцену.

— Есть Грозный! Есть! Никуда не делся! — Старик вытер усы. — Ну-ну, выросли... вылетели птенцы... орлами воротились, — бормотал он, присаживаясь к столу, покрытому красным сукном, и улыбаясь учителям.

В зале снова зашумели, захлопали в ладоши. Наконец всё стихло.

Мальчик в коротких штанишках, путаясь, сказал приветствие и, закончив его торопливой скороговоркой, спрятался за спину своей учительницы.

Потом долго и прочувствованно говорил директор.

Перед глазами у всех вставал суровый финский край. Высокие сосны, скованные морозом озёра... Вот мчатся лыжники... наши лыжники... Тишина... Слышно только, как скрипит снег. И вдруг слева, с опушки леса, ударил пулемёт.

Пули вспарывают лёгкое снежное покрывало. Огонь косит наших бойцов, прижимает их к

земле. По снегу, глубоко зарываясь в сугробы, ползёт снайпер. Всё его внимание сосредоточено на опушке леса, где засели финские пулемётчики.

Меткий выстрел... другой... И, внезапно захлебнувшись, смолкает вражеский пулемёт... Лыжники летят дальше.

— Этот снайпер... — Директор поворачивает голову.

— Который? Который? — налегая друг на друга и вытягивая шеи, ребята смотрят на сцену.

Краска заливает обветренные щёки снайпера — он низко склоняется над столом и взволнованно чертит что-то на бумажке.

Директор называет его фамилию.

Потом следует другая фамилия и третья...

Второй, обмороженный, полз к лагерю, вынося с поля боя раненого командира. Третий взорвал финский дзот — это едва не стоило ему жизни. И вот все они, эти герои, здесь, в своей большой школьной семье, воспитавшей и вырастившей их.

Сева Малютин стоит около своей матери. Он крепко сжимает её руку.

Васёк и Саша с горящими щеками жмутся к рампе.

А за их спиной ученик старшего класса возбуждённо рассказывает товарищу:

— Они здесь, во дворе, всегда в футбол играли... И один раз окно в классе разбили... И Грозный кричал на них, как на нас. Я помню. — Он радостно смеётся. — Я помню их... в десятом классе.

Глава 2

ОГОНЬКИ В ОКНАХ

На железной дороге сонно покрикивала электричка.

В маленьком городке уже все спали. Только в некоторых окнах за матовыми, морозными стёклами светились огоньки.

Забравшись на широкую отцовскую постель и уткнувшись подбородком в плечо отца, Васёк, взволнованный событиями вечера, не мог уснуть.

— Пап! Вот этот снайпер Алёша просто богатырь, да, папа? А другой, что командира спасал, маленький, худенький совсем, как это он, а?

— Дело, сынок, не в том, кто какой. Тут физическая сила — одно, а сила воли — другое... Силу тут мерить нечего. Это не зависит, сынок... — Павел Васильевич не мастак объяснять, но Васёк понимает его.

— Ясно, — говорит он: — главное — спасти, хоть через силу... Сколько километров он его пронёс, пап? Под огнём, а?

— Сколько потребовалось, столько и пронёс, — строго сказал Павел Васильевич. — У нас так... вообще... русский человек после боя раны считает...

Васёк замолчал. Ему вдруг захотелось внезапно вырасти и вместе со своими товарищами свершать какие-то большие, героические дела.

Он потянулся и глубоко вздохнул:

— А нам ещё расти да расти!

* * *

И в другом окне горел огонёк.

Бабушка, подперев рукой морщинистую щёку, слушала внука. Коля Одинцов рассказывал о выставке, о героях, о ёлке.

— Раздевайся, раздевайся, Коленька, — торопила старушка.

— Сейчас, бабушка!.. А Малютин Сева какую картину нарисовал! Про войну! Командир там раненый, со знаменем! У него кровь на щеке и вот тут кровь...

— Что ты, что ты! Сохрани бог, Коленька, что это он какие картины рисует! — испугалась старушка. — Можно ли эдакое воображение ребёнку иметь! Срисовал бы курочек, а то бабочек каких-нибудь — и всё. Самое подходящее дело для ребят.

— Ну, бабочек! — усмехнулся Коля. — Что мы, дошкольники, что ли? Посмотрела бы, какие серьёзные вещи у нас на выставке были, разные виды оружия были — Р. М. З. С.! — Коля поднял указательный палец. — Понимаешь?

— Да понимаю я, понимаю! — рассердилась старушка. — Только не детское это дело — такие страсти изображать...

— А у нас зато больше всех вещей было... Все нас хвалили...

— «Хвалили, хвалили»... Вот от наших полярников поздравление тебе, — неожиданно сказала бабушка, присаживаясь на кровать внука и разворачивая пакетик из папиросной бумаги.

— Дай, дай, я сам!

Коля осторожно вынул фотографическую карточку. На него смотрели улыбающиеся лица его родителей. На обороте карточки было написано:

«С Новым годом, дорогой сынок! Работа наша идёт к концу. 1942 год мы встретим уже вместе!»

Коля счастливо улыбнулся.

— Я тогда уже пятиклассником буду, — сказал он, завёртываясь в тёплое, пушистое одеяло.

* * *

И ещё в одном доме горел огонёк в этот поздний праздничный вечер. Саша Булгаков, осторожно пробираясь между кроватками сестёр и братьев, спросил:

— Нюта с Вовкой давно пришли?

— Давно, — шопотом ответила мать.

— А мал-мала спят? — тихо спросил Саша.

У Саши было шестеро братьев и сестёр. Все они были младше его, и всех, кроме восьмилетней Нютки, он называл одним общим именем: мал-мала.

— Спят давно. Набегались, наплясались сегодня...

— А я вот гостинцев им принёс, — сказал Саша и полез в карман. — Измялись чего-то, — огорчился он, вытаскивая сбитый в комок цветной пакетик. — Это, верно, когда мы в снегу фигуры делали с ребятами.

— То-то, я смотрю, у тебя пальто всё снегом извожено, — спокойно сказала мать.

— Я сейчас почищу.

— Я уже почистила... Садись вот.

Мать поставила на стол компот и холодную телятину.

— Отец выпил нынче, — шопотом сказала она, — тихий пришёл... Всё сидел, объяснял мне:

я, говорит, токарь... потомственный и почётный... никогда своему делу не изменял, а жена у меня женщина уважаемая, и детей семеро, как птенцов в гнезде... Смех с ним! — Она покачала головой и засмеялась.

— Он уж всегда так, когда выпьет, — снисходительно сказал Саша, выцарапывая из кружки варёную грушу.

— А вот, Сашенька, помощь от государства мы получили! — торжественно сказала мать, вынимая из-под подушки пачку денег. — Как ты ушёл, так и принесли мне.

— Ого! Сколько денег нам дали! — радостно сказал Саша. — Теперь всего накупим.

— На всех, на всех хватит, — сказала мать и, отобрав несколько бумажек, протянула Саше: — Вот и тебе подарок от государства: купи себе лыжи, сынок!

— Что ты, что ты! — отмахнулся Саша. — Мне не надо. Я и в школе возьму лыжи, когда захочу.

— Бери, бери! Мне в радость это, — мягко сказала мать, протягивая ему три бумажки. — Ты у меня большак...

Саша поглядел в её круглое, доброе лицо с глубокими, запавшими глазами. Ему показалось, что около знакомых ему с детства ямочек на её щеках протянулись, как ниточки, новые морщинки.

— Нет, не возьму! — решительно сказал он, засовывая в карманы руки. — Лыжи — это баловство. Захочу — и так достану. — Он встал изза стола и погладил мать по плечу: — Ложись спать, мама!

* * *

Но дольше всего горел огонёк над широким крыльцом школы. Ребята давно разошлись по домам, а за освещёнными окнами второго этажа, уютно сдвинув кресла, тихо, по-семейному, беседовали учителя со своими бывшими питомцами.

— Воображаю, как вы там мёрзли! — с тревогой говорила старая учительница, которой всё ещё помнились эти мальчики такими, какими они пришли к ней в первый класс, держась за руки своих матерей.

— Да там не до мороза. Разотрёшь снегом уши, и опять ничего, — застенчиво поглядывая друг на друга, рассказывали молодые бойцы.

В одном из классов за партой сидел Алёша-снайпер. Его ноги не помещались под скамейкой, длинная фигура возвышалась над полированной крышкой.

Он любовно и тщательно оглядывал парту и с сожалением говорил:

— Тут у меня и буквы были вырезаны: А. М. Эх, другая парта, верно! Или краской затёрли...

Перед Алёшей стоял вожатый Митя.

— А ты, кажется, здесь вожатый теперь? — спросил Алёша. — Я ведь помню тебя. Когда мы уходили на фронт, ты был в седьмом, кажется?

— В седьмом. А теперь в девятом. Учусь! С ребятами воюю! — засмеялся Митя, присаживаясь на край Алёшиной парты.

— А что, трудный состав? — деловито осведомился тот. И, не дожидаясь ответа, серьёзно сказал: — Главное — дисциплина. Ты их, знаешь, сразу приучай. Дисциплина, брат, великое дело!

Он вскочил, прошёлся по классу и, остановившись перед Митей, щёлкнул пальцами:

— Сразу приучай! А то потом, ох, и трудно будет! Вот где я это понял — на фронте! Там, знаешь, с нами нянчиться некому.

Алёша присел рядом с Митей, указал глазами на дверь и понизил голос:

— Это здесь ведь учителя уговаривают, объясняют, прощают... а там фронт... война... приказ... Дисциплина — это всё!

— Точно! — решительно подтвердил Митя. — Ребят распускать никак нельзя!

Алёша посмотрел на него и вдруг расхохотался.

— По себе знаем, верно? Мы один раз тут такую штуку устроили!.. — с увлечением сказал он.

Перебивая друг друга, они стали вспоминать первые годы учёбы, свои проделки и шалости, учителей и строгого директора.

— Ух ты! Я его и сейчас побаиваюсь. А ведь чего, кажется, — добрейший человек!

— Алёша! Митя! — донеслось из коридора.

Глава 3

СЕМЬЯ ТРУБАЧЁВА

Отец Васька́, Павел Васильевич, работал мастером в паровозном депо. Павел Васильевич любил своё дело. К паровозу у него было особое отношение. Большое ворчливое чудовище, выдувающее пар из своих ноздрей, казалось ему живым. В разговорах с Васьком он любил

употреблять выражения: «здоровый паровоз», «больной паровоз».

Васёк запомнил рассказы отца:

— Стоит пыхтит, хрипит, тяжело ворочается. Ну, думаю, захворал дружище. Надеваю свой докторский халат, беру инструменты и давай его выстукивать со всех сторон...

Васёк слушал, и в нём росло дружелюбное отношение к этой железной голове поезда.

Павел Васильевич мечтал, что из Васька выйдет инженер-строитель или архитектор. Он будет строить лёгкие и прочные железнодорожные мосты или дома с особыми, тщательно обдуманными удобствами для людей.

Сам Павел Васильевич — выдумщик и мастер на все руки.

Квартира Трубачёвых была обставлена красивой и замысловатой мебелью его работы. Круглый шкафчик вертелся вокруг своей оси. Посреди комнаты стоял обеденный стол с откидными стульями.

— Всякое дело любит, чтобы человек в него душу вкладывал, — говорил Павел Васильевич.

Жена его была женщина слабая, болезнен-

ная, но о болезнях своих говорить не любила. Она сама справлялась со своим маленьким хозяйством и всегда знала, что кому нужно. Отец и сын обожали мать, тихая просьба её была законом и исполнялась обоими беспрекословно.

Павел Васильевич сам занимался с сыном. Васёк учился на «отлично». Всякая другая отметка была неприятной новостью.

В таких случаях Павел Васильевич, собрав на своём лбу целую лесенку морщин, останавливался перед сыном и спрашивал:

— Как же это ты? Язык заплёлся или голова не варила? Ведь ты же этот предмет как свои пять пальцев знаешь!

В прошлом году мать Васька слегла и больше уже не вставала.

У Павла Васильевича стало много домашних забот, но к занятиям сына он попрежнему относился внимательно.

Каждый вечер оба подсаживались к кровати матери, и она, опираясь локтем на подушку, слушала, как Васёк отвечает отцу заданный урок.

Смерть жены была тяжёлым ударом для Павла Васильевича.

Он не находил себе места в осиротевшем доме, растерянно бродил из комнаты в кухню или молча сидел за столом, опустив на ладонь свою большую рыжеватую голову. И только при виде сына вскакивал, суетился, перекладывал что-то с места на место, приговаривая:

— Сейчас! Сейчас! Умойся, сынок! Или, может, покушаешь сначала, а? И потом погулять пойдём, а?

Васёк молча смотрел на него, потом утыкался

лицом в подушку и плакал. Отец присаживался рядом, гладил его по спине и повторял:

— Что ж поделаешь, сынок... Пережить надо...

Или, крепко прижимая к себе мальчика, шептал ему, смахивая с усов слёзы:

— Папка с тобой, Рыжик. Папка от тебя никуда...

И действительно, всё своё время Павел Васильевич отдавал сыну.

Кроме Трубачёвых, в квартире жила ещё шестнадцатилетняя соседка Таня. Ещё при жизни матери Васька Таня приехала из деревни со своей бабушкой, потом бабушка умерла, и Таня привязалась к семье Трубачёвых.

Павел Васильевич устроил девушку на работу в изолятор при детском доме. Вечерами Таня училась в школе для взрослых.

Павла Васильевича она побаивалась и слушалась его, а Васька жалела и после смерти матери утешала как могла.

Васёк любил забегать в маленькую светлую комнатку Тани с широкой бабушкиной кроватью и горой подушек. Пёстро раскрашенный глиняный петух с иголками и нитками напоминал ему раннее детство, когда бывало, услышав его капризы, бабушка Тани сердито говорила:

— Это что ещё такое? Пойду за петухом... Он у меня этого страсть не любит!

Васёк затихал, а когда вырос, часто смеялся над собой и просил:

— Расскажи, мама, как я Таниного петуха боялся...

Павел Васильевич, оставшись без жены, думал про Васька: «Я теперь ему отец и мать».

Он недосыпал ночей, стараясь поддерживать тот порядок, который был при жене, боялся в чём-нибудь отказать сыну и, когда кто-нибудь замечал ему, что он похудел и осунулся, озабоченно отвечал:

— Это пустяки. Вот с хозяйством я путаюсь — это верно... Надо бы сестру выписать, да не знаю, приедет ли.

А Васёк, не понимая трудной жизни отца, говорил:

— Не надо... Нам и вдвоём хорошо!

Глава 4

ТОВАРИЩИ

С вызовом сестры Павел Васильевич медлил, боясь причинить сыну неприятность появлением в доме чужой, незнакомой Ваську женщины.

Но один случай заставил его принять окончательное решение.

Павел Васильевич строго-настрого запрещал сыну приходить к нему в депо. Он сам изредка брал его с собой, показывал ему ремонтную мастерскую, с увлечением объяснял назначение всех инструментов, зорко следя за тем, чтобы сын не убежал на железнодорожный путь.

Когда мать была жива, Васёк после школы торопился домой. Теперь опустевший дом пугал мальчика. Часто до возвращения отца с работы он бесцельно бродил по городу один или предлагал своим друзьям Коле Одинцову и Саше Булгакову:

— Пойдёмте, ребята, куда-нибудь пошатаемся...

Однажды, чтобы увлечь товарищей на прогулку, Васёк, несмотря на запрещение отца, пообещал им показать ремонтную мастерскую.

Выйдя из школы, мальчики прошли тихими улицами и выбрались на окраину. Стоял сентябрь. Осеннее солнце и ветер высушили на деревьях листья и окрасили их в жёлтые и коричневые цвета. В палисадниках на клумбах чахли жёлтые кустики осенних цветов.

— Вон, вон депо виднеется! Каменное, серое, — указывал товарищам Васёк. — Там сейчас папка работает. И знакомых там много... Ещё увидит кто-нибудь. Нам напрямик нельзя. Надо через пути перебежать, с той стороны в окно посмотрим. Айда, ребята!

Скрываясь за дощатым забором, мальчики прошмыгнули в калитку и, пригнувшись к земле, побежали через рельсы. На путях стояли длинные составы товарных вагонов, гудели паровозы. По земле стелился белый пар.

— Ребята, вот стрелка... Осторожно, а то как зажмёт ногу... — шопотом предупреждал Васёк.

Между вагонами в закопчённых, промасленных передниках, с молотками и другими инструментами сновали рабочие; слышался лязг железа, стук сцепляемых вагонов.

— Чу-чу-чу! — подражая паровозу, пыхтел Васёк, прижав к бокам локти.

— Тра-та-та! Тра-та-та! — вторили ему Одинцов и Саша.

Обдирая на коленках чулки, они пролезали под вагонами и прятались за колёсами, чтобы не попасться на глаза рабочим.

— Скажут папе — тогда не сдобровать нам, — шептал Васёк.

Пробраться незамеченными к мастерским было трудно.

— Подождём, пока рабочие на ужин пойдут, — предложил Трубачёв. — Посидим в товарном вагоне.

Мальчики залезли в первый попавшийся вагон. Там валялась свежая солома, в открытую дверь широкой струёй вливалось солнце.

Одинцов схватил Васька за рыжий чуб:

— Горишь, горишь!.. Саша, туши его! Туши!

Мальчики с двух сторон напали на Васька. Бросали ему на голову свои куртки, барахтались в соломе и хохотали.

Снаружи послышались громкие голоса, заскрипели под ногами мелкие камешки. Кто-то стукнул по стенке вагона молотком.

Мальчики забились в угол и притихли.

Кто-то просунул в вагон голову и громко сказал:

— Десятый!

Потом тяжёлая, обитая железом дверь с грохотом задвинулась, голоса замолкли.

— Вагоны считают, — неуверенно пояснил Васёк, на ощупь пробираясь к двери.

Вагон вдруг с силой дёрнулся, затих. Потом стронулся с места и медленно пошёл. Колёса заскрипели...

— Поехали! Трубачёв, поехали!

Ребята бросились к двери.

— Открывай, открывай! — налегая худеньким плечом на щеколду, кричал Одинцов.

Саша и Васёк, пыхтя, помогали ему. Дверь подалась. Васёк выглянул:

— Стой! Ложись! Мимо депо едем! Отец увидит... Это ничего — это на другой путь вагон пе-

регоняют. От вокзала никуда не уйдёт! — успокаивал он товарищей.

— Вот здорово!

— Покатаемся бесплатно!

Но вагон, покачиваясь, ускорял ход. В дверь было видно, как скрылось серое здание депо, остались позади железнодорожные строения.

— Ничего! Сейчас назад повернём! — храбрился Васёк.

— А вдруг не повернём? — поблёскивая круглыми чёрными глазами, тревожился Саша.

— Трубачёв, будку проехали! Тут уж поле, один путь. Разве задний ход дадут, а?

— Не-ет...

Ребята испуганно посмотрели друг на друга.

— Вот так номер! Поехали!

— Открывай дверь шире! Прыгать будем! — скомандовал Васёк.

— Прыгать?!

Вагон шёл над песчаным откосом.

Мальчики, прижавшись друг к другу, смотрели вниз.

— Тут башку сломаешь... — махнул рукой Саша.

— Ничего, песок — мягко! — соображал вслух Одинцов.

Трубачёв, высунув голову, смотрел вперёд. Ветер трепал его рыжий чуб.

— Сейчас поле будет. Я первый прыгну. А вы за мной. Вперёд прыгайте. И, главное, от вагона подальше... — Он с беспокойством оглядел товарищей. — Сашка, слышишь... Изо всей силы прыгай, понятно?.. И ты изо всей силы... Держите книжки... Не бойтесь... Я сколько раз прыгал, — соврал Васёк, чтобы подбодрить товарищей.

Поезд шёл всё быстрее. Показались скошенные луга. На них, как покинутые дома, стояли стога сена. За ними пряталось заходящее солнце. Около железнодорожного полотна торчали редкие кусты с облетевшими листьями. За лугами синел лес.

Земля убегала, плыли стога, лес приближался.

Васёк ещё раз оглянулся на товарищей. Сердце у него замерло.

— Три-четыре! — чуть слышно скомандовал он себе и, отступив, прыгнул.

Саша и Одинцов увидели, как он упал, потом вскочил, споткнулся и, прихрамывая, побежал догонять поезд.

— Прыгай! Прыгай! — кричал он. — Бросай книги!

«Кни-ги!» — долетело до мальчиков. Одинцов догадался, схватил свои и Сашины книги и бросил их.

Саша неловко затоптался на месте, держа за руку товарища:

— Давай вместе!

— Нельзя, хуже! — крикнул ему в ухо Одинцов.

Задыхаясь от бега, Васёк размахивал руками и что-то кричал, но голоса его не было слышно.

Одинцов отодвинулся от Саши и прыгнул. Он упал неловко и долго не поднимался. Саша побелел и закрыл глаза:

— Убился...

Когда он снова выглянул из вагона, он увидел, как оба товарища, спотыкаясь, бежали по тропинке за поездом.

Саша зажмурился и прыгнул.

Оглушённый падением, он сидел на траве и потирал ушибленный локоть.

Подбежавший Васёк обнял его за плечи:

— Ты что?

— Сижу! — радостно ответил Саша.

Через минуту три товарища шли вдоль железнодорожного полотна. Глядя на Колю и Сашу тёмными от волнения глазами, Васёк повторял:

— Обошлось, обошлось, ребята!

Книги нашли в кустах целыми и невредимыми.

— Они тоже прыгали! — сострил Одинцов, похлопав по своей сумке.

Вечернее небо быстро темнело. Где-то далеко слышались гудки паровозов. Свежий ветер трепал курточки мальчиков.

— Если пустить паровоз на полную мощность... — говорил Саша.

— Подожди... смотря какой паровоз!

Васёк поднял голову и прислушался:

— Самолёт! Ребята! Самолёт!

Из-за леса, почти касаясь верхушек деревьев, вылетел самолёт.

— Ура, лётчик! Ура!

Ребята прыгали, подбрасывали вверх книги и толкали друг дружку.

— Лётчик! Возьмите раненого! — кричал Одинцов. — Сашку Булгакова!

— Нет, Одинцова, Одинцова! У него нос разбился!

— Трубачёва возьмите! Дядя лётчик! Вот он! Вот! Хромает!

Самолёт скрылся в облаках.

Скоро совсем стемнело. Стал накрапывать дождик. Серое здание депо всё ещё не показывалось.

— Эх, не туда заехали! — с досадой сказал Васёк. — Завезли нас к чорту на кулички!

— А ты куда билет брал? — натягивая на голову куртку, осведомился Одинцов.

— Он думал, его прямо с доставкой на дом! — рассмеялся Саша.

Наконец показались первые строения.

Прощаясь на Вокзальной улице, мальчики советовались.

— Может, нам к твоему отцу всем вместе идти? — спрашивали Васька товарищи.

— Нет! Чего там! Влетит, так за дело.

Павел Васильевич уже давно был дома. Выслушав рассказ сына, он молча вынул из портфеля конверт и сел писать письмо сестре.

Глава 5

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ

Иван Васильевич прихлебнул с блюдечка чай и выглянул в окно.

— Так и есть, — сказал он, нахлобучивая на голову меховую шапку и снимая с гвоздя ключ.— Хоть бы одни каникулы отдохнуть дали! И всё этот Митя всех мутит! — ворчал он, открывая тяжёлую школьную дверь.

У крыльца действительно стоял Митя в синем лыжном костюме, за ним — Саша Булгаков и Коля Одинцов. Все трое тащили на плечах лыжи.

— Опять ноги разрабатывать! Вчера на коньках, сегодня на лыжах, — пропуская их, ворчал сторож.

— У нас в плане лыжная экскурсия сегодня, — стряхивая с шапки снег, сказал Митя. — Не все, понимаете, освоили это дело! За каникулы надо подтянуться, — объяснял он, подбирая парные лыжи. — Да вы идите, отдыхайте, Иван Васильевич. Мы только соберёмся — и айда!

— «Отдыхайте»! — усмехнулся Иван Васильевич. — С вами отдохнёшь, пожалуй...

На крыльце затопали, и в дверь вбежали школьники.

— Здравствуйте, Иван Васильевич! — с опаской поглядывая на сторожа, здоровались они: Иван Васильевич недаром получил от ребят прозвище «Грозный».

Опираясь на толстую, суковатую палку, во всякую погоду стоял он на крыльце, встречая и провожая школьников. На прозвище «Грозный» старик нисколько не обижался.

— Я для вашего брата и есть грозный, потому что безобразия в школе допускать не могу, — сурово говорил он.

Увидев перелезавшего через забор школьника, старик звонко стучал об асфальт палкой:

— Куда лезешь? Где тебе ходить приказано?

— Дорогу потерял! — кричал озорник.

— У меня живо найдёшь! Носом калитку откроешь!

Школьник с хохотом скатывался с забора и осторожно проходил мимо сторожа:

— Здравствуйте, Иван Васильевич!

— То-то «здравствуйте»! Дурная твоя голова

вихрастая! На плечах ходуном ходит, всякое соображение растеряла! — ворчал Грозный, закрывая за мальчиком дверь.

И вдруг лицо его расплывалось в улыбке, около губ собирались добрые морщинки, и он, похлопывая по плечу какого-нибудь отличника, говорил:

— Инженер! Одно удовольствие от твоего житья-бытья получается. Матери поклон от Ивана Васильевича передай!

Или, грозно сдвинув брови и выпятив грудь, приглашал группу школьников:

— Проходите! Проходите!

Школьники замедляли шаг.

— Артисты! Одно слово — артисты! На собраниях про вас высказываются. Вам в школу, как в театр, на своей машине выезжать надо, а вы пешочком, а?

— Да ладно... уже ругали нас, — подходя ближе, нерешительно мямлил кто-нибудь из ребят.

— Сам! Самолично присутствовал! — ударяя себя в грудь, торжествующе говорил Грозный. — Всё собрание тебя обсуждало. А кто ты есть, ежели на тебя посмотреть? — Грозный прищуривался и, оглядев с ног до головы ученика, презрительно говорил: — Сучок! Голый сучок, ничего не значащий! А тобой люди занимаются, выдолбить человека из тебя хотят.

— Да чего вы ещё! — пробираясь к двери, бормотали оробевшие школьники. — Не будем мы больше, обещали ведь...

— И не будешь! Ни в каком разе не будешь! Мне и обещаниев твоих не нужно. Я сам к тебе подход подберу.

— Вот леший! И зачем только его на собрания пускают! Ведь он потом прохода не даёт, — возмущались злополучные ребята. — На всех собраниях сидит! Отвернёт ладонью ухо и слушает, — смеялись они.

Но сегодня Грозный ворчал для виду. У него было то особое, праздничное настроение, которое не хочется омрачать ни себе, ни другим. Открыв Мите пионерскую комнату, он вышел на крыльцо.

На дворе лежали горы снега. С улицы шли и бежали школьники. Лыжные костюмы ярко выделялись на белизне снега, поднятые лыжи торчали вверх, как молодые сосенки. Грозный улыбался, ласково кивал головой, то и дело приподымая свою мохнатую шапку.

— С праздником, Иван Васильевич!

— И вас также!

Крепкий морозец стягивал шнурочком брови, красил щёки ребят и белил ресницы.

— Стой, стой! Где же это ты мелом испачкался? И щёки клюквой вымазал, — шутил Грозный с каким-нибудь мальчуганом.

Васёк Трубачёв торопился — во дворе уже никого не было.

— Иван Васильевич, прошли наши ребята?

— Прошли, прошли! А ты что же эдаким мотоциклетом пролетаешь? И «здравствуйте» тебе сказать некогда.

Васёк поспешно сорвал с головы вязаную шапку:

— Здравствуйте!

— Ишь ты, Мухомор! — любовно сказал сторож.

Васёк был одним из его любимцев. Ещё в

первом классе Грозный прозвал его Мухомором за темнорыжий оттенок волос и веснушки на носу.

— Прошли, прошли твои товарищи!

Васёк, прыгая через три ступеньки и волоча за собой лыжи, помчался на второй этаж.

В пионерской комнате толпились ребята. Митя, поминутно откидывая со лба непослушную прядь льняных волос, оживлённо объяснял:

— Всё зависит от правильности хода...

— Трубачёв! — крикнул Саша Булгаков. — Сюда! Сейчас строиться будем. Моё звено в полном порядке.

— У меня Малютина нет, — сказал Коля Одинцов.

— А Зорина где? — спросил Васёк.

Лида Зорина, запыхавшись, вбежала в комнату. Она была в красном пушистом костюме, чёрные косички выбивались из-под шапки.

— Я здесь! Девочки все пришли!

— Звеньевая, а опаздываешь! — строго сказал Васёк.

— Я не опаздываю, я за Нюрой Синицыной заходила, — оправдывалась Лида.

Школьники выстроились в две шеренги перед крыльцом. На перекличке не оказалось Севы Малютина.

— Ему нельзя, — сказал Саша — староста класса. — Он больной.

— Больной-притворнóй, — пошутил кто-то из ребят.

— У Малютина порок сердца, — строго сказал Митя. — Смеяться тут нечему... Ну, пошли! — крикнул он, взмахнув лыжной палкой. — За мной!

* * *

Грозный стоит на крыльце, прикрыв ладонью глаза. За воротами, на снежной улице, один за другим исчезают синие, зелёные фигурки лыжников, красным флажком мелькает между ними Лида Зорина...

Скрип лыж, голоса и смех затихают...

— Ну вот, значит... — говорит Грозный, направляясь к своей каморке.

Но несколько пар крепких кулачков барабанят в дверь:

— Откройте! Откройте!

— А, первачки! Промёрзли? Ну, грейтесь, грейтесь! — ласково говорит сторож.

Закутанные в тёплые платки, толстые и смешные, неуклюжие, как медвежата, размахивая лопатками, вваливаются первачки. За ними, смеясь, поднимается их учительница.

— Мы, Иван Васильевич, только погреться. А вы идите, отдыхайте, — говорит она. — Мы во дворе будем.

Клубится снежная пыль. Красные от натуги малыши носят лопатками снег, лезут в сугробы.

Позвякивая ключами, сторож проходит в пионерскую комнату.

На стене возле праздничной стенгазеты висят плакаты и объявления.

Грозный надевает на нос очки:

— Где тут у них планы? На каникулы... Ага... Первые классы... так... Четвёртые — экскурсия... так... Шестые — кружок фото... так... Восьмые — международный доклад... так... Шахматисты... — Он машет рукой и прячет очки. — Свято место пусто не бывает!

Глава 6

НА ПРУДУ

К вечеру мороз утих. Небо было чистое, с редкими звёздами. Васёк Трубачёв, Саша Булгаков и Коля Одинцов возвращались с лыжной прогулки втроём.

Они нарочно отстали от ребят, чтобы зайти на пруд.

— Пойдём? — предложил товарищам Васёк. — Не хочется домой ещё.

— Пойдём! На пруду, наверно, красиво сейчас. Я тоже не хочу домой, — согласился Одинцов. — Саша, пойдёшь?

— Куда вы — туда и я!

Мальчики прошли парк и начали спускаться к пруду. Пушистые берега с занесёнными снегом деревьями возвышались, как непроходимые горы.

Старые ели, глубоко зарывшись в сугробы, распластали на снегу свои густые, мохнатые ветви. Метель намела на пруду высокие снежные холмы.

Вокруг было так тихо и пустынно, что мальчики говорили шопотом.

— Не пройдём пожалуй, провалимся, — пробуя наст, сказал Саша.

— Идите по моему следу. Айда... лесенкой... — Васёк поднялся на горку и, пригнувшись, съехал вниз. Потом снял лыжи и бросился в сугроб. — Сюда! Одинцов! Саша! Мягко, как в кресле!

Мальчики уселись рядом. Все трое, запрокинув головы, смотрели в тёмное, глубокое небо.

— Смотрите, смотрите! Луна!

Из-за парка показалась огромная жёлтая луна.

— Ни на чём держится! — удивлённо сказал Саша. — Вот-вот упадёт.

— Вот если б упала!

— Хорошо бы! Мы бы её сейчас в школу притащили, прямо в пионерскую комнату.

Саша обвёл глазами белые застывшие холмы.

— А что, ребята, тут, наверно, зимой ни одна человеческая нога не ступала, — таинственным шопотом сказал он.

Васёк посмотрел на чистый, ровный снег:

— Следов нет.

— Тут один дед Мороз живёт... — пошутил Одинцов и осекся.

В лесу раздался треск сучьев. Тихий шум, похожий на завывание ветра, пронёсся по берегам. И в тот же миг неподалёку от мальчиков что-то белое вдруг отделилось от сугроба и медленно съехало вниз.

— Трубачёв! — прошептал Саша.

— Видали? — испуганно спросил Одинцов.

— Это снежный обвал, — равнодушно сказал Васёк, на всякий случай подвигая к себе лыжные палки.

Саша засмеялся.

— А меня мороз по коже пробрал, — откровенно сознался он.

— И меня... Идём лучше отсюда, — сказал Одинцов. — Не люблю я, когда снег... ползёт.

— Ну, бояться ещё! Мы, в случае чего, прямо голову оторвём! — Васёк лихо сдвинул на затылок шапку.

— А кому отрывать? — усмехнулся Одинцов.

— Кто нападёт! — сказал Васёк, приглядываясь к белому холмику, который как-то странно покачивался в неровном свете луны. — Да никто не нападёт. Я думаю, это показалось, — прибавил он.

Одинцов зажмурился:

— Ну да, бывает... привидится что-нибудь от снега.

— А вот на севере... — пугливо оглядываясь, добавил Саша. — Мне рассказывали...

Сзади снова раздался треск сучьев и тонкий

протяжный вой. Мальчики переглянулись. Васёк молча показал на белый холмик. Медленно покачиваясь на гладкой поверхности пруда, холмик полз к берегу.

— Стойте здесь... я проверю, — вдруг решился Васёк.

Саша схватил его за руку:

— Я с тобой.

— Вместе пойдём, — прошептал Одинцов.

— На лыжи! Становись! — громко скомандовал Васёк.

Ребята вскочили. Тихий вой, разрастаясь в грозное рычанье, пронёсся над прудом. В ответ ему из сугробов вырвались звуки, похожие не то на кошачье мяуканье, не то на собачий лай.

— Волки! — с ужасом прошептал Саша.

— Держите палки наготове, — стиснув зубы, сказал Васёк. — Мы их сейчас...

— Нет! — испуганно остановил его Одинцов. — Куда ты? Надо домой!

— Домой, домой, — заторопился Саша. — Слышишь?

Вой разрастался. Теперь уже казалось, что со всех сторон подкрадываются к мальчикам какие-то непонятные и страшные звери.

— Ничего, как-нибудь дорогу пробьём, — задыхаясь от волнения, сказал Васёк. — За мной, ребята!

Зорко вглядываясь в каждый бугорок, мальчики благополучно миновали сугробы и вышли в парк.

— Стойте! — Васёк поднял руку.

На пруду снова было таинственно и тихо.

— Тьфу! Что за чертовщина такая! Ребята, сознайтесь: кто испугался?

— Я, — улыбнулся Саша, зябко поводя плечами.

— И я, — сказал Одинцов.

— Ну, и я, — сознался Васёк, — потому что не волк, не человек...

— А может, просто кошки? — предположил Одинцов.

Все трое засмеялись.

А на пруду, когда затихли голоса, под ветвями ели тихо сдвинулась туго накрахмаленная морозом простыня, блеснул огонёк, освещая глубину тёмной землянки, и высунулась голова Мазина. Белый холмик быстро-быстро пополз к старой ели.

— Ушли? — шопотом спросил Мазин.

— Ушли, — ответил Петя Русаков, сбрасывая с себя белый халат.

Глава 7

НОВОСТИ

Встряхивая золотистым чубом, Васёк, разгорячённый впечатлениями дня, рассказывал отцу:

— Мы с Митей в лес ездили, далеко-далеко... А потом ещё с ребятами на пруд ходили.

— То-то я тебя еле дождался. Хотел разыскивать.

— А на пруду, папа, такая луна, громадная, и свет от неё... Нам даже показалось, что снег движется. Да ещё как завоет кто-то, — засмеялся Васёк, — мы даже испугались немножко.

— Вот и хорошо, что испугались. Не будете лазить, где не надо, — хмуро сказал Павел Васильевич. Он был чем-то озабочен.

— Да ты что, папа, чудной какой-то сегодня? — удивился Васёк.

— Чудной не чудной, а... — Павел Васильевич замялся, постучал пальцами по столу и строго сказал: — К нам тётя Дуня едет.

— Едет? — переспросил Васёк, не зная, радоваться ему или печалиться. Тётю Дуню — сестру отца — он никогда не видел. Она жила под Москвой на какой-то маленькой станции.

Павел Васильевич ожидал, что сын будет протестовать против приезда тётки, и приготовился к серьёзному отпору, но Васёк только спросил:

— А весёлая она?

— Да как тебе сказать... особенного веселья я что-то у неё не замечал. Женщина старая, одинокая, хозяйка. А мы с тобой, можно сказать, холостяки. Где зашить, где пришить требуется, а то и сготовить чего.

— Каша у тебя пригорелая получается, — задумчиво сказал Васёк.

— Вот-вот, — обрадовался отец, — самое тёткино дело — кашу варить.

— Не хочу я тётки. Нам и вдвоём хорошо, — вдруг решительно заявил Васёк.

— Хорошо-то хорошо, а с хозяйством мне всё равно не сладить... Да, ещё вот какая новость у меня, сынок...

Павел Васильевич почувствовал себя совершенно несчастным: ему предстояло ещё раз огорчить Васька.

— Я, Рыжик, недельки на три в Харьков уеду. В тамошнее депо командируют меня. — Он тяжело вздохнул. — Значит, тут без тётки никак не обойтись, сынок.

Васёк молчал. Ему было уже не до тётки.

— А когда ты уедешь? — тихо спросил он.

— Когда уеду? Ну, это ещё не так скоро. Ты об этом не думай сейчас.

Васёк тряхнул головой.

— Не скоро? Ну и ладно! А тётка пускай живёт. Мне до неё никакого дела нет, — решил он.

Утром к Ваську забежал Одинцов. Павел Васильевич ушёл на работу, Васёк завтракал, густо намазывая маслом белый хлеб.

— Новость! — закричал с порога Одинцов. — У нас новый учитель будет после каникул. Мария Михайловна совсем ушла.

Мария Михайловна, прежняя учительница, давно уже не посещала класс, и четвёртый «Б» около двух месяцев находился на попечении учителей других классов.

— Собственный учитель? — обрадовался Васёк. — А Мария Михайловна что же?

Одинцов махнул рукой:

— Да она с нами состарилась совсем... Не с нами, а вообще... Ей шестьдесят лет скоро будет, а потом, после болезни ещё...

— Жалко её, — сказал Васёк, — привыкли мы к ней.

— Жалко, конечно, — согласился Одинцов, — а всё-таки учителю я рад. Бежим к Булгакову, расскажем ему!

— Да погоди. Я ещё не позавтракал. Вот ешь лучше. — Васёк подвинул товарищу хлеб и масло.

Оба с аппетитом принялись за еду.

— Всё новости да новости, — сказал Васёк. — А откуда ты узнал про учителя?

— Мне Грозный сказал. Я у него для Саши лыжи брал. Приношу сегодня, а он говорит:

«После каникул держись, брат! Отменного учителя вам директор нашёл».

— Так и сказал — «отменного»?

— Так и сказал. Уж он не соврёт. Говорит, будто учитель на выставке был вчера. Все вещи смотрел. Хорошо, что Мазин свой пугач унёс!

— Унёс? — с живостью спросил Васёк и досадливо сдвинул брови. — Так и не сказал, что за буквы... Ну, пошли к Саше.

На улице было людно. В сквере играли дети, на скамейках отдыхали взрослые. С деревьев, покрытых белым инеем, осыпáлась снежная пыль.

Саша Булгаков жил недалеко. Пройдя широкий двор, мальчики постучали в низенькую дверь первого этажа длинного серого флигеля.

Им открыла женщина с приветливым лицом:

— Сашенька, к тебе!

В светлой кухоньке было много ребят. Они, видимо, гуляли и только что пришли со двора. Саша и его сестрёнка Нюта раздевали их. Маленькая девочка в одних чулках бегала из комнаты в кухню с мокрым ботинком в руках. Толстый малыш, с такими же, как у Саши, круглыми чёрными глазами, хныкал, упираясь головой в Сашин живот, — он потерял варежку.

— Куда ты её дел? — сердился на него Саша. — Найди сейчас же!

Увидев товарищей, он кивнул им головой:

— Раздевайтесь, ребята!

Коля Одинцов пробрался к Сашиной кровати и осторожно присел на краешек, с интересом наблюдая, как Саша справляется с детворой.

— Васёк, — крикнул он, — иди сюда! Смотри, сколько детей у них. — Он притянул к себе това-

рища и зашептал ему в ухо: — У них чуть ли не двенадцать детей.

— Семь, — спокойно поправил его Саша, поднимаясь с колен и отряхивая пыль. — Вон седьмой. На кровати сидит.

Одинцов подпрыгнул и с испугом оглянулся: сзади него, обложенное со всех сторон подушками, копошилось маленькое существо с тремя светлыми волосками на макушке.

— Витюшка, грудной, — пояснил Саша.

— Да они, наверно, орут целый день! — засмеялся Васёк.

— Бывает. — Саша поймал за штанишки толстого черноглазого малыша и крикнул: — Нютка, пришей ему пуговицу! Мне некогда.

Он отвернул борт курточки — там торчала иголка с туго накрученной ниткой.

— Я пришью, — сказала мать. — Иди. Товарищи, небось, заждались тебя. С малышами никогда дела не переделаешь, — улыбнулась она.

— Ну, зашей. — Саша быстро закрутил свою нитку обратно.

— Что это ты иголку с собой носишь? — спросил Васёк.

— Ношу. Всё время пригождается, — деловито ответил Саша.

Васёк пожал плечами.

— Брось! Девчачье это дело, — презрительно сказал он.

Саша не расслышал.

— Пойдём в комнату, — сказал он товарищам.

В соседней комнате было тихо и просторно. Как только Саша закрыл за собой дверь, Одинцов сообщил:

— У нас новость!.. Трубачёв, расскажи.

Васёк с жаром начал рассказывать:

— После каникул у нас будет новый учитель. Отменный учитель! Сам Грозный сказал.

— Да что ты! — обрадовался Саша. — Вот хорошо! А то мы...

За дверью вдруг что-то с грохотом упало, и началась невероятная возня. Саша тревожно прислушался:

— Кажется, мать ушла. — Он бросился к двери: — Я сейчас!

Через секунду он вернулся.

— Ничего. Это они в колхоз играют. Перевернули стулья и везут сдавать зерно, — с улыбкой пояснил он, закрывая за собой дверь. — Ну, Трубачёв, рассказывай про учителя.

— Да ну тебя! — с досадой сказал Васёк. — Что тебе рассказывать, если ты всё время бегаешь!

— Да нет, это я так... думал — мама ушла. Ну, рассказывай, — умоляюще сказал Саша.

— Ну ладно! Так вот, этот учитель только для нашего класса, понимаешь? Это во-первых. А во-вторых...

Саша вдруг рванулся и снова исчез за дверью. На этот раз из соседней комнаты послышался отчаянный визг и плач.

Васёк и Одинцов, толкая друг друга, выскочили вслед за Сашей. Оказалось, что толстый карапуз Валерка просунул голову между прутьями кровати и никак не мог вытащить её обратно.

— Стой! Стой! — кричал ему Саша. — Поверни голову набок...

С помощью Коли и Васька он наконец вытащил братишку. Но товарищи уже собрались уходить.

— Куда же вы? Расскажите хоть про учителя.

— В школе расскажем! — крикнул Одинцов.

Васёк только махнул рукой...

Вечером, забравшись к отцу на кровать, он с удовольствием делился с ним своей новостью:

— После каникул у нас будет новый учитель. Мария Михайловна совсем ушла. Ей восемьдесят лет уже.

— Восемьдесят лет! — удивился отец. — Ого-го! Совсем, верно, старушка с вами замучилась! Ты у меня один, и то я с тобой голову себе скрутил.

— Ну тебя! — недовольно сказал Васёк, приподымаясь на локте и заглядывая в лицо отцу. — Я, небось, председатель совета отряда... а ты говоришь!

— Вот-вот, мне и нужно, чтобы мой сын первый сорт был!

— «Первый сорт»... — протянул Васёк. — Я ещё не выучился, — он навертел на палец отцовский ус, — а ты нападаешь!

— Я не нападаю, — засмеялся Павел Васильевич. — Не трожь усы, всю красоту испортишь... Да спи уже, а то завтра тебя пушками не поднимешь. — Он обхватил сына за шею. — Спи.

Васёк, лёжа с открытыми глазами, думал о Саше, об Одинцове и о Севе Малютине.

— Хорошая, папа, картина у Малютина, но сам Севка какой-то тщедушный, — с сожалением сказал он.

Отец не ответил.

— Слышишь, папа?

— Слышу.

— А что ты слышишь?

— Тще-душ-ный, — промычал, всхрапывая, Павел Васильевич.

Глава 8

МАЗИН И РУСАКОВ

Мазин скучал. В землянке под старой елью было темно и тихо. У входа, завешенного белой простынёй, валялась убитая из рогатки ворона. Снаружи крупными хлопьями валил снег. Иногда, отодвинув край простыни, Мазин зорко и настороженно оглядывал берег. Он ждал Русакова. Они не виделись с того памятного вечера, когда в их владениях побывал Трубачёв со своими товарищами.

«Отец дома. Держит Петьку при себе», — соображал Мазин.

Мазин и Русаков жили на одной улице, в одном доме. Дружба их началась с первого класса и навсегда укрепилась после одного случая. А случай, который сделал их закадычными друзьями, был такой. Однажды, стреляя в цель из рогатки, Русаков разбил цветное стекло в угловой даче. Испуганный, он прибежал к Мазину:

— Пропал я, Колька! Отец узнает — за ремень схватится!

Отец Пети рано овдовел и, сдав сына на попечение соседок, с головой ушёл в работу. Весь день проводил он на обувной фабрике, где считался одним из лучших работников. Возвращаясь домой, он бегло интересовался здоровьем сына и, найдя в дневнике плохую отметку, сразу закипал гневом:

— Я с восьми лет сам на себя зарабатывал и дорогу пробивал себе тяжёлым трудом, а тебе всё даром даётся! Отец для таких, как ты, целый день работает. Да разве один я? Вся страна не покладая рук трудится, чтоб из вас люди вышли! А вы что делаете? Безобразие! Распущенность! На тебя все соседи жалуются! Вот подожди, я когда-нибудь возьму ремень да поучу тебя так, как меня в своё время учили!

Петька со страхом смотрел на отца. Этот большой, сильный человек с чёрной густой шевелюрой и сросшимися бровями, под которыми трудно было угадать цвет его глаз, был чужим и непонятным мальчику.

Иногда отец вдруг останавливался посреди комнаты и, глядя на сына усталыми, хмурыми глазами, говорил:

— Ты пойми... Человек должен понимать слова, а не палку! Что у тебя, самолюбия нет, что ли?

Петька съёживался и молчал.

Разбитое стекло в угловой даче беспокоило Петю. Он сидел у товарища, с тревогой поглядывая на дверь.

— Да, может, отец не узнает, — утешал его Мазин.

Петя безнадёжно махал рукой:

— Хозяева видели, как я побежал.

Мазину было жалко товарища. Он что-то соображал про себя, пыхтел, надувая толстые щёки, и, когда Петя Русаков, просидев у него целый час, собрался уходить, сказал:

— Пойдём вместе. Я скажу на себя, а ты будто в канавке сидел.

— В какой канавке?

— Ну за домом... Кораблики пускал.

Случай этот происходил весной.

— Кораблики... — протянул Русаков. — А чего же я побежал тогда?

— Мало ли чего! Побежал, чтобы на тебя не подумали, — вот и всё. Понятно?

Русаков просветлел:

— И правда, может, обойдётся?

— Обязательно обойдётся. Верти кораблики. Сейчас намочим их во дворе — и айда к твоему отцу!

Петя сделал из газеты два кораблика, во дворе товарищи прополоскали их в грязной луже и храбро направились к дому Русакова.

— Постой, а вдруг твоя мать узнает? — тревожно спросил Петя. — И голова у неё заболит от этого. Жалко её.

Он остановился.

— Не ной, — мрачно сказал Мазин. — Пойдём лучше!

Отец Русакова уже всё знал. Он встретил сына на пороге, красный от гнева:

— Опять мне на тебя люди жалуются!

— Я, пап... — дрожащим голосом начал Петя.

Мазин толстым грибком вырос перед разгневанным родителем и вытащил из кармана рогатку:

— Петя ни при чём. Он кораблики пускал.

— Я, папа, кораблики...

— Какие ещё кораблики? — загремел Русаков-отец. — Ко мне взрослые люди приходят, на моего сына жалуются!

— Это из угловой дачи к вам приходят? — осведомился Мазин. — Так я у них стекло разбил. Я нечаянно... в воробья метил, а попал в

стекло. А Петя испугался и побежал. Вот они на него и сказали. Не разобрались как следует и напали... А ещё взрослые! — объяснял Коля Мазин, глядя прямо в глаза Русакову и закрывая Петю своей крепкой, приземистой фигурой.

— Не разобрались, — мямлил Петя, выглядывая из-за плеча товарища.

— «Не разобрались»! — передразнил его отец, уже смягчённый признанием Мазина. — Лазите чорт знает где!.. А ты тоже хорош! У тебя мать труженица, больная женщина, а ты ей сюрпризы устраиваешь, — напал он на Колю.

— Я не сюрпризы, я нечаянно.

— «Нечаянно»! И Петьку моего сбиваешь на всякие дурацкие шалости... Ты где был, когда твой приятель в стекло камнем запустил? — обратился он к сыну.

— Я в канавке кораблики пускал, — шмыгнул носом Петя и вытащил из кармана размокшие бумажные кораблики.

— Чтобы я больше не видел всей этой гадости! — закричал отец. — Выбрось эту дрянь в помойное ведро сейчас же! А рогатку я сам... — Он обеими руками сдавил рогатку. Она не поддавалась. — В печку!

— Лучше в помойную яму или в пруд. Давай, папа, мы выбросим! — с готовностью предложил свои услуги Петя.

— Молчи! И ступай сам с этими людьми объясняться. Скажи... приятеля хорошего имеешь, вот что!

Когда мальчики вышли, Мазин сказал:

— Сбегай в аптеку за порошком от мигрени, а я пойду в угловую дачу сознаваться.

Вечером Мазин ходил за своей матерью и говорил:

— Ты, мама, приляг... И не волнуйся. Ни один человек не проживёт так, чтобы стекла не разбить.

Мать Коли Мазина работала в швейной мастерской. Коля никогда не видел свою мать здоровой. Она постоянно жаловалась, что от шума швейных машинок у неё болит голова. Малейшая неприятность также вызывала у неё мигрень, и тогда она тихо стонала, уткнувшись в подушку головой, обвязанной мокрым полотенцем, а Коля готовил ей чай, размешивал ложечкой сахар и бегал по аптекам, спрашивая везде, не изобретено ли какое-нибудь новое средство от мигрени. Дома, пока мать была на работе, Коля успевал приготовить обед, наколоть дров, сбегать за хлебом. Поэтому, когда мать жаловалась соседкам: «Не знаю, хватит ли моих сил воспитать сына», соседки украдкой переглядывались. «Хватит ли у него-то сил ухаживать за такой больной матерью?» — думали они про себя, жалея мальчика.

После случая со стеклом ребята выработали особую систему самозащиты. Теперь, что бы ни случилось, перед отцом Русакова виновным всегда выступал Мазин, а перед матерью Мазина — Петя.

— Вы, гражданка Мазина, обратите внимание на своего сына. Он и моего вконец испортить может, — внушительно говорил Русаков-отец матери Мазина.

— Подумайте! — возмущалась та. — Да как он может мне такие вещи говорить! Ведь чего только его Петя не выделывает! Он добьётся того, что я не позволю своему сыну играть с Петей.

В конце концов родители, к большому огорчению мальчиков, категорически запретили им встречаться.

Мать Мазина пообещала Коле, что она окончательно потеряет голову, если он будет продолжать дружбу с Петей, а Русаков-отец посулил своему сыну спустить с него три шкуры, если ещё раз увидит его вместе с Мазиным.

Петя, который вечно дрожал за одну свою шкуру, не мог даже представить себе, что значит спустить три. Мазин тоже забеспокоился:

— Конечно, в школе нас никто не проверит.

— А после школы я один буду? — шмыгнул носом Петя.

— Не хнычь! — сердито сказал Мазин. — И заруби себе на носу, Петька: нет такой беды, из которой нельзя вылезти. Я это проверил.

Выход действительно нашёлся.

Через два дня после этого разговора на берегу заросшего, затянутого зелёной ряской пруда, где тучами кружились комары и мошки, а по вечерам, надуваясь, кричали лягушки, Мазин и Русаков уже рыли себе землянку под разлапистыми ветвями старой ели. Они приходили сюда поодиночке, работали изо всех сил и, уходя, оставляли друг другу короткие записки:

„Двинулся на полметра в ширину.
МЗС“.

„Углубил вход.
РЗС“.

К началу занятий в школе землянка была готова. На пруду редко бывали люди: в густом кустарнике, заросшем крапивой, не было тропинок. Землянка, тщательно замаскированная дёрном, была почти незаметна.

Мазин и Русаков ликовали:

— Поди ищи нас теперь!

— А в случае нападения можно и отстреляться, — говорил Мазин.

Недостатка в стрелах, пугачах и рогатках не было. Мальчики усердно тренировались в стрельбе. Около землянки на дереве висели белые кружочки, пробитые стрелами.

— Петька! Целься в правый кружок, а я в левый! Следопыту надо бить без промаха! — поучал Мазин.

С наступлением осенних дождей Мазин притащил из дома клеёнку, а Русаков — дождевой плащ. В землянке и в проливной дождь было тепло и сухо.

Мазин достал где-то азбуку следопыта и требовал от Петьки, чтобы он срисовал её и выучил наизусть. Зимой товарищи ходили на лыжах в лес. Ставили силки, но зайцев в этих местах не было.

Сегодня Мазину посчастливилось — он убил ворону.

Прождав товарища до позднего вечера, Мазин взял клочок бумаги и написал: «Убил дичь. Придёшь — освежуй».

На другой день товарищи встретились.

— Отец был дома, — пояснил Петя. — Он премию получил, гостей назвал. Много. И одна тётенька там была. Он ей говорит: «Вот мой Пётр» — это про меня. А она ему: «Ну, какой же это Пётр — это просто Петя!»

— Ладно! — прервал его Мазин, вынимая перочинный нож и вытаскивая из угла убитую ворону. — На́, свежуй дичь, а я огонь разведу.

Он поставил у входа жаровню, бросил на уг-

ли спичечные коробки и стал разжигать огонь. Петя поднял ворону, оглядел её со всех сторон и удивлённо сказал:

— Какая же это дичь! Это обыкновенная ворона.

— Так убей утку! — огрызнулся Мазин, протирая красные от дыма глаза. — А не убьёшь утку, будешь есть ворону!

Через несколько минут из котелка уже торчал чёрный вороний клюв. Мазин взял лопату, вышел из землянки и скоро вернулся с мороженой рыбой.

У Пети сделалось грустное лицо.

— Довольно одной вороны, Мазин, а то мы сразу все запасы съедим, — осторожно сказал он.

Мазин молча отхватил ножом кусок рыбы, нарезал её тонкими ломтиками, посолил и подвинул товарищу.

— Ешь. Ворон на нашу долю хватит, — сказал он, храбро отправляя в рот ломтик рыбы.

Петя, зажмурившись, последовал его примеру.

Оба молча жевали, украдкой наблюдая друг за другом.

— Все охотники едят мороженую рыбу, а собаки на севере преимущественно питаются этим, — со вздохом сказал Петя.

В котелке забулькала вода. Мазин вытащил ворону, потыкал её ножом и снова бросил в котёл:

— Жестковата.

Петя повеселел.

— Конечно, пусть упревает, — с живостью сказал он, похлопывая себя по животу. — И вообще я здорово сыт. Возьми мою половину, если хочешь, — добавил он, подвигая Мазину оставшийся ломтик рыбы.

Мазин сделал вид, что не слышит, сложил нарезанные куски и вышел из землянки.

Через минуту, сидя на мешке с сеном и лениво постреливая из рогаток в стенку, они вспомнили трёх товарищей, так неожиданно появившихся на пруду.

— И чего их занесло сюда? — забеспокоился Мазин. — Ещё повадятся ходить.

— Не повадятся, — усмехнулся Русаков. — Я их здорово напугал.

— Трубачёва не запугаешь, этот к чорту на рога полезет. Смелый парень! Вот такого бы товарища нам с тобой! — сказал Мазин.

— Да... хорошо. Только он отличник, а мы... — Петя легонько свистнул и засмеялся.

— А ты принёс учебники? — живо спросил Мазин.

— Забыл.

— Смотри, Петька, не пройдёт нам это даром.

Он опустил рогатку и задумался.

— А чего же мы плохого делаем? — искренне удивился Петя. — Мы ничего плохого не делаем.

Мазин прищурился и уничтожающе посмотрел на него.

— Если человек делает плохо и знает, что это плохо, то это ещё ничего, — медленно сказал он, — а если он делает плохо и думает, что это хорошо, то это уж дело дрянь!

— Я не думаю, — быстро сказал Петя, — насчёт учёбы и вообще...

— То-то, — сказал Мазин. — Себя обманывать нечего.

Он достал азбуку следопыта, прикрыл рукой подпись под рисунком и строго спросил:

— Чей след?

— Утки, — поспешно ответил Петя.

— Сам ты утка! — рассердился Мазин. — Кому я говорил — выучи наизусть!

Глава 9

ТЁТЯ ДУНЯ

Васёк был дома один. Он принарядился, начистил ботинки и, не зная, что с собой делать, ходил по комнате.

Каникулы ему уже надоели. Скорей бы в школу!

«Интересно, какой-то новый учитель?» — думал он, поджидая отца.

В дверь кто-то тихонько постучал.

— Мне к Трубачёву Павлу Васильевичу, — сказала женщина, осторожно прикрывая дверь и с трудом втаскивая за собой корзинку.

— Папы нет. — Васёк внимательно разглядывал гостью.

Она была в синем пальто, туго застёгнутом на все пуговицы. Из-под чёрного полушалка глядели на Васька рыже-голубые, чем-то знакомые глаза. Мальчика охватила тревога.

— Папы нет! — повторил он.

— Папы нет, а тётка — вот она! — вдруг сказала женщина, любезно поджимая губы. — А ты, небось, Васёк? Тащи-ка корзинку. Запарилась я с ней!

Она вошла в кухню, села на табурет, расстегнула пуговицы своего пальто и, обмахиваясь концами полушалка, огляделась вокруг.

— Ничего живёте. Кухня просторная. — Она заглянула в комнату. — В чистоте содержите. А это чья же дверь-то? — потрогав замок Таниной двери, спросила она.

Васёк втащил корзинку и, не зная, что отвечать, во все глаза смотрел на тётку.

«Смешная какая-то», — думал он.

А тётка между тем уже расхаживала по комнате, оглядывая обстановку. Васёк с удивлением увидел теперь, что глаза у неё точь-в-точь как у отца, с такими же короткими рыжими ресницами, что нос и всё лицо тётки тоже напоминают отца, только рот и выражение лица какое-то другое. Тётка как бы угадала его мысли.

— Ишь, — сказала она, с видимым удоволь-

ствием бросив взгляд на мальчика, — рыжий. В нашу породу пошёл!

Васёк нахмурился и отошёл к окну. «Какой я рыжий!» — думал он, приглаживая свой чуб.

Между тем тётка уже обошла все углы и орудовала в кухне.

— Ваше мыло-то? Подай полотенчико! Это что ж кастрюли-то у вас как завожены? Аль плита дымит? А соседка-то молодая или старая? Как её звать-то?

— Таня.

— Таня... — Тётка опять поджала губы и многозначительно покачала головой. — Неаккуратная девка, по всему видать.

— Да ты, тётя, ещё не видела её, а уже ругаешь, — не стерпел Васёк.

— Её не видала, а приборку её вижу: в печке зола, в углу сор. Слава богу, можно о человеке судить, — решительно отрезала тётка.

— Всё равно, она хорошая, добрая. Её все любят! — сердито сказал Васёк.

У него росло недовольство против тётки и её бесцеремонного хозяйничанья в их квартире.

К обеду пришёл отец. Васёк открыл ему дверь и тихонько шепнул:

— Тётка приехала!

— А! Приехала! — обрадовался отец, отодвинул Васька, вытер платком усы и крикнул: — Дуняша!

Тётка всплеснула руками, заторопилась:

— Паша... голубчик...

— Ну-ну... вот и свиделись... вот и свиделись! — повторял Павел Васильевич, любовно оглядывая её и прижимая к груди. — А что бы

раньше приехать-то? Ведь не за горами живёшь... а, Дунюшка?

Тётка оторвала от его груди заплаканное лицо.

Васёк снова заметил сходство между ней и отцом. У обоих были растроганные, умилённые лица, радостные и чем-то смущённые.

— Постарели, постарели мы с тобой, сестрёночка, — говорил Павел Васильевич.

— Да ведь всех схоронили... Одни на свете мы с тобой, Пашенька, — вздыхала тётка.

— Как это одни? Полон свет хороших людей... А вот сын у меня растёт, племяш твой! — весело сказал Павел Васильевич — Вот он! Небось, познакомились уже?

— Познакомились, — ласково сказала тётка.

Ваську вдруг стало жалко, что он неприветливо встретил тётку. Её встреча с отцом растрогала его. Он сбоку подошёл к обоим и с чувством сказал:

— Здравствуйте, тётя!

Тётка поцеловала его в щёку.

— Да что ж я! У меня тут для вас кой-чего...

Она внесла в комнату свою корзинку и стала развязывать её.

— Не хлопочи, не хлопочи... Хлопотунья! — кричал из кухни отец, разжигая примус. — У нас всё есть! Сейчас чай будем пить.

Васёк с любопытством смотрел, как тётка вынимала какие-то банки, завёрнутые в полотенце, положила на стол румяный пирог, охая и приговаривая:

— Ай-я-яй! Измялось всё! Хорошо хоть варенье довезла. А уж толкали меня, тискали... Людей, людей едет — пропасть! А в Москву —

ещё больше... Пашенька! — крикнула она, развёртывая сколотую булавками бумагу. — Вот тебе подарочек. А это Ваську.

— Ба, ба! — удивился Павел Васильевич, разглядывая расшитый ворот рубашки. — Ну искусница! Ну, спасибо, Дуняша!

Васёк тоже с удовольствием примерял пушистые синие варежки и такие же носки.

— Как раз! Мне как раз, папа... Спасибо, тётя! — догадался он после того, как отец ещё раз обнял тётку.

— А мы-то с тобой опростоволосились! — смущённо сказал Павел Васильевич, глядя на Васька. — Не приготовили тётке подарочка.

— Что ты, что ты, какой подарочек! Ты меня и так не обижал, Паша.

Чай пили втроём. Васёк слушал, как без конца рассказывает тётка о каких-то соседях, как переспрашивает её отец, живо интересуясь всеми новостями.

— А этот-то... как его, с которым мы на огороде-то попались? — подмигивал отец.

— А, — оживлённо подхватывала тётка, — Бирюковы, что ли? Живут, живут! Коля-то на инженера вышел, Маруська за лётчиком в Москве. А этот, конопатенький-то, на доктора учится.

— Скажи пожалуйста! — удивился отец и скромно сказал: — А я вот мастер... стахановец!

— Слышала я, как же! — с гордостью сказала тётка. — А ведь сиротами мы росли. Вот уж истинно спасибо советской власти! Всегда скажу, хотя сама как-то на отшибе живу. Связалась со своим домишком, с курами да с козами, и никакой пользы от меня нету... А и бросить не бросишь и уйти не уйдёшь...

— А как же теперь-то? На кого хозяйство оставила?

— Да кой-что попродала. А кой-что у соседей оставила. Соседи — люди хорошие, поберегут, — прихлёбывая с блюдечка чай, говорила тётка.

— М-да... Это тоже не жизнь. На старости к своим прибиваться надо. Ты уж так обдумай: может, приживёшься и с нами останешься?

— Как ты, Паша... А я вся тут... Родней вас у меня никого нет.

Васёк вылез из-за стола и пошёл к Тане.

— У нас новость, — сказал он: — тётя Дуня приехала!

— Я уж слышу. Вот и хорошо, а то Павлу Васильевичу не управиться одному.

— А ты что же не идёшь к нам? Пойдём!

— Ну, что ты! Небось, они о своих делах говорят. Зачем мешать!

— Таня, — крикнул Павел Васильевич, — иди познакомься, соседи ведь!

Таня, оправляя на ходу толстую косу, смущаясь, вошла в комнату.

— Не бойся, не бойся, — подталкивал её Васёк.

Тётка быстро оглядела девушку с головы до ног. На лице её появилось натянутое, неприятное выражение.

— Евдокия Васильевна, — сказала она, протягивая Тане руку. — Садитесь, гостьей будете.

— Да она не гостья, она наша, — громко сказал Васёк. — Она живёт здесь!

— Знаю, знаю, — сухо сказала тётка. — Уж я всё рассмотрела... Подай стульчик, Васёк!

В последний день каникул Васёк вместе с отцом и тёткой пошли в цирк. Перед этим тётка

устроила большие и торжественные сборы. Она с утра грела утюги, чистила и гладила через мокрую тряпку костюмчик Васька, заглаживала складки на брюках Павла Васильевича.

Таня боялась высунуть нос из своей комнатки. Тётка в первые же дни завладела всем домом. Она во всём навела свои порядки, распределила в кухне все кастрюльки на «ваше» и «наше». «Ваше» — это было Танино. Таня, видимо, побаивалась Евдокии Васильевны и даже на собственные вещи не решалась заявить свои права.

— Да берите, берите, — смущённо говорила она. — У нас до сих пор всё вместе было.

— Вот это-то и нехорошо, что вместе. Нам чужого не нужно, у нас своего хватит, — обрывала её тётка.

На Павла Васильевича тётка смотрела с обожанием. Без отца Васёк не садился за стол.

— Как это так? Мужчина в доме, самостоятельный, хозяин, а мы без него обедать сядем?

Павла Васильевича это стесняло, а Васёк, придя со двора, нетерпеливо слонялся по комнате:

— Тётя Дуня, я есть хочу!

— Это хорошо. Значит, аппетит нагулял, — спокойно отвечала тётка, сдвигая на кончик носа очки и растягивая на коленях своё шитьё.

Стол в ожидании отца был уже накрыт. Услышав знакомые шаги, тётка спешила на кухню:

— Васёк, подай отцу полотенце! Повесь куртку в коридоре — запах от неё паровозный!.. Садись, садись, Паша. Устал, небось?

Павел Васильевич, видя во всём порядок и чистоту, радовался. За столом Васёк запихивал в рот всё, что подавала тётка, и просил добавки.

— Вот это так, это хорошо! А то бывало того не хочу, этого не могу...

— Да, — говорил Васёк, — тебя ждать-то — с голоду помрёшь!

— Не помрёшь, — говорила тётка. — Желудок тоже аккуратность любит.

В этот день в цирк приехали московские артисты. Васёк всё боялся опоздать, но тётка не вышла из дому, пока не привела брата и племянника в полный порядок. Особенно её беспокоили съезжавший на сторону галстук Паши и рыжий чуб Васька. Галстук она в конце концов пришила к рубашке, а к рыжему украшению на лбу племянника подступила с ножницами. Но Васёк загородился от неё обеими руками:

— Папа, мне этот чуб нужен! Я его вот так кручу на уроке!

— Оставь, оставь, Дуня, — поспешно вступился отец. — А то, пожалуй, я своего родного сына не узнаю. Да и мать бывало любила...

Он решительно взял у тётки ножницы.

В цирке они сидели рядом. На арене плясали под музыку медведи, смешил клоун. Васёк подпрыгивал, хлопал в ладоши, хохотал. Отец тоже смеялся. Тётка, в шёлковой зелёной кофте, сидела прямо, она изо всех сил старалась соблюсти приличие, смеялась в платочек и останавливала Васька. В антракте ели мороженое. Павел Васильевич и Васёк, перебивая друг друга, делились впечатлениями. Тётка с тревогой поглядывала вокруг.

— Паша, кланяется тебе кто-то.

— А, товарищ мой с сынишкой... Здорово! Здорово! — басил Павел Васильевич, пожимая руку приятелю. — Вот, знакомьтесь: моя сестра.

— Евдокия Васильевна,—церемонно знакомилась тётка, протягивая сухую несгибающуюся ладонь. При этом голова её упиралась в плечи, на губах появлялась напряжённая любезная улыбка.

«Смешная какая-то!» — удивлялся Васёк.

Вечером, когда, весёлые и довольные, Трубачёвы вернулись домой, Васёк разделся и, по своему обыкновению, юркнул в отцовскую кровать, но тётка решительно воспротивилась этому:

— Ты что это, Паша, позволяешь? Что у него, своей кровати нету? Теперь и в деревнях вместе не спят... Какой это сон для рабочего человека!

— Да нам поговорить нужно ещё. Мы с папой всегда на ночь разговариваем! — сердился Васёк.

— Пускай, пускай полежит немного, — защищал его Павел Васильевич.

Но тётка до тех пор не погасила огня, пока Васёк не перебрался на свою кровать.

Уткнувшись головой в подушку, он чувствовал себя неуютно и думал, что многое ему нужно было сказать отцу. Он вспомнил, что завтра в класс придёт новый учитель, вспомнил Сашу и Колю на пруду, белый холмик и огромную жёлтую луну. Перед глазами всё стало путаться. Холмик вдруг вырос в огромную снежную гору. И Васёк заснул.

Глава 10

НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Каникулы кончились.

В дверях четвёртого «Б» стояли два ученика. Каждого входившего они сопровождали звонким шлепком по спине.

— Честь имею! Сам Трубачёв!

— Здоро́во! — кивнул головой Васёк.

В классе было шумно. Ребята наперебой рассказывали друг другу свои новости.

— Мы в цирке были, там медведь на велосипеде ездил! Ой, девочки, так смешно! — рассказывала подругам Надя Глушкова.

— А я всегда боюсь в цирке — вдруг кто-нибудь упадёт! — серьёзно сказала Степанова.

— Лида, Лида Зорина! — теребила Нюра Синицына свою подружку. — У тебя лёгкая рука! С кем бы мне партой поменяться? Где мне сесть? А то новый учитель придёт, а я ничего не знаю.

— Лягушка-путешественница! Прочного местечка ищет! — сострил Коля Одинцов, пробираясь к Саше Булгакову.

Саша, окружённый со всех сторон ребятами, рассказывал:

— Я сзади него шёл... Думал, может родитель чей-нибудь. А тут директор, Леонид Тимофеевич. «Ну, — говорит, — сегодня у вас, Сергей Николаевич, первое знакомство с классом?» Я тогда оглянулся и побежал... Трубачёв! — крикнул Саша. — Иди сюда!

Но Трубачёва атаковали девочки.

— Мы с лыжной экскурсии все вместе шли, а вы отделились. А Митя зато нас всех конфетами угощал! — хвалились девочки.

— Ну, что нам конфеты! Зато мы в таком месте были, где ни одна человеческая нога не ступала, — хвастнул Трубачёв, — где снежные обвалы каждый день...

— Снежные обвалы, говоришь? — насмешли-

во переспросил Мазин. — И не задавило вас там?

— Прищемило немножко, — усмехнулся Петя Русаков.

— Мы удрали! — весело крикнул Саша.

— Ну, удрали! Просто ушли, потому что уже поздно было. Надо будет когда-нибудь днём туда сходить, — сказал Васёк.

— Не советую. Я слышал от одного охотника-следопыта, что туда нередко забегают волки, — равнодушно процедил Мазин.

— Ребята, слышите? Волки! — ахнул Саша.

— Волки? Я так и думал, — сказал Васёк. — Вот если б ружьё!

— Да их нельзя стрелять. Теперь на пруду заповедник, разве вы не знали? Там вообще всякие звери водятся, — придумывал Мазин.

— Да ещё голодные, верно. Такой подняли вой... — поёжился Одинцов. — А мы-то было разлеглись в сугробе...

— Вот так история! — сказал озадаченно Трубачёв. — Значит, мы в заповедник залезли. Булгаков, слышишь?

— Слышу. Хорошо, что во-время выбрались оттуда, а то не собрали бы там наших косточек.

— Угу, — сказал Мазин и отошёл, удовлетворённый этим разговором.

В дверях показался Сева Малютин.

— Сегодня новый учитель! — сообщил ему Трубачёв.

По коридору прокатился гулкий звонок.

Ребята уселись за парты. Все взгляды устремились на дверь.

* * *

В класс вошёл учитель. Он поздоровался, оглядел ребят и сказал:

— Ну, будем знакомиться. Меня зовут Сергей Николаевич.

— Сергей Николаевич... — повторил кто-то из ребят.

Учитель улыбнулся и развёл руками:

— Но я один, а вас много! Давайте попробуем такой способ: я буду знакомиться сразу с целым звеном. Согласны?

— Согласны!

Ребята подтянулись, ждали. Учитель подошёл ближе к передним партам:

— Ну, начнём с председателя совета отряда.

Васёк вскочил:

— Есть! Председатель совета отряда Трубачёв!

Сергей Николаевич быстрым взглядом скользнул по крепкой фигуре Трубачёва, приметил непокорный рыжий чуб, тёмные глаза и приветливо кивнул головой:

— Запомню... Вожатые звеньев!

Лида Зорина, Саша Булгаков и Коля Одинцов встали.

— Давайте по очереди! — Учитель остановил глаза на Лиде.

— Звеньевая Зорина. В звене десять человек. Звено, встать! — краснея, скомандовала девочка.

Крышки парт с тихим шумом поднялись. Лида назвала всех по фамилии. За ней были вызваны Одинцов и Булгаков.

— А Булгаков у нас ещё староста!

— А Одинцов — ответственный редактор! — осмелев, зашумели ребята.

— Ну, значит, я приобрёл замечательных знакомых. Всё такие ответственные лица... — пошутил Сергей Николаевич.

Ребята улыбались, переглядывались, кивали друг другу. Лёня Белкин показывал за спиной большой палец, выражая этим своё удовольствие.

Сергей Николаевич сказал:

— А я видел ваши работы на выставке. Некоторые очень интересны. Например, ледокол... потом подводная лодка... Очень, очень неплохо сделано.

Новый учитель понравился. Он двигался по классу уверенно и легко, не делая лишних движений, говорил звучным голосом, отчётливо выговаривая слова. Спрашивал ребят, как они провели каникулы, где были, что видели. Потом рассказал, как он в детстве любил собирать всякие коллекции и однажды, зацепившись за какие-то водоросли, полчаса просидел в реке.

— Не утонули? — испуганно спросила Надя Глушкова.

— Как видишь, — улыбнулся учитель. Улыбка у него была очень светлая и запоминалась.

Ребята разговорились. Каждому хотелось рассказать что-то о себе. Коля Одинцов летом был на Урале. Он привёз оттуда разные камни.

— Ты принеси в следующий раз, мы их тут рассмотрим, — сказал учитель.

Саша Булгаков собирал марки, многие ребята — коллекции насекомых.

Васёк вспомнил, что летом он занимался выжиганием по дереву, и спросил:

— Можно принести?

— Принеси.

На следующем уроке Сергей Николаевич вызывал к доске. Спрашивая, он терпеливо ждал ответа, а одному мальчику заметил:

— Ты сначала подумай, о чём хочешь сказать, а потом говори. Надо, чтобы мысль была совершенно ясная, тогда её легко выразить словами.

Уходя, учитель обратил внимание, что в одном месте парты слишком выдвинуты вперёд, и без всякого усилия один передвинул весь ряд.

Ребята ахнули.

После уроков не хотелось расходиться по домам. Ребята шумно обсуждали каждую шутку учителя, каждый жест, улыбку, слово.

— Нет, какой силач! Силач-то какой! — с восторгом кричал Лёня Белкин.

— Из всех учителей наш самый лучший! — говорили девочки.

— Он, наверно, военным был. Крепкий такой, ловкий! — предположил Одинцов.

— У него, пожалуй, не побалуешься на уроке, — опасливо сказал Русаков.

Ребята засмеялись.

— Посмотрим, — равнодушно сказал Мазин. — А что он сделает?

— Вышвырнет из класса, вот что! Видал, как парты одним махом передвинул? — смеялись ребята.

— А мне так интересно было — я всё боялась, что звонок скоро, — улыбнулась Степанова.

— А Синицына-то, Синицына! — фыркнул Одинцов. — Как воды в рот набрала! А потом у

доски каким-то тоненьким, не своим голосом пищала.

— Врёшь! Врёшь! Ничего подобного! Я ничуть не испугалась. И учитель мне ваш не понравился. Ни капельки не понравился! — прищурившись, протянула Синицына.

— Да не может быть! — растягивая слова и так же прищурившись, передразнил её Одинцов.

— Дразнись не дразнись, а не понравился! — обернулась к нему Синицына.

— А почему не понравился? Говори, почему? — подступили к ней ребята.

— Она и сама не знает, — улыбнулась Валя Степанова.

— Нет, знаю! — упрямо сказала Синицына. — Во-первых, у него к детям никакого подхода нет. А просто он с нами обращается, как со взрослыми.

— Фью! — свистнул Одинцов. — Что же он, в детский сад пришёл? В ладоши хлопать должен?

В класс заглянул директор.

— Леонид Тимофеевич! А у нас новый учитель! — крикнула Лида.

— Да что ты говоришь? — развёл руками директор. — Как же это так? А я ничего не знаю!

Ребята дружно расхохотались.

— Я знаю, что вы знаете... — смутилась Лида, прячась за спины подруг.

Директор посмотрел на часы:

— Учитель новый, а расписание старое. Или вы решили на вторую смену остаться?

Ребята с шумом выбежали из класса.

* * *

Васёк ходил за тёткой, с жаром рассказывая ей про нового учителя:

— Он, знаешь, тётя Дуня, сильный какой! Он взял и прямо с одного маху все парты передвинул. Силач!

— Боксёр, наверно, — предположила тётка.

— Нет. Почему боксёр? — растерялся Васёк. — Боксёр — это, знаешь, в таких перчатках борется. А он нет. Он же учитель.

— А... учитель? — складывая в корзинку вымытые ножи и вилки, рассеянно переспросила тётка. — Ну-ну... А где же это у меня ножик один? Обронила, что ли?

Она полезла под стол.

Васёк присел на корточки и, приподняв скатерть, с жаром продолжал:

— У нас все ребята любят его! И не то чтобы он очень добрый, он даже улыбается редко...

— Нашла, — вылезая из-под стола, сказала тётка и вдруг озабоченно спросила: — С чего же это он всё улыбается да улыбается?

— Кто?

— Да учитель ваш. Эдак и с ученья твоего мало толку будет.

— Да ну тебя! — рассердился Васёк. — Я совсем наоборот говорил.

— Это что же такое «наоборот»? — сдвинув на нос очки, строго допытывалась тётка.

Васёк посмотрел на неё и прыснул со смеху:

— Ой, не могу!

— Ишь, смеяться-то ты горазд, — добродушно сказала тётка. — А вот посмотрю я, как в учёбе поспеваешь. Очень уж вас балуют теперь. А про учителя ты лучше отцу расскажи, он чело-

век самостоятельный, пускай сам разбирается, кто плох, кто хорош.

Васёк с хохотом выкатился в кухню:

— Таня! Я тёте Дуне про учителя рассказываю, а она... она... сначала... боксёром его...

Васёк беззвучно затрясся от смеха. Таня взглянула на его лицо и тоже залилась смехом. Тётка вышла в кухню и, поглядев на Таню, ехидно сказала:

— Не знаю, кто из вас старше да умнее!

Но слова эти только подбавили жару в огонь. Васёк и Таня смеялись уже без всякой причины, неудержимо и весело.

Павел Васильевич пришёл поздно. Он был взволнован предстоящей длительной поездкой.

— Недельки на три укачу, — говорил он, глядя на Васька тёплыми, озабоченными глазами. — Ты тут не скучай, Рыжик...

В этот вечер они долго разговаривали. Васёк торопливо рассказывал отцу все свои новости.

Учитель, по рассказам сына, понравился Павлу Васильевичу.

— Вот и гляди, чтоб не ударить перед ним лицом в грязь, — поучал он.

Тётка долго не гасила свет, но вмешиваться в разговор не решалась.

Утром в доме была суматоха. Тётка собирала отца в дорогу: пекла ему пирожки, складывала в чемодан бельё и метила его, чтобы оно, чего доброго, не перемешалось с чьим-нибудь чужим.

Васёк ходил за отцом по пятам и ежеминутно спрашивал:

— Ты целые три недели будешь?

— Три недели.

Васёк вздохнул.

— Ну ладно. Сегодня все ребята принесут в школу свои работы или коллекции. Я тоже хотел выжженную коробочку взять и мамину рамку.

Отец и сын начали разглядывать выжженные Васьком вещицы. Васёк осторожно держал в руках рамку. Из рамки смотрела на него мать со своей всегдашней спокойной милой улыбкой.

— В бумажку заверни. Не потеряй там, — сказал отец.

— Ну, что ты!

Они поглядели друг на друга. Сердце у Васька сжалось.

— Приезжай скорей, что ли, — пряча рамку, сказал он.

— Паша, Паша, — закричала тётка, появляясь на пороге, — собирайся! Что ты с ним, как маленький, связался! С коробочками да рамочками...

— Ну-ну, — сдвинул брови отец. — Не командуй. Это наши дела.

Он крепко обнял Васька. Васёк благодарно и горячо сдавил руками его шею.

Тётка покачала головой и скрылась в кухне.

* * *

На кустах, обросших мохнатым инеем, наросли высокие шапки снега.

Сергей Николаевич шёл из школы. Он не торопился. В глазах у него пестрел класс. Несколько фамилий и лиц уже запомнились, другие ещё терялись в общей массе.

«Живые, хорошие ребята! И директор приятный...»

Сергей Николаевич вспомнил, как Леонид

Тимофеевич, проводив его в класс, весь первый урок похаживал по коридору, как будто в классе сидели его собственные дети и держали экзамен перед новым учителем.

— Ну как? — вытирая платком круглую лысину, спрашивал он в учительской. — Как вам мои ребята?

Сергей Николаевич пожал ему руку.

Директор закивал головой.

— Там есть! Там есть пики-козыри! — сказал он, щуря смеющиеся карие глаза. — Но работать можно! Работать можно!

Учителя приняли Сергея Николаевича в свою среду просто и сердечно. Вожатый отряда Митя тоже понравился учителю.

Сергей Николаевич спрашивал Митю про пионерскую работу, сборы, экскурсии. Они вдвоём уселись на диван, а потом, стоя в дверях учительской, никак не могли расстаться, и Митя, силясь перекричать дребезжащий звонок, говорил:

— Мы на лыжах недавно через весь лес прошли... А девочки ребятам не уступают...

Сергей Николаевич взбежал на крыльцо маленького домика и крепко застучал ногами, отряхивая с калош снег.

Из комнаты его окликнул отец:

— Ну-ну! Долго ты нынче! Как там дела?

Сидя в кресле, Николай Григорьевич приоткрыл одну половинку двери и, откинув голову, смотрел на сына из-под густых бровей светлыми голубыми глазами.

— Ну как? Познакомился? Подружился?

— Познакомился! — Сергей Николаевич повесил пальто, бросил на полку шапку. — И, кажется, подружусь!

— Ну и хорошо! Первое впечатление самое верное, говорят. За обедом подробно расскажешь. А у меня радость! Письмо получил. Матвеич мой объявился! На пасеке живёт. Приглашает в гости. — Старик протянул сыну письмо: — Вот, читай!

— Да ну? Матвеич?! А про Оксану пишет? — пробегая глазами неровные строчки, спрашивал Сергей Николаевич.

— Пишет, пишет! Соскучилась твоя сестрёнка, — вздохнул отец.

Матвеич был старый товарищ Николая Григорьевича. В гражданскую войну оба они партизанили на Украине, потом расстались, изредка обмениваясь письмами и сохраняя старую дружбу. Теперь Матвеич звал старика на Украину: «Приезжай, старина! Полечим твои больные ноги».

От партизанских лет, проведённых в лесах и болотах, у Николая Григорьевича к старости разболелись ноги. Он редко куда-нибудь выходил и в отсутствие сына скучал, с нетерпением глядя в окно. Особенно мучало его безделье.

— Я ведь ещё работать могу. Ноги мне не мешают, — грустно говорил он сыну. — Ты вот всю ночь там что-то пишешь. Давай я хоть помогать тебе буду.

Как-то Сергей Николаевич попросил отца переписать свой доклад, с которым он должен был выступать на совещании учителей. Старик оживился, захлопотал и принялся за работу. Он тщательно переписал доклад разборчивым, крупным, немного детским почерком, без единой помарки.

— Ого! Да тебе мог бы позавидовать любой

ученик четвёртого класса! — смеясь, сказал Сергей Николаевич.

Вечером, выметая комнату, он обнаружил в углу скомканную бумагу — это были испорченные листы с кляксами. Но старик уже зарекомендовал себя как переписчик. И теперь Сергей Николаевич сам часто обращался к нему с просьбой переписать что-нибудь.

Прочитав письмо, они вдвоём стали сочинять ответ Матвеичу.

— А что, Серёжа, может и катнём с тобой в гости, а?

— Катнём, катнём, — отвечал Сергей Николаевич. — Как-нибудь летом...

Глава 11

В КЛАССЕ

Ребята из четвёртого «Б» прибежали в школу раньше всех. Почти каждый из них тащил что-то подмышкой или осторожно нёс свою раздутую сумку.

— Стой, стой! Показывай, что за багаж у тебя? — останавливал на крыльце Грозный.

Иван Васильевич не переносил двух вещей: пугачей и рогаток.

Нюх у него на эти вещи был безошибочный:

— Стоп! Что-то ты какой бодрый нынче?

И, нащупав оттопыренный карман, Грозный вытаскивал оттуда предательски торчавшую рогатку.

— Так... до зубов вооружился. Давай пугач!

— Да нету у меня, Иван Васильевич!

— Нету? Кому-нибудь другому рассказывай!

Васька он пропустил беспрепятственно — из сумки у него торчал только выжженный пенал.

В классе ребята показывали друг другу свои сокровища. Девочки принесли вязанье, платочки, вышивки. Мальчики высмеивали их:

— Станет он это смотреть, очень ему нужно! В куклы с вами играть!

— Мы Марии Михайловне всегда показывали. Ей даже нравилось очень! — кричали девочки.

— Марии Михайловне! Да она сама вышивала, она учительница, а он учитель! — доказывали им мальчики.

— Девочки, не слушайте их! Вот назло я первая свою вышивку покажу! Я не боюсь! — кричала Синицына.

— Ну, и что хорошего? Только осрамитесь! — возмущался Одинцов.

— А какое вам дело? Мы сами за себя отвечаем.

— Девочки, не обращайте на них внимания! — уговаривала подруг Зорина.

Валя Степанова медленно развязывала какую-то коробочку:

— Мы просто покажем всё, что у нас есть. А ты, Одинцов, умнее, когда молчишь, честное пионерское.

Надя Глушкова запрыгала:

— Получил? Получил?

На Одинцова со всех сторон посыпались шутки.

— Ну, напали! — крикнул Лёня Белкин. — Одинцов, удирай, а то засмеют!

— Да ну их!

Навстречу Ваську бросился Саша:

— Трубачёв! Я тебя давно жду. Вот марки принёс!

— И я принёс пенал и рамку! — Васёк похлопал по сумке.

— Трубачёв! — крикнула Синицына. — Мы первые будем свои работы показывать.

— Трубачёв! Они хотят со своими вышивками вылезать... Понимаешь? Новый учитель — военный человек, а они к нему с тряпками! — объяснил Одинцов.

— Мы не с тряпками!

— А с чем же?

— У нас — своё, а у вас — своё!

Васёк положил на парту сумку.

— Тише! — Он выждал, пока наступила тишина. — Кого Сергей Николаевич спросит, тот и покажет — мальчик или девочка, понятно? А самим не вылезать, категорически, понятно?

— Понятно! — прошумел класс.

— Ну, и лучше! Так, по крайней мере, никому не обидно.

Ребята занялись рассматриванием принесённых вещиц. В классе шуршала бумага, под партами валялись обрывки газет, тесёмки, тряпочки.

Саша был занят марками. Одинцов раскладывал по ящикам свои камни. Трубачёв, сидя боком на парте, что-то рассказывал ребятам. Когда в класс вошёл Сергей Николаевич, все вскочили. Учитель прошёл к столу. Под ноги ему попалась какая-то бумажка. Он поднял её, повертел в руках, потом оглядел класс и сдвинул брови.

— В классе грязно. В чём дело? — отчётливо сказал он, заложил руки за спину и отошёл к окну.

Несколько ребят сорвались с места и нырнули под парты. Через минуту учитель повернулся к классу. Все сидели уже на местах с виноватыми, сконфуженными лицами.

— Я думал, что говорить о чистоте и порядке в четвёртом классе мне не придётся. Но пусть это будет в первый и последний раз. Вы не малыши, и объяснять тут вам нечего. Есть староста, есть дежурный по классу, есть санком. Честный человек честно относится к своим обязанностям.

Все были подавлены. Синицына, прикрыв ладонью рот, отвернулась и сделала ребятам гримасу.

«Что? Говорила я вам? Вот и любите его после этого!» — было написано на её торжествующей физиономии.

Начался урок. Учитель вызывал к доске, спрашивал с мест. Ребята подтянулись. Они старались так ходить, как ходит учитель, так чётко выговаривать слова, как выговаривает он, и вообще заслужить улыбку, шутку, похвалу. Выходя к доске, мальчики прижимали руки к туловищу и старались держаться прямо, по-военному.

На переменке озабоченно переговаривались между собой:

— Не спрашивает, что принесли!

— Забыл или рассердился!

— Ага, похвалиться хотели, а он и не спрашивает ничего! — язвила Синицына.

Васёк заложил в учебник свою рамочку — он уже пожалел, что принёс её: «Зря только карточку изомну».

Но на последнем уроке Сергей Николаевич вдруг сказал:

— Кто-то из вас собирался принести свои работы, коллекции. Одинцов, кажется, хотел показать уральские камни.

Ребята ожили:

— Одинцов, Одинцов, иди!

Одинцов покраснел от удовольствия:

— Можно показать?

— Конечно.

Одинцов вытащил из сумки серую коробку с несколькими отделениями и подошёл с ней к столу. Учитель внимательно рассматривал камни — о каждом он знал что-нибудь интересное. Рассказывая, держал камень на ладони и обходил с ним всех учеников.

Или говорил Одинцову:

— Покажи ребятам.

За камнями появились коллекции насекомых, за коллекциями — Сашины марки. Всё приобретало особый интерес в руках учителя.

— Вот этот жук... — говорил Сергей Николаевич.

И жук начинал оживать в его рассказе. Он гудел, жужжал, портил в садах деревья, спасался от преследования и наконец укладывался обратно в коробочку.

— Вот эта марка... — говорил учитель.

И марка начинала длинное путешествие из чужой страны через моря, через океаны, на судне, на самолёте, в поезде и наконец возвращалась к Саше.

Васёк показал пенал и рамку с карточкой матери. Учитель спросил, кто выжигал.

Васёк сказал, что он сам. Учитель посмотрел на карточку и улыбнулся:

— Твоя мать?

— Да, — сказал Васёк и, испугавшись, что учитель будет что-нибудь спрашивать, поспешно добавил: — Она умерла.

— Возьми, — сказал учитель, передавая ему рамку.

И, подняв вверх пенал, стал рассказывать, как по дереву можно выжечь различные рисунки и раскрасить их.

Несколько мальчиков не принесли ничего. Учитель удивился:

— А что же вы любите, что делаете дома?

Малютин вытащил из-под парты большой лист.

— Я немножко черчу, — сказал он. — Вот тут я нашу школу начертил, и улицу, и парк... — Рассказывая, он проводил мизинцем по тонким и жирным линиям на бумаге. — А вот это, — указал он на другой чертёж, — прямо так, я выдумал из головы такое, как бы мне хотелось... чтобы было... новая школа, фруктовый сад вокруг, пристань...

Ребята вытянули шеи и с любопытством смотрели на Севу.

— Постой, это очень интересно. Это план, так сказать. Молодец! — с видимым удовольствием сказал учитель. — А как же ты чертить научился?

— У меня мама чертёжница, я ей помогаю иногда, — скромно сказал Сева.

— Интересно, — улыбнулся учитель. — Ну, давай покажем ребятам, как делается план улиц, строений. Покажи-ка им школу!

Сева прошёл по всем партам, объясняя:

— Вот улица... вот школа...

Когда он кончил, Сергей Николаевич сказал:

— А девочки нам ничего не показали!

Девочки низко наклонились к партам. Лида Зорина бросила торжествующий взгляд на мальчиков и шепнула что-то Вале Степановой.

Степанова встала:

— У нас одно фото... Потом одна девочка занимается лепкой, потом ещё одна книжки переплетает... и ещё...

Она обернулась к подругам.

— Игрушки... игрушки... — подсказал кто-то сзади.

— Да, игрушки на ёлку и ещё... вышивки всякие, — закончила Валя Степанова.

— Так давайте, что же вы! Это всё нужные и интересные занятия. Очень интересные!

Девочки, перешёптываясь, достали свои свёрточки и гуськом потянулись к столу.

Мальчики переглядывались.

— Ого! Когда это они делали? Вот хитрюги какие!

— Смотри, смотри! Степанова снимок показывает!

Сергей Николаевич держал в руках фотографический снимок.

— Очень интересная работа! Это ты, что же, увеличила?

За снимками появился удачно вылепленный из глины галчонок с раскрытым ртом и растопыренными крыльями, за галчонком — вылитые из гипса фигурки и аккуратно переплетённые книги.

Мальчики молча таращили глаза.

Сергей Николаевич рассматривал всё с большим интересом. Лучшие работы показывал классу.

Вышивки, кружева и вязанье тоже понравились учителю.

— А вот это и я умею делать, — вдруг сказал он, поднимая вверх туго сплетённый из сутажа пояс. — У меня даже галстук такой есть!

Девочки ликовали. Мальчики улыбались, но на девочек не глядели.

Учитель рассмотрел ещё несколько вышивок; на одной трудно было определить, кто вышит — не то заяц, не то кошка. Разговор перешёл на мышей, ежей, кроликов.

Одинцов сострил:

— А Лёня Белкин поймал белку.

— Жалко, что у нас нет Медведева: он поймал бы медведя, — сказал учитель.

— Есть, есть Медведев! — закричали ребята.

Медведев, коротенький, щупленький мальчик, поднялся с места.

— Мне не поймать, — смущённо сказал он под громкий хохот ребят.

Глава 12

„ТИШЕ... ТИШЕ...“

Одинцов, Саша Булгаков и Васёк вышли вместе.

— Вот что, ребята, — сказал Васёк. — Давайте пересмотрим расписание дежурных, чтобы такого, как сегодня, больше не было. Слыхали, как он сказал: в первый и последний раз! Да ещё о честности...

— Да! — подхватил Одинцов. — Я сегодня чуть не пропал, думал — сквозь землю провалюсь, когда он отошёл к окну.

Саша вытащил записную книжку:

— Кого же мне назначить? Может, вместе составим расписание?

— Одинцов, ты помоги ему... Знаешь, чтоб подобрать хорошие пары, кого с кем, чтобы всё как по маслу шло!

— Ладно! Мы сделаем! А я вот что, ребята, придумал: давайте попросим Сергея Николаевича посадить нас вместе, — сказал Одинцов.

— Да как же мы втроём сядем? — засмеялся Васёк.

— Ну, один впереди, два сзади, а всё-таки вместе. Попросим, а?

— Ну что ж, попросим! — решили товарищи.

У своего дома Васёк распрощался с друзьями.

— Папа уехал? — спросил он у порога.

— Уехал. Утром ещё. А ты что же, забыл? — отозвалась тётка, накрывая на стол.

— Нет, не забыл.

Васёк почувствовал острую необходимость видеть отца, рассказать ему о том, что было в классе, посоветоваться.

«Сейчас надо бы подтянуть ребят... — подумал Васёк. — А как подтянуть?»

Он вспомнил, что ему говорил Митя: «Хочешь ребят подтянуть — подтянись сам, а то ребята знаешь какие? Сразу скажут: «Ты что с нас спрашиваешь? Ты раньше с себя самого спроси».

Васёк вспомнил, что за всё время каникул он не брал в руки учебника, и, наскоро пообедав, сел заниматься. Но мысли как-то разбегались, что-то не додумывалось до конца, беспокоило.

«Со стенгазетой запаздываем. И что Одинцов думает! Ведь он редактор, почему я должен ему напоминать?»

Кроме стенгазеты, что-то ещё царапало Васька. Когда учитель похвалил Малютина за чертежи, Васёк вдруг почувствовал что-то против Севы и довольно грубо сказал ему, когда тот сел рядом с ним: «Не рассаживайся на всю парту со своими планами!»

— Васёк! — позвала из кухни Таня. — Иди сюда! У меня билеты в кино, пойдёшь? У нас в клубе. Вместе и домой потом придём.

Васёк не успел ответить — тётка просунула в дверь голову:

— Васёк уроки должен учить, день будний, а в вашем клубе как-нибудь обойдутся без него!

— Как хочет, — бегло взглянув на мальчика, сказала Таня.

— Ему и хотеть нечего, за него взрослые думают...

— Почему это ещё? — грубо прервал её Васёк. — Захочу — и пойду! Ты мне запретить не можешь, я не маленький.

— Тише, тише... — вдруг зашептала тётка, приложив к губам палец с напёрстком и оглядываясь с таким видом, будто в комнате спал ребёнок. — Тише, тише... тише.

— Чего «тише»? — сбавляя тон, удивлённо спросил Васёк.

— Сядь на место сейчас же, — тем же значительным шопотом произнесла тётка.

Таня смотрела на неё испуганными глазами.

— Сядь на место тихонечко...

Васёк пожал плечами, пошёл в свою комнату и сел на место.

— Ну, и чего? — нетерпеливо спросил он, поднимая глаза на вошедшую за ним тётку.

Тётка молча закрыла в кухню дверь и спокойно взяла своё шитьё.

— Что «чего»? — сказала она обычным голосом. — Чего задано. Сиди и занимайся.

Васёк покраснел от злости.

«На пушку взяла... «Тише... тише...» Колдунья старая!» — с раздражением думал он, глядя на склонённую голову тётки с ровным, как ниточка, пробором.

Но делать было нечего. Он раскрыл учебник географии и стал заниматься. А поздно вечером, засыпая, слышал сквозь сон, как тётка отчитывала Таню:

— Ваше ученье в ваших руках. Вы себя са-

мостоятельной чувствуете, хотя и не сказать, что много над образованием трудились, а Ваську ещё учиться да учиться. Теперь сын отца перегоняет, в жизни последнее место никому не надобно, а вы молодая, беспечная — может, вся ваша жизнь для кино пойдёт...

Васёк не слышал, что отвечала Таня, и сам не мог двинуться на её защиту; голос тётки, однозвучный и монотонный, как дождь по стеклу, заглушался непобедимым сном набегавшегося за день человека. «Иш-шь... ты... тётка...»

Глава 13

РАСПИСАНИЕ

Одинцов и Саша Булгаков, проводив Васька, пошли вместе, советуясь, как лучше составить расписание дежурств.

— Хорошо бы девочек отдельно, а мальчиков отдельно, — сказал Саша, — а то они на дежурстве ссориться будут и сваливать друг на друга.

— Верно! — обрадовался Одинцов. — Мы их отдельно поставим. Пусть они за себя отвечают, а мы за себя. Тогда, по крайней мере, Сергей Николаевич сразу будет знать, кто честно дежурит, а кто нечестно.

— Да, и потом соревнование у нас получится.

— Зайдём сейчас ко мне и сразу напишем, а завтра вывесим, — предложил Одинцов.

— Зайдём!

Товарищи провозились часа два, а утром чи-

сто переписанное Одинцовым расписание висело в классе под двумя заголовками:

„Дежурство мальчиков"

и

„Дежурство девочек"

Дальше следовали фамилии.

* * *

На другой день Васёк встал рано. Тётка разговаривала с ним как ни в чём не бывало.

«Обманула меня вчера, хитрюга!» — беззлобно думал Васёк, вспоминая вчерашний случай.

В школе навстречу ему бросился Лёня Белкин:

— Трубачёв, иди скорей! Там девчонки из-за расписания крик подняли.

— Какой крик? — Васёк быстрыми шагами вошёл в класс.

Около нового расписания собралась целая куча ребят.

— Неправильно! Всё равно неправильно! — кричали девочки. — Не имеете права разделять класс! И мы ничуть не хуже вас дежурим!

— Не хуже, а лучше!

— А ты, Булгаков, звеньевой, да ещё староста, Одинцов тоже звеньевой, а делаете неправильно! — кричала Лида Зорина, взъерошенная, как птица, защищающая своих птенцов.

— Вы лучше, так вот мы вас отдельно и поставили! — старался перекричать её Одинцов.

— Мы думали соревноваться с вами, — оправдывался Саша.

— Не спорьте, не спорьте! — вмешался Васёк. — Не кричите! Сейчас всё разберём!.. Зорина, подожди!.. В чём дело, Булгаков?

— Понимаешь, мы их отдельно в расписании поставили, чтобы в случае чего они сами за себя отвечали, а мы сами...

— А они орут! — с возмущением перебил Сашу Одинцов. — Мы хотим, чтоб лучше было...

— Трубачёв! — выскочила опять Лида. — Они хотят, чтобы мы дежурили отдельно, а я считаю — это не по-товарищески. Мы все должны быть вместе. И вообще, ребята к девочкам придираются... Ты разберись, Трубачёв!

— Вы вечно на нас жалуетесь! — кричал Белкин.

— Из-за всякой мелочи тарарам поднимаете! — презрительно бросил Мазин.

— Тише! — Васёк крепко сдвинул брови, подошёл к стене, сорвал расписание и сунул его Одинцову: — Перепиши заново. Зря это.

Класс притих. Одинцов и Саша глядели на Трубачёва виноватыми глазами.

Васёк сердито повернулся к ним:

— Мы ведь как хотели сделать? Составить крепкие пары дежурных. А вы что? Одним словом, надо переписать заново. И нечего крик поднимать!

— Девчонки все языкатые! — крикнул кто-то из ребят.

— Мы не языкатые, а если неправильно, молчать не будем, мы тоже... — начала Степанова.

— Перестань! — прервал её Васёк. — Сейчас звонок будет... Ребята, по местам!

Ребята разошлись по партам, кое-кто продолжал ещё ворчать.

Васёк Трубачёв поднялся из-за парты и, обернувшись лицом к классу, постоял так несколько секунд. Потом молча сел.

— Образцовая тишина. Я думал, у меня ни одного ученика нет, — пошутил Сергей Николаевич, входя в класс.

Васёк пригладил свой рыжий чуб и удовлетворённо улыбнулся.

Глава 14

УРОК ГЕОГРАФИИ

Первый урок был география. Сергей Николаевич принёс в класс большую немую карту.

— Сейчас мы с вами немножко попутешествуем, — сказал он, отходя в сторону и потирая руки.

Из окна на лицо Сергея Николаевича падал свет, и ребята в первый раз заметили, что у него светлосерые глаза и очень белые зубы.

— Ну так... Трубачёв! Зорина! Мазин! — медленно вызывал учитель.

Ребята с интересом смотрели, как один за другим подходили к доске вызванные.

Васёк старался казаться спокойным, чёрные бровки Лиды Зориной испуганно лезли вверх, и даже на толстых щеках Мазина выступил румянец.

Все трое остановились у карты.

Учитель окинул их взглядом и обратился к классу:

— Три рыбака... скажем, бригадиры рыболовецких бригад, водным путём везут в Москву рыбу.

Ребята слушали внимательно, боясь пропустить хоть одно слово.

— Ты, Трубачёв, везёшь рыбу... — учитель прищурился и поглядел на карту, — с Балтийского моря. Зорина везёт рыбу с Каспийского моря, а Мазин — с Белого моря. Все три бригады должны встретиться в Москве, понятно?

— Понятно, — ответил за всех Васёк.

Лида Зорина уже бегала глазами по карте. Мазин тоже уставился на карту, пытаясь определить направление рек.

— Посмотрите внимательно, выберите себе путь и отправляйтесь, — сказал Сергей Николаевич. — Ну, кто первый начнёт?

Ребята поглядели друг на друга.

— Я, — сказал Васёк и взял указку. «Будь что будет!» — подумал он.

— Трубачёв? Ну, пожалуйста!

— С Балтийского моря я вошёл в Финский залив... — начал Васёк.

Учитель кивнул головой.

— ...прошёл по Неве... — Васёк показал на карте.

— Хорошо, — сказал Сергей Николаевич.

— ...в Ладожское озеро...—Васёк откашлялся, чтобы выиграть время, — затем вот по этой реке...

— Свири, — подсказал Сергей Николаевич.

Васёк заторопился:

— ...в Онежское озеро...

Через секунду он уже плыл по Шексне, достиг Рыбинского моря, благополучно прибыл в Москву и с облегчением вздохнул.

— Очень хорошо, Трубачёв! Теперь жди своих товарищей.

Лида Зорина взяла указку.

— Вот, кажется, на встречу с тобой направляется женская бригада Зориной... Откуда идёшь, Зорина?

— С Каспийского моря, — ответила Лида Зорина, осторожно вывела свой пароход на Волгу, прошла мимо Астрахани, мимо Сталинграда, вышла на реку Оку, бойко перечислила по пути несколько городов, благополучно прибыла в Москву и, тряхнув косичками, передала указку Мазину.

— Я вот здесь поеду, — сказал Мазин, направляясь к Северной Двине.

Учитель улыбнулся:

— Как хочешь, но у тебя есть более короткий путь.

— Я по Северной Двине, — безнадёжно сказал Мазин, упираясь в неизвестные ему притоки. Направо узенькая ниточка неожиданно оборвалась. Налево путь был неизвестен. Мазин подумал и вернулся обратно. — Застрял, — сознался он, отвечая на вопросительный взгляд учителя.

— Трубачёв, подскажи ему, — сказал учитель.

Трубачёв взял у Мазина указку.

— Можно через Сухону к Рыбинску, — сказал он.

Когда Мазин с помощью Трубачёва добрался до Москвы, Сергей Николаевич посадил всех трёх учеников на место и сказал:

— Трубачёв справился с трудным путём. Зорина тоже не сплоховала. А вот Мазин пока что плохой путешественник. Москва, пожалуй, не скоро получит от него рыбу.

Ребята засмеялись. Но Сергей Николаевич стал серьёзным:

— Тебе, Мазин, нужно немножко подучиться.

Мазин почесал затылок:

— Я много пропустил...

— Трубачёв, помоги товарищу, — сказал Сергей Николаевич.

— Есть! — радостно отозвался Трубачёв и оглянулся на Мазина.

По одному взгляду его Мазин понял, что занятия будут серьёзные.

«Пожалуй, я с ним не только в Москву, а в Атлантический океан заеду», — со вздохом подумал он. И не ошибся. Сразу же на переменке Васёк с решительным видом подошёл к нему:

— Выбирай: я к тебе или ты ко мне?

— Я к тебе, — уныло ответил Мазин.

— Ну, — сказал Русаков товарищу, — не хотел бы я быть на твоём месте. С Трубачёвым дело иметь — чахотку наживёшь. По всем горам будешь лазить, во всех реках искупаешься, — печально сострил он.

— Зато в классе не утону, — усмехнулся Мазин.

После обеда он направился к Трубачёву.

Васёк уже ждал его, с нетерпением поглядывая на дверь.

— Ну и обедаешь ты! Целую корову можно съесть за это время! — встретил он товарища.

Мазин увидел карту, разложенную на полу, и почесал затылок:

— Эх, жизнь!

Васёк вытащил учебник географии:

— Говори честно, что знаешь и чего не знаешь.

Мазин скосил глаза на учебник:

— Ничего не знаю.

— Совсем ничего?

— Совсем ничего.

— Ладно, — сказал Васёк, — начнём с первой страницы.

— Я способный, — утешил его Мазин. — Давай показывай.

Мальчики погрузились в занятия. Тётка два раза заглядывала в комнату, на цыпочках проходила мимо двух склонённых над картой голов и, когда Мазин ушёл, сказала Ваську:

— Это что ж ты на этого толстого здоровье своё тратишь? Два часа на коленках лазил, небось и чулки протёр. Кто это велел тебе?

— Учитель велел. Да он способный, ничего,— ответил Васёк, собирая на завтра книги.

Глава 15

СТЕНГАЗЕТА

— Доброе утро! — сказал по радио чей-то громкий голос.

Васёк вспомнил, что как-то в разговоре с ре-

бятами Сергей Николаевич посоветовал всем делать зарядку. Он почувствовал прилив бодрости, вскочил с постели и, стоя в одних трусиках посреди комнаты, начал делать упражнения.

— Ты что это акробатничаешь с утра? — недовольно спросила тётка, обходя его стороной с чайной посудой в руках.

— Зарядку делаю!

Васёк показал ей на радио. Тётка прислушалась.

— Вдох... выдох... приседание...

— Не очень-то приседай, а то в школу опоздаешь, — добродушно сказала тётка, не смея спорить с тем, чей голос в этот утренний час распоряжался всеми ребятами.

«Значит, так надо, — решила она про себя. — Зря бы не стал человек по радио надрываться». И, выждав, пока Васёк кончил, тётка спросила:

— А что же ты раньше этой самой зарядки не делал?

Васёк, обтирая мохнатым полотенцем крепкое, как орех, разогретое движениями тело, просто ответил:

— Глупый был.

— А... поумнел, значит? — пошутила тётка.

Племянник ей нравился. Он аккуратно ходил в школу, учился, учил других, хорошо ел, крепко спал и редко спорил с нею. Каждый день спрашивал, нет ли писем от отца, скучал без него, но не жаловался, не ныл, а переносил разлуку стойко.

От Павла Васильевича уже было одно письмо.

Тётка с особым удовольствием передала его Ваську и, увидев его загоревшиеся глаза, с удо-

влетворением подумала: «Хороший сын. Такой сын и на старости отца не обидит».

В письме Павел Васильевич описывал дорогу, места, которые он проезжал, мирную трудовую жизнь тамошних людей.

«Богато тут живут люди, и всего здесь много, только нет моего вихрастого Рыжика», — неожиданно заканчивал отец. Васёк читал, перечитывал, смеялся, а вечером забрался на отцовскую постель и заснул, положив письмо под подушку. Утром, лёжа в кровати, он пересчитал по пальцам, сколько дней осталось ещё до приезда отца: десять плюс шесть — шестнадцать.

— Шестнадцать так шестнадцать, — сказал он вслух, тяжело вздыхая.

Хотелось, обхватив руками шею отца, рассказать ему все новости, порадовать хорошей отметкой по географии и похвалой учителя.

«Ничего! Я ещё за это время постараюсь, — успокоил себя Васёк. — Надо Мазина подтянуть хорошенько».

После зарядки и умывания Васёк позавтракал и отправился в школу.

— Ну, как Мазин? Соображает что-нибудь? — спросили его ребята.

— Способный, как чорт! — с гордостью ответил Васёк.

— Да что ты? — удивился Саша и с сожалением покачал головой. — Значит, просто учиться не хотел.

— Жирняк эдакий! — засмеялся Одинцов. — Ты с него жирок спусти маленько, лучше голова будет работать.

— Лучше не надо, он и так всё вперёд как-то соображает.

— Как это вперёд? — заинтересовались Саша и Одинцов.

— А так... Смотрит по карте — реки там или горы, сейчас же надует щёки, уставится куда-нибудь в одну точку и скажет: «Здесь можно тоннель пробить, тогда вот сюда выход будет». Или насчёт реки интересуется: «Тут если плотиной загородить, так океанский пароход пройдёт!»

Васёк откинул голову и засмеялся. Товарищи тоже засмеялись.

— А ведь здорово! И правда вперёд соображает, — удивился Лёня Белкин.

— Ну, лишь бы не назад! — сострил Одинцов и, заметив входившего Мазина, толкнул Трубачёва: — Не смейся, а то подумает — над ним.

Васёк встал и пошёл навстречу Мазину.

— Ты повторил на ночь всё, что мы прошли? — строго спросил он.

— Повторил.

— Ну, знаешь теперь?

— Назубок.

— Молодец! Сегодня опять приходи.

— Сегодня стенгазету нужно делать, Митя спрашивал. Я свою статью написал, а ребята ничего не дают, — сказал подошедший Одинцов. — Одна Синицына какие-то дурацкие стихи написала. Ты объяви в классе сегодня. И так до последнего дня дотянули, — озабоченно добавил он.

— А ты сам-то что молчал? Ты редактор!.. Булгаков! — крикнул Васёк.

— Чего? — отозвался со своей парты Саша.

— «Чего» — ничего! Митя сердится. В стенгазету никто не пишет, — сказал Трубачёв.

— А я виноват? — вспыхнул Саша. — У нас редактор есть — Одинцов.

— «Редактор, редактор»! Что мне, за всех писать самому, что ли? — буркнул Одинцов.

— Ну ладно, — сказал Трубачёв, — сегодня соберём редколлегию.

— Ребята! — закричал Одинцов. — После уроков — редколлегия. Сейчас же давайте заметки в стенгазету!

— А о чём писать? Что писать? — раздались голоса.

— Пишите, о чём хотите!

— Моё дело сторона! Я стихи дала, — вскочила Синицына.

— Я тоже одну заметку написала, — сказала Зорина, оглянувшись на подруг.

— А я не умею ничего, я не писатель, — заявил Петя Русаков.

— Мазин! — крикнул Васёк.

— Чего?

— Пиши заметку!

— Хватит с меня географии.

Ребята захохотали:

— Он теперь с Трубачёвым рыбу возит!

— В Белом море купается!

— У него на Северной Двине крушение произошло!

— Эй, Мазин!

— Ребята, без шуток, — сказал Васёк, — кто ещё заметку даст?

— А чего Трубачёв командует? Пускай сам тоже напишет! — крикнул кто-то из девочек.

— И напишу! — покраснел Трубачёв. — Сегодня же. Кто ещё?

В классе стало тихо.

— Я дам рисунок, — сказал Малютин.

— Кто ещё? — повторил Васёк.

Над партами поднялось несколько рук. Одинцов сосчитал.

— Хватит, — облегчённо сказал он и сел на своё место.

* * *

На большой перемене Васёк вместе с ребятами вышел на школьный двор. Ребята сейчас же затеяли перестрелку снежками, но Васёк потихоньку удалился в самый угол двора и, засунув руки в карманы пальто, стал ходить по дорожке вдоль забора. Его беспокоила заметка, которую он обещал сегодня же дать в стенгазету. Он завидовал Одинцову, который легко справлялся с такими вещами.

«Он, может, вообще будущий писатель, а я, наверно, архитектор какой-нибудь — о чём мне писать? — Васёк сердился на всех и на себя. — Если б я ещё дома сел и подумал, а так сразу — какая это заметка будет!»

Он слышал весёлые голоса и хохот ребят, видел, как ожесточённо нападали они друг на друга, как шлёпались о забор и разлетались белые комочки снега.

«Бой с пятым классом. Наши дерутся! А я здесь...»

— Трубачёв, Трубачёв, сюда! — нёсся издали призыв Саши.

Закрываясь рукавом, он боком шёл на врага, сзади него стеной двигались ребята из четвёртого «Б», и даже девочки поддерживали наступление, обстреливая неприятеля со стороны.

— Трубачёв!..

Васёк рванулся на призыв, но вдруг остановился, круто повернулся спиной к играющим,

присел на сложенные у забора брёвна и вытащил из кармана бумагу и карандаш.

Несколько любопытных малышей вприпрыжку побежали к нему.

— Куда? Кыш отсюда! — грозно крикнул на них Васёк и, устроившись поудобнее, решительно написал:

«В последнюю минуту

Ребята! Ничего нельзя делать в последнюю минуту, потому что торопишься и ничего толком не думаешь. Эту заметку я мог бы написать дома, а сейчас пишу на большой перемене. Последняя минута — самая короткая из всех минут, а сейчас я вспомнил, что мог бы о многом написать — о дисциплине, например. Но в школе уже звонок, а заметку я обещал дать во что бы то ни стало, и получилось у меня плохо. Давайте, ребята, ничего не будем оставлять на последнюю минуту!

В. Трубачёв.»

Васёк решительно свернул листок и зашагал по тропинке.

— Одинцов, прими заметку, — не глядя на товарища, сказал он.

— Уже? — удивился Одинцов, вытирая шарфом мокрое, разгорячённое лицо. — Я так и знал, что ты пишешь! А мы тут пятых в угол загнали. Как окружили их со всех сторон — и давай, и давай! Сашка орёт: «Трубачёв! Трубачёв!» Слышал?

— Слышал... я на брёвнах сидел, — с сожалением сказал Васёк. — Сам себя наказал... да ещё написал плохо...

— Плохо? Посмотрим,—важно сказал Один-

цов, пряча заметку. Он почувствовал себя ответственным редактором. — Плохо, так исправишь.

— Отстань, пожалуйста! Я и эту-то наспех писал, когда мне исправлять её? Не на уроке же! — рассердился на товарища Васёк. — Плохо — не бери. Вот и всё!

— С Митей решим, что брать, а что нет. Материала хватит, — независимо ответил Одинцов и, увидев Лиду Зорину, подошёл к ней.

Васёк уселся на свою парту и заглянул через плечо в тетрадку Малютина. Тот, глядя на картинку в книге, писал крупными буквами незнакомые слова.

— По-каковски это? — спросил Васёк.

— Немецкий у меня сегодня после школы. Я в группу хожу, — пояснил Сева.

— А зачем это тебе? Ведь у нас английский учат.

— Немецкий тоже надо знать, — просто ответил Сева.

— Всех языков не изучить!

Сева хотел что-то возразить, но Васёк был зол и повернулся к товарищу спиной.

«И зачем это я такую дурацкую заметку дал? Может, лучше назад взять, а то все надо мной смеяться будут. Пойти к Одинцову?»

Но к Одинцову он не пошёл, сомневаясь, что лучше: не выполнить обещание или осрамиться с плохой заметкой.

* * *

В пионерской комнате шла оживлённая работа. Ребята складывали по порядку номера журналов и подшивали «Пионерскую правду», чтобы передать в школьную библиотеку.

Васёк покрывал лаком рамку для стенгазеты.

«Вот это по мне», — думал он, с удовольствием макая кисть в густой лак.

Митя сидел за столом, просматривая заметки для стенгазеты.

— Это всё у тебя? — спросил он Одинцова, приглаживая пальцами светлые волосы. — Маловато, плохо шевелитесь!

— Многие только сегодня дали, — виновато сказал Одинцов. — Вот Лида Зорина дала заметку, и Трубачёв, и ещё несколько ребят... — Он подвинул к Мите новую пачку бумаг.

— А, ещё есть! — обрадовался Митя. — Давай, давай!

Нюра Синицына вбежала в комнату и, оттолкнув Одинцова, положила на стол вырванный из тетрадки лист.

— Вот, Митя! Я стихи написала, а Одинцов не берёт. Он думает, что если он редактор, так может распоряжаться. А стихи очень хорошие, мои родители даже в «Пионерскую правду» послать хотели, — затрещала, размахивая руками, Синицына.

— Стоп, стоп! — остановил её Митя. — Экая ты мельница!

— Вот она всегда так! — возмущённо сказал Одинцов. — Кричит только, а у самой голова ничего не работает. Вот прочти, что она тут написала.

— «Что написала, что написала»!.. — передразнила его девочка.

— Сядь и помолчи! — потянул её за рукав Митя. — Сейчас разберёмся. Я уже говорил тебе, Одинцов, что такие спорные вещи надо решать сообща.

Васёк оставил работу и подошёл к столу.

— Мы всей редколлегией проверяли. Тут она Лермонтова и Пушкина списала, да ещё сама между ними втёрлась! — сердито сказал он.

— Неплохо попасть в такое соседство! — засмеялся Митя. — Сейчас посмотрим, что у неё получилось.

Он громко прочёл:

Уж небо осенью дышало,
А я учёбу начинала.
Взяла тетрадки и пошла,
Так я учёбу начала.

— Тьфу! — не выдержал Одинцов.

— Вот он всегда на меня нападает! — пожаловалась Синицына.

— Да потому нападаю, что глупо! Противно...

— Потише, потише, — сказал Митя. — Плохо ведёшь себя, Одинцов! Так не годится: лишний спор заводишь и мне не даёшь прочитать до конца.

Одинцов замолчал.

Митя начал читать сначала:

Уж небо осенью дышало,
А я учёбу начинала.
Взяла тетрадки и пошла,
Так я учёбу начала.
Белеет школа одиноко
В тумане неба голубом,
Идти мне в школу недалёко —
На крайней улице мой дом.
Мои родители давали
Мне на прощание совет:
«Учись ты, Нюра, хорошенько,
В награду купим мы конфет».

— М-да... — задумчиво протянул Митя и посмотрел на Синицыну. — Плохо! Очень плохо!

— А почему плохо? Рифма есть, всё есть, — забормотала Синицына, поглядев на всех.

Митя ещё раз пробежал глазами стихотворение и тяжело вздохнул:

— Почему плохо? Прежде всего по мысли плохо. Ты вот пишешь о себе:

А я учёбу начинала.
Взяла тетрадки и пошла...

А родители тебе за эту учёбу обещали конфет.

Ребята фыркнули.

— А ещё Пушкин и Лермонтов тут у неё!

— Вот уж ничего подобного! — сказала Синицына.

— Ну, как же ничего подобного? — улыбнулся Митя. — Вот смотри:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало...

Чьё это?

Синицына раскрыла рот, чтобы что-то сказать.

— Постой. Дальше посмотрим:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...

Это чьё?

— Во-первых, у меня не парус, а школа белеет...

Одинцов громко фыркнул. Митя рассердился:

— Одинцов, ступай займись подшивкой газет! Стыдно! Большой парень — и не умеешь себя в руках держать. Ступай!

Одинцов нехотя отошёл от стола.

— А ты, Нюра, сядь. Мы с тобой сейчас разберёмся хорошенько.

Синицына надулась и с упрямым лицом присела на кончик стула.

— Что она там, всё спорит? — спросил Одинцова Булгаков.

За столом Митя что-то говорил, не повышая голоса, но часто поднимая вверх брови и разводя руками.

Нюра сидела красная, надув губы. Ответы её становились тише, спокойнее, потом она встала, взяла со стола листок и молча прошла мимо ребят.

— Поняла наконец, — улыбнулся Васёк.

— Сейчас мне нахлобучка будет, — сказал Одинцов.

— Ребята! — Митя постучал по столу. — Если мы будем высмеивать человека, тогда как мы обязаны по-товарищески объяснить ему его ошибки... — Он строго посмотрел на присмиревших ребят.

— А чего ж она... — вспыхнул Одинцов.

Васёк вспомнил свою заметку:

«И правда, если над каждым смеяться, никто и писать не будет».

Когда Митя кончил, он подошёл к нему и сам сказал:

— У меня тоже как-то нескладно получилось с заметкой.

— Сейчас будем читать, — сказал Митя. — У меня остались три заметки: Одинцова, Зориной и твоя.

Одинцов услышал свою фамилию и насторожился. У него был важный и ответственный раздел — «Жизнь нашего класса». Выбранный единогласно, он очень строго относился к своей работе и не пропускал ни одного случая или собы-

тия, взволновавшего класс. Теперь он тоже дал заметку под заголовком: «В классе было грязно».

Митя внимательно просмотрел её, улыбнулся и написал: «Принять». К статье Зориной он отнёсся очень серьёзно. Зорина писала о дружбе мальчиков и девочек и заканчивала так:

«Многие мальчики говорят: «Мы, ребята, между собой всегда поладим — кому надо, и тумака дадим. А девочку за косу дёрнешь — и то она обижается; значит, с девочками и дисциплину подтянуть нельзя». А я считаю, что это неправильно, и тумака давать совсем необязательно, только с девочками надо разговаривать по-дружески, а не высмеивать их. Девочкам тоже не надо пересмеиваться и поддразнивать ребят, а у нас есть такие ехидные — это тоже неправильно. Мы росли вместе, учились вместе с первого класса, давайте будем дружить. Я стою за дружбу девочек с мальчиками, не надо никого обижать и пересмеивать.

Звеньевая Зорина»

Читая, Митя всё время одобрительно кивал головой и в уголке тоже написал: «Принять».

Пока Митя читал заметки Одинцова и Зориной, Васёк делал вид, что совершенно поглощён своей работой. Но Митя и на его заметке написал своим размашистым почерком: «Принять».

Потом подозвал Сашу:

— Кто переписчик?

— Я, — сказал Саша.

— Вот ещё три статьи. Кто нарисует заголовок?

— Малютин.

В пионерскую комнату вошёл Сергей Николаевич:

— Работаете?

Митя засмеялся:

— Фабрика-кухня. Стенгазету делаем, журналы подшиваем.

Ребята при Сергее Николаевиче сразу подтянулись, каждому хотелось, чтобы учитель заметил его работу. Васёк тоже хотел обратить на себя внимание учителя.

— Рамка готова! — громко сказал он, деловито собирая кисти. — Булгаков, какую заметку пишешь?

— Четвёртую, — ответил Саша тоже громко, чтобы слышал учитель.

Остальные ребята один за другим подходили к столу с кипой журналов и газет:

— Подшито!

— Готово!

Сергей Николаевич пробежал глазами Лидину заметку.

— Нужный вопрос... Лида Зорина... А... чёрненькая такая, с косичками! — сказал он, припоминая, и взял вторую заметку.

— Мою читает, — шепнул ребятам Одинцов, прислушиваясь, что скажет учитель.

Сергей Николаевич прочитал про себя, потом улыбнулся и прочитал Мите вслух:

— «Сергей Николаевич увидел, что на полу валяются бумажки и вообще сор. Он не начал урока, заложил руки за спину, отошёл к окну и не повернулся к нам, пока мы всё не убрали. А потом сказал: «Чтобы это было в последний раз». Теперь ребята стараются вовсю. Редакция надеется, что такой случай больше не повторится».

Последние слова Одинцов списал со взрослой газеты. Учитель засмеялся и громко сказал:

— Совершенно точно и честно! А относительно надежд редакции — просто солидно получается!

Он крепко пожал руку Мите, кивнул головой ребятам и вышел.

— Что он сказал? Что он сказал? — заволновались ребята.

— Ты слышал? — спросил Одинцова Саша.

Одинцов сиял.

— Сергей Николаевич сказал: «Точно и честно. И просто солидно», — взволнованным голосом сообщил он окружившим его ребятам.

— Честно и точно! Это значит — не наврано ничего!

— Ну ещё бы, Одинцов вообще никогда не врёт!

— Молодец! — радовались ребята.

— Молодчага! — сказал Васёк, хлопнув Одинцова по плечу. Он был рад за товарища.

Саша тоже был рад, но он не понял, что значит «солидно».

— Одинцов! Как это понять — «солидно»? — спросил он. — Ты знаешь?

— Нет, — сознался Одинцов. — А как по-твоему? — Он улыбнулся. — Это, наверно, самая главная похвала. Давай спросим у Мити!

Но Митя стоял уже в дверях и, крикнув ребятам: «Не задерживайтесь долго!», исчез.

— У него комсомольское собрание сегодня, — сказал Трубачёв. — Сами разберёмся.

— А ты тоже не знаешь? — допытывался Саша.

— Да я знаю, только объяснить не могу. Это

о старых людях говорят: солидный! — догадался Васёк.

— А какой же я старый? — растерянно спросил Одинцов, обводя всех удивлённым взглядом.

Ребята прыснули со смеху.

Из соседней комнаты — читальни — прибежали девочки.

— Тише! Читать мешаете!

— Ребята, я «Пионерскую правду» в библиотеку относила, а вы так кричите, что даже там слышно, — сказала, входя, Лида Зорина. — Что у вас тут такое?

Ребята, смеясь, рассказали ей.

— Солидный — это толстый. Сейчас только в библиотеке про один журнал сказали, что он солидный, — объяснила Лида.

— Но какой же я толстый? — обтягивая свою курточку, расшалившись, крикнул Одинцов. — Я спортсмен, человек без веса!

Он действительно был тоненький и на редкость лёгкий.

Ребята опять закатились смехом:

— Одинцов, Одинцов! Это он тебя с Мазиным спутал! Это Мазин у нас солидный.

— Попадёт вам сегодня! Лучше уходите скорей, — кричала Лида, — сейчас из читальни прибегут! И Сергей Николаевич ещё не ушёл, он с Грозным в раздевалке разговаривает и, наверно, всё слышит.

— Тише!—крикнул Васёк.—Булгаков! Одинцов! Пойдём к Сергею Николаевичу! — Он обнял товарищей за плечи и пошептал им что-то.

— Не посадит он нас вместе, лучше не просить! — с сомнением сказал Саша.

— А может, и посадит. Попросим!

Все трое побежали в раздевалку. Сергей Николаевич, надевая калоши, разговаривал с Грозным.

— Ещё эта школа семилеткой была, как я сюда пришёл, ещё Красным Знаменем нас не награждали, — рассказывал старик.

— Сергей Николаевич! — запыхавшись, крикнул Одинцов. — У нас к вам просьба.

— Мы просим... — начал Саша.

— Разрешите нам сесть вместе! — возбуждённо блестя глазами, сказал Васёк. — Мы друзья.

Сергей Николаевич нахмурился:

— Я разговариваю с Иваном Васильевичем, а вы скатываетесь откуда-то сверху, перебиваете разговор взрослых... Что это такое?

— Простите, — покраснел Одинцов, — мы нечаянно... Мы боялись, что вы уйдёте...

— А что вам нужно?

— Мы вот товарищи, мы хотели сесть в классе рядом, — запинаясь, пояснил Васёк.

— Зачем? — строго спросил Сергей Николаевич.

Мальчики оробели.

— Чтобы дружить втроём, — сказал Васёк.

— Дружить втроём? — переспросил учитель. — Разве ваш класс делится на такие дружные тройки? А остальные в счёт не идут?

— Да нет, мы просто друзья... ну, закадычные, что ли, — пояснил Одинцов.

— Допустим, что вы закадычные друзья. Это очень хорошо, но усаживаться со своей закадычной дружбой на одну парту — это совершенно лишнее. Я не разрешаю, — твёрдо сказал Сергей Николаевич. — До свиданья!.. До свиданья, Иван Васильевич!

— Счастливо! Счастливо!—заторопился Грозный, закрывая за ним дверь. — Что, не вышло ваше дело? — усмехнулся он, глядя на оторопевших ребят.

— Не вышло, — вздохнул Одинцов.

— Отменный учитель, просто-таки знаток вашего брата, — одобрительно сказал Грозный.

Глава 16

ОБИДА

У Севы болело горло. Он уже три недели не ходил в школу. К нему забегала Лида Зорина. Она присаживалась на кончик стула, раскрывала свою сумку и, пока Малютин списывал с её дневника заданные уроки, поспешно рассказывала ему все новости: Митя болен, без него скучно, ребята ходили его навещать. Трубачёв всё ещё занимается с Мазиным. Мазин даже немножко похудел от этого. Стенгазету они делают без Мити.

Поболтав, Лида уходила. Сева с завистью смотрел, как мимо его окна пробегают школьники... Он чувствовал себя оторванным от товарищей, от школы. Во время болезни он много читал, пробовал рисовать, но после картины, отданной на выставку, никак не мог придумать чего-нибудь нового и говорил матери:

— Я всегда так... нарисую, отдам... и скучно, скучно мне делается...

— Вот и папа твой бывало кончит картину и заскучает. Как будто всего себя вложил в неё и ходит опустошённый. А я, наоборот, сдам свои чертежи — и рада-радёшенька! — смеялась мама.

— Потому что ты с готового чертишь, а мы с

папой своё придумываем, — серьёзно сказал Сева.

— Конечно. Но разве не приятно тебе, что твоя картина всем понравилась? Ведь это, по-моему, самое главное. Разве интересно человеку делать что-нибудь только для себя?

— Ну конечно, я рад... А то все ребята меня таким каким-то считают... — Сева запнулся и с упрёком посмотрел на мать, но сдержался и только добавил: — Я многого не умею делать...

Мать поняла его:

— Сева, я знаю, о чём ты говоришь. Но без этого футбола и всякой чехарды можно обойтись. Они здоровые, крепкие мальчики, а у тебя порок сердца.

— Ну, вот я никуда и не гожусь, мамочка, — грустно усмехнулся Сева.

Мать заволновалась:

— Это совсем не нужно внушать себе. Это пройдёт, с годами ты окрепнешь, но рисковать сейчас — просто глупо.

— Ну ладно, ладно, мама! Я ведь так сказал... Просто я боюсь, что мне никогда ничего такого не сделать. Вот как наши герои...

— Конечно, не всякий может быть героем, Сева, но я думаю всё-таки, что в каждом честном человеке непременно есть это геройство... непременно есть... Ой, Сева! — вдруг вспомнила мать. — У нас плитка зря горит, мы же хотели чай пить! И вечно мы с тобою заговоримся!

Она бежала с чайником в кухню и на цыпочках возвращалась обратно.

— Тише, Севочка, весь дом уже спит, только мы с тобой никак не угомонимся. И каждый день так. Завтра же сделаю строгое расписание.

Но строгое расписание не помогало. Мать приходила с работы поздно, за день у обоих накапливались разные новости, времени для разговоров не хватало.

— Сева, пей чай и ложись спать... Положи, положи книжку. Я не буду тебя слушать.

— Подожди, мама. Я только один вопрос.. Почему это говорят, что трус умирает много раз, а храбрый один раз? Как ты это понимаешь, мама?

— Как я это понимаю? — подняв глаза вверх и сморщив лоб, начинала мать и вдруг, спохватившись, сердито обрывала себя: — Никак не понимаю! Опять ты меня в длинный разговор втягиваешь, Сева...

Когда Сева был болен, мама вставала ночью, осторожно щупала ему лоб, утром торопилась приготовить еду и, уходя, уговаривала сына, чтобы он не переутомлял себя чтением и не выдумывал себе никаких занятий.

— А мне сегодня лучше, мама! Куда лучше! — каждый день заявлял ей Сева. — Ты не беспокойся!

Сегодня в первый раз Севе было позволено выйти. Он решил зайти к Саше Булгакову и узнать у него, что задано на завтра, так как Лида уже два дня не приходила.

Закутавшись тёплым шарфом, Сева вышел на улицу. Непрочный мартовский снег сбивался под ногами в грязные комья. Саша Булгаков жил недалеко. Сева хорошо знал его улицу и дом, так как в прошлом году, когда Саша был болен, Сева приносил ему уроки. Но теперь, по рассеянности мальчик долго путался, заглядывая в чужие дворы и припоминая номер дома. Наконец в одном

дворе он узнал одноэтажный флигель, где жил Саша.

«Сейчас погреюсь, возьму уроки, узнаю все новости!»

Во дворе маленькая девочка в тёплом платке с длинными пушистыми концами усаживала на санки крепкого, толстого мальчугана в больших валенках.

— Положи ноги на санки, а то они будут по снегу ехать. Ну, положи свои ноги! — хлопотала она.

Малыш, опираясь на санки, шевелил тяжёлыми валенками.

— Да не поднимаются они, — уверял он девочку.

Какой-то высокий мальчик в шапке, без пальто подскочил к мальчугану, вытащил его из санок, сел на них верхом и крикнул:

— Н-но! Поехали!

Девочка схватила за руку малыша и замахнулась на мальчика.

Когда Сева вошёл в длинный коридор, со двора послышался громкий плач, и тотчас в углу открылась дверь, из неё выскочил Саша. Не заметив товарища, он пробежал по коридору и бросился к девочке.

Сева выглянул во двор. Чужой мальчик дёргал девочку за пушистые концы платка и, сидя верхом на санках, кричал:

— Н-но! Поехали, поехали!

Малыш сбоку старался столкнуть обидчика с санок.

— Эй, ты! Брось! — сердито закричал Саша.

Мальчик вскочил, отбежал в сторону и, кривляясь, завизжал:

— Ох, ох! Деточек обидели! Караул! Нянечка пришла!

— Дурак! — вытирая носовым платком мокрые щёки сестрёнки, крикнул ему Саша. — Связался с малышами! Попробуй только тронуть их ещё раз!

— Ещё раз, ещё два! А что ты мне сделаешь?

— Тогда посмотришь! — показал ему кулак Саша.

Он был очень рассержен и тяжело дышал. Сева уже хотел поспешить ему на помощь, но дверь в коридоре снова открылась, из неё вышла женщина, поставила на порог ведро с мыльной водой и, крикнув: «Сашенька, вынеси помои!», поспешно ушла.

— Го-го-го! Сашенька, вынеси помои! Постирай пелёночки! — запрыгал мальчишка.

Сева увидел красное, злое лицо Саши. Не замечая товарища, Саша схватил ведро и молча, не оглядываясь, потащил его по двору, сопровождаемый насмешками. Сева поспешно вышел и решительными шагами направился к обидчику.

— Ты подлый человек, — сказал он, поднося к его носу свой худенький кулак, и, круто повернувшись, направился к воротам.

У ворот он услышал, как, возвращаясь назад и позвякивая пустым ведром, Саша презрительно говорил мальчишке:

— Ну, и что ты этим доказал? Что ты этим доказал? Я на тебя плевать хочу! Ты хулиган. Я с тобой даже связываться не буду. А за ребят когда-нибудь так дам, что своих не узнаешь!

«Расстроился, — подумал Сева. — Хорошо, что меня не видел, а то ему неприятно было бы...»

Он тихонько пошёл по улице к своему дому.

В этот день была суббота. Для Саши это был самый трудный день в неделе. В субботу мать купала ребят. Придя из школы, Саша наливал ванночку, менял воду, выносил помои, укладывал в кроватки выкупанных ребятишек. В такую-то минуту и попал к нему Сева. А перед этим, сразу после уроков, Одинцов и Васёк Трубачёв звали Сашу на каток.

— Пойдём! Ведь последние зимние денёчки. Скоро каток растает! — уговаривали они его.

— Да не могу я сегодня. Мать ребят купает. Давайте завтра пойдём.

— Ну, завтра! Я и коньки в школу принёс, чтоб домой не заходить, — говорил Одинцов.

— А я вообще не люблю откладывать. Решили — значит, пойдём, — заявил Трубачёв. — Это у тебя всегда дела какие-то находятся. Пусть мать сама купает. При чём тут ты?

— Чудак! — усмехнулся Саша. — А кто же ей помогать будет? Одной воды сколько натаскать надо! И вообще... она моет, а я вытираю. Ведь у нас мал-мала пять штук... Одна Нютка самостоятельная.

— Фью! — свистнул Васёк. — Так это ты их и до ночи не перемоешь.

— Да пойдём! Скажи матери — может, она завтра их выкупает, — просил Одинцов.

— Ну ладно! Зайдём ко мне. Вы постоите, а я спрошу, — согласился Саша.

Ребята зашли. Пока Саша бегал спрашиваться, Васёк говорил Одинцову:

— Чудак Сашка: вечно со своими ребятами нянчится!

— Ну, — протянул Одинцов, оглядываясь на

Сашину дверь, — ему же нельзя иначе. У них отец целый день на работе, а детей куча.

Саша вышел:

— Ребята, идите! Мне никак нельзя. Завтра воскресенье, отец дома, ему тоже отдохнуть надо.

— Значит, не пойдёшь? — хмуро спросил Васёк.

— Не могу.

— Ну ладно! Идём, Трубачёв! — звякнув коньками, сказал Одинцов.

Саша с сожалением посмотрел им вслед и открыл свою дверь. В кухне над плитой поднимался пар, на двух стульях стояла детская ванна.

— Кого первого? — не глядя на мать, спросил Саша.

— Меня! Меня! — запрыгали вокруг него малыши.

— Витюшку, — сказала мать.

На кровати ползал малыш с закрученной на спине рубашонкой. Он протянул к брату пухлые ручки и что-то залепетал.

Но Саша молча стащил с него рубашонку и, пока мать пробовала локтем воду, удерживал подпрыгивающего на кровати малыша.

— Расстроился, Сашенька? — спросила мать.

— Ещё бы... Товарищи на каток пошли, а я тут как банщик какой-то...

— Ну что же, иди тогда. Я сама как-нибудь, — вздохнула мать.

— «Сама, сама»! Давай уж скорей, что ли! — с раздражением сказал Саша.

Мать взяла у него из рук голого малыша:

— Иди!

— Да чего ты ещё! Знаешь, что не пойду. Сажай лучше!

Через минуту Саша смотрел, как Витюшка ловит мыльные пузыри и, подняв из воды толстую ножку с короткими розовыми пальчиками, изо всех сил тащит её к себе.

— Смотри, смотри, мама! Он думает, это игрушка. Неужели и я такой был?

Глава 17

СО СВОИМ ПРОФЕССОРОМ

С утра гуляла по городу метель. Был конец марта. Этот сердитый месяц яростно нападал на прохожих, забивая снегом меховые воротники и шапки. Дул резкий ветер, и хотя мороза не было, ребята прибегали в школу замёрзшие.

Грозный, весь засыпанный снегом, в широком тулупе и меховой шапке, стоял на крыльце, как дед Мороз, и, размахивая платяной щёткой, командовал:

— Наклоняй голову! Давай воротник! Эк, зима на тебя насела! Ну, беги грейся!

Русаков пришёл с Мазиным. Они встретились за воротами своего дома и шли вместе. По дороге Русаков упрекал Мазина, что тот уж слишком занялся учёбой:

— Тебе только подучиться сказали, а ты совсем в книгу носом зарылся. А тут у одних овчарка пропала... Я уже на след напал.

— Некогда мне чужую собаку искать, — буркнул Мазин. — Если б Сергей Николаевич вызвал меня да поставил мне хорошую отметку, а то он всё только с места меня спрашивает...

— Значит, так и будешь до конца года к Трубачёву шататься? А в землянку скоро вода затекать начнёт, что я там один сделаю?

— Говорю, некогда мне сейчас.

— Тебе всё некогда... У меня, может, отец скоро женится, а тебе и на это наплевать, — обиженно сказал Петя.

— Не женится.

— Почему это?

— А почему женится?

— Почём я знаю. Только он сам сказал: «Скоро к нам моя жена переедет, люби её», — неожиданно сообщил Русаков.

— Так уже, значит?

— Наверно, уже, — вздохнул Петя. — Теперь мне вдвое доставаться будет — от двух родителей сразу.

— А какая она? — забеспокоился Мазин. — Посмотреть надо. Хорошую женщину сразу узнать можно.

— Узнаешь её! Начнёт отцу на меня наговаривать. Ведь она мачеха! Читал сказку про Золушку?

— Какая ещё Золушка! При советской власти таких мачехов нет.

— Мачехов? — засмеялся Русаков. — Неправильно говоришь.

— А ты не учи! — рассердился Мазин. — Сам, небось, ни одной речки на карте не можешь найти.

— Ладно, пускай я пропаду и чужая овчарка пропадёт, раз ты с географией связался, — сказал Русаков и, бросив товарища, пошёл вперёд.

В этот день последним уроком была геогра-

фия. На большой перемене Трубачёв подошёл к Мазину и сказал:

— Если вызовут тебя — не трусь. А чего не знаешь, говори прямо: не знаю.

Мазин кивнул головой. Он был расстроен ссорой с Русаковым. Печальное, вытянутое лицо товарища вызывало в нём раздражение и сочувствие.

«Мачеха у него там ещё какая-то...» — озабоченно думал он.

Сергей Николаевич пришёл весёлый, потёр руки и сказал:

— Весной пахнет! Сердится старушка-зима. Проходит её время. Конец марта!

В классе было чисто, уютно и тепло.

Дежурные Одинцов и Степанова старались вовсю. Они пришли в школу раньше всех, облазили все углы, вытерли пыль. Валя Степанова принесла из дому чистую, выглаженную тряпочку для доски.

А когда Одинцов ловко и красиво развернул перед учителем карту, Сергей Николаевич пошутил:

— Совсем как в сказке цветистый ковёр раскинул!

Одинцов сел, учитель посмотрел в записную книжку и вдруг сказал:

— Мазин и Трубачёв!

Трубачёв вспыхнул и встал. Мазин сидел впереди. Он неловко вылез из-за парты, одёрнул курточку и, обернувшись к Трубачёву, сказал:

— Пошли!

Ребята фыркнули. Сергей Николаевич улыбнулся.

— Со своим профессором, — пошутил он.

Оба мальчика стали у доски.

Сергей Николаевич перелистал учебник географии.

Класс затих. Только Русаков беспокойно вертелся на парте, быстро-быстро обкусывая на левой руке ногти и не сводя испуганных глаз с товарища.

— Ну, Мазин, как теперь твои дела? — спросил Сергей Николаевич.

Мазин медленно повернулся к Трубачёву:

— Как мои дела?

Ребята снова засмеялись. Сергей Николаевич покачал головой:

— Я не Трубачёва спрашиваю. Ты мне сам отвечай, как ты чувствуешь: прибавилось у тебя знаний или нет?

Мазин пристально посмотрел на карту:

— Прибавилось.

— Выберешься ты теперь из Белого моря без посторонней помощи?

— Выберусь.

— Хорошо. А если мы тебя, скажем, из Ленинграда в Белое море пошлём?

— Поеду, — сказал Мазин и взял указку. — По Беломорско-Балтийскому каналу поеду, вот так... — Он проехал по каналу и остановился в Архангельске. — Есть. Пять суток потратил.

— Немного, — сказал Сергей Николаевич. — А если б не было Беломорско-Балтийского канала, как бы ты поехал?

Мазин показал длинный путь вокруг северных берегов Европы и тотчас уточнил время:

— Семнадцать суток потратил.

— Хорошо, Мазин! Я вижу, что ты действительно окреп. Теперь расскажи нам всё, что ты

знаешь о Беломорско-Балтийском канале. А если ты ошибёшься, то Трубачёв тебя поправит.

Мазин ровным и бесстрастным голосом начал рассказывать:

— Беломорско-Балтийский канал имени Сталина тянется на триста километров...

— На двести, — поправил его Трубачёв.

Он стоял выпрямившись, под рыжим завитком лоб его стал влажным, глаза блестели.

— На двести километров, — спокойно поправился Мазин и взял указку. — Канал соединяет Онежское озеро с Белым морем...

Мазин обращался с картой вежливо и осторожно.

Ребята, облокотившись на парты, внимательно следили за указкой, двигающейся вдоль канала. Петя Русаков вертелся, нервно потирал руки и обводил всех торжествующим взглядом. «Ну, как Мазин? Вот вам и Мазин!» — говорили его взволнованные глаза.

— Хорошо, Мазин! Пожалуй, тебе и Трубачёв не нужен, а? — сказал Сергей Николаевич.

— Нет, пусть стоит. Я к нему привык, — заявил Мазин.

— Отвыкай. Трубачёв всю жизнь не будет стоять с тобой рядом... Трубачёв, садись!

— Пусть стоит! — тревожно выкрикнул Русаков.

Все головы повернулись к нему. Он смутился и юркнул под парту.

Отпуская Мазина, Сергей Николаевич похлопал его по плечу и сказал:

— Совсем хорошо, Мазин! Я очень рад за тебя. Я вижу, ты поймал быка за рога. Смотри не

упускай его больше! А Трубачёву скажи спасибо... Трубачёв!

Васёк вскочил. Учитель посмотрел на его взволнованное лицо:

— Молодец!

Когда Сергей Николаевич вышел, в классе поднялся шум.

Русаков бросился к Мазину и, забыв утреннюю размолвку, обнял его:

— Здо́рово, Колька!

Ребята тоже радовались:

— Вот так жирняк!

— Повезло тебе!

— Держись крепче за Трубачёва!

— Привяжи к себе верёвочкой! — добродушно острили они.

Толстые щёки Мазина лоснились и набегали на нижние веки, щёлочки карих глаз лениво и ласково глядели на ребят.

— А насчёт мачехи твоей я подумаю, — улучив минуту, ни с того ни с сего шепнул он Русакову.

Саша и Одинцов поздравляли Трубачёва.

— Здорово подогнал его! А я боялся, у меня прямо в ушах зазвенело, когда Сергей Николаевич вас обоих вызвал, — сказал Саша.

— А Русаков-то? Вот кто вертелся, как карась на сковороде!

— Верный товарищ! Преданный, как собака! — восхищённо сказал Саша. — Такой — на всю жизнь!

— А мы трое? Не на всю жизнь? — ревниво спросил Одинцов.

Васёк вспомнил морозный вечер и огромную жёлтую луну над снежным прудом.

— Я за нас троих головой ручаюсь!

— Я тоже, — тихо сказал Одинцов.

— А обо мне и говорить нечего! — радостно улыбнулся Саша.

Все трое вошли в класс растроганные и счастливые. После уроков Васёк бежал домой, размахивая сумкой и толкая прохожих.

«Молодец! Молодец! Молодец!» — повторял он про себя.

Во дворе для охлаждения он бросился в сугроб и, вывалявшись в снегу, предстал перед тёткой:

— Тётя Дуня! Я молодец!

— Вижу, — сказала тётка и, повернув его обратно, сунула ему щётку: — Обчистись в сенях, молодец!

Глава 18

ВАЖНЫЙ ВОПРОС

Зима наконец устала. Она притихла, порыхлела, а на небо вышел новый хозяин — весеннее солнце. Ребята, расстегнув пальто, шли из школы. В толпе слышались весёлый насмешливый голос Одинцова, ленивые замечания Мазина, смех ребят. Звонко перекликались девочки. На каждом углу толпа редела, уходившие домой долго пятились задом, сожалея о том, что приходится расставаться.

Лиде Зориной тоже не хотелось расставаться с товарищами. Она прыгала у своей калитки и всё уговаривалась да уговаривалась с подружками о каких-то пустяках на завтра.

Наконец все голоса смолкли. Лида быстро побежала по дорожке. Она была взволнована больше всех. Митя выздоровел, и сегодня на сборе поставили на обсуждение её заметку об отношениях девочек с мальчиками. Об этом необходимо рассказать маме, а если не маме, которая ещё не скоро придёт с работы, то хотя бы кому-нибудь.

Но дома обычно в это время бывали только соседи — старичок-бухгалтер Николай Семёнович и молоденькая Соня, ужасная копуша, которую Лида долго будила каждое утро.

Наверно, им тоже очень интересно послушать, как прошёл сбор.

У крыльца стоял какой-то высокий молодой человек в лыжном костюме, с широким смешным носом и тёмным пушком на верхней губе. Он нетерпеливо поглядывал вокруг и время от времени, постукивая двумя пальцами в Сонино окошко, басил:

— Сонечка, поторопитесь!

— Сейчас! Сейчас! — кричала в форточку Соня.

Лида замедлила шаг и на всякий случай вежливо кивнула головой:

— Здравствуйте!

— Привет! Привет! Вы из школы? Какая смена? — деловито осведомился юноша.

— Я в первой смене, но сегодня после обеда у нас был сбор.

— Ого! Это, значит, часиков пять уже! Сонечка, поторопитесь!

— Может, и не пять, но у нас сегодня разбирали очень важный вопрос, — задерживаясь на крыльце, сказала Лида.

— Важный вопрос? Ого! Какой же это вопрос? — поглядывая на Сонино окошко, спросил юноша.

— Это, знаете, о дружбе девочек с мальчиками. У нас в классе... — охотно начала Лида.

— О дружбе девочек с мальчиками? Это очень важный вопрос... Сонечка, поторопитесь! Сонечка, ведь мы же опоздаем! — подбегая к окну и не обращая больше внимания на Лиду, закричал он.

Соня высунула в форточку розовое лицо и сделала сердитые глаза:

— Не кричите на весь двор, а то никуда не пойду!

— Сонечка!..

Лида открыла дверь и вошла в кухню.

— А, школьница наша пришла! — закричал из своей комнаты бухгалтер Николай Семёнович. — Это хорошо! А то я уж всякую надежду потерял её увидеть сегодня.

— Я на сборе была, — улыбнулась Лида. — У нас вожатый Митя наши дела разбирал.

— Дела разбирал? — копаясь в корзинке с бумагами, рассеянно сказал Николай Семёнович. — Хорошо бы, чтоб этот самый Митя и мои дела разобрал, а то я никак не разберу... Никак не разберу никаких своих дел, — глядя на заваленный бумагами стол, развёл руками Николай Семёнович. — Проклятая память! Такая небольшая синенькая тетрадка была у меня, и не знаю, куда делась. Куда делась? — потирая двумя пальцами лоб и глядя на Лиду светлыми близорукими глазами, пожаловался Николай Семёнович.

— Сейчас! Я только пальто сниму, — сказала

Лида и, повесив в передней пальто, заглянула под стол Николая Семёновича. — Я знаю, вы иногда мимо корзины бросаете.

— Мимо корзины? Никогда! — возмутился старичок. — Я аккуратнейший человек. Я, прежде чем бросить что-нибудь в корзину, тысячу раз проверю. У меня с письменного стола ни одна бумажка не упадёт...

Лида неожиданно нырнула под стол:

— Вот она!

Николай Семёнович схватил тетрадку и близко поднёс её к глазам:

— Скажите пожалуйста! Как же это вы нашли?

— Да за ножкой стола, на самом видном месте лежала, — засмеялась Лида, поднимаясь с колен.

— Ну, спасибо! Спасибо, девочка! А то я как без рук, работа стоит, — усаживаясь за стол, благодарил старичок.

Лида вышла, постояла немного в кухне, потом тихо побрела в свою комнату.

Вечером пришла мама. Она ещё на пороге, снимая шапочку, крикнула:

— Был сбор, Лидуша?

— Был, был, мамочка! — бросилась к ней Лида.

— Интересно! Подожди только минутку. Я сейчас вымою руки, сядем за стол, и ты мне всё подробно расскажешь, — заторопилась мама. — Подожди, подожди только, я с самого начала хочу.

— С самого начала так... Митя прочёл мою заметку... Вот полотенце, мамочка. Вытирай одну руку, а я другую буду вытирать.

— Нет, я сама... Ну, прочёл заметку...

Мама придвинула к столу два стула, вынула из портфеля булку, налила чай.

— Ну, теперь всё... Митя прочёл заметку, а что мальчики?

— Ну вот... Сначала никто из мальчиков ничего не говорил, и, наоборот, даже пересмеивались и толкали друг дружку.

— Это не наоборот вовсе. Ну, предположим... А девочки?

— Ой, мама, девочки сразу давай на ребят жаловаться, кто там кого дёрнул за косу, кого кто толкнул... Понимаешь, не обсуждали вопрос, а жаловались только! — высоко вскидывая брови и округляя глаза, сказала Лида.

— Ну, ну?

— А Митя слушал, слушал, потом так сморщился и говорит: «Вот я вас слушаю и удивляюсь. Лида Зорина подняла такой серьёзный вопрос...»

— Правильно, — кивнула головой мама, помешивая ложечкой в стакане.

— Да, правильно, — протянула Лида, — а у меня зато сердце в пятки ушло.

— Трусишка!..

— Да, трусишка! У нас ведь знаешь как дразниться любят...

— Ну, об этом потом. Не перебивай себя. Что же сказал Митя ещё?

— Он очень хорошо сказал, мама... Он сказал, что при важном вопросе... то-есть на важном вопросе пионеры себя так небрежно ведут. Мальчики позволяют себе всякие глупые шутки, пересмеиваются, а девочки только обиды свои перебирают. И что он уж тысячу раз слышал, как Ма-

зин у Синицыной ленточку из косы выдернул, что это уже разбирали, и Мазина тогда наказали уже, а теперь надо поговорить не о случаях таких, а о том, чтобы их никогда больше не было, чтобы класс был дружный. Что и мальчики и девочки виноваты, и чтобы не торговаться здесь, кто больше виноват, а исправить это, потому что мы все пионеры и должны быть хорошими товарищами... Он, мама, прямо рассердился даже на нас...

— Ну, а ребята что?

— Ребята покраснели многие, а девочкам тоже стыдно стало. А потом все начали говорить, что у нас всё по пустякам выходят всякие глупые ссоры. А Митя сказал, что мы уже в четвёртом классе, а нам можно поставить в пример малышей — они так дружат между собой! Потом он привёл примеры всякие... А потом, мамочка, потом!.. — Лида вскочила, зажмурилась и подпрыгнула на одной ножке. — Мы все шли домой вместе. И никто никого не дразнил. И солнце было такое, прямо на всю улицу! Я пальто расстегнула. А Коля Одинцов шапку снял, у него густые волосы, и солнышко нагрело их, они даже чуть-чуть тёплые стали, мы все трогали... А некоторые девочки завтра уже в драповом пальто придут. И я... Хорошо, мамочка?

— Нет, драповое ещё рано. А остальное всё хорошо! Всё хорошо, Лидок!

Вечером папа тоже слушал о сборе, но ему рассказывала не одна Лида. Лиде помогала мама, они перебивали друг друга и так часто начинали сначала, что папа не дождался конца и ушёл спать.

Глава 19

СРЫВ

Павел Васильевич всё ещё не возвращался.

Васёк нервничал, придирался к тётке.

— Может, и были письма, да ты потеряла их! — подозрительно говорил он.

Тётка обижалась:

— Да что я, голову, что ли, потеряла?

Писем не было.

Не зная, чем объяснить молчание отца, Васёк беспокоился. Иногда ему начинало казаться, что с отцом что-то случилось. Он просыпался ночью и, лёжа с открытыми глазами, представлял себе всякие ужасы: то ему казалось, что отец, починяя паровоз, попал под колёса, то заболел и лежит где-нибудь в больнице.

Васёк плохо спал и в класс приходил хмурый и сонный.

* * *

В этот день Васёк Трубачёв дежурил. В паре с ним был Саша Булгаков.

— Давай так дежурить, чтоб ни сучка ни задоринки, — уславливались мальчики.

Первые три урока прошли без запинки. На большой перемене Сашу вызвала мать.

— Васёк, положи мел, вытряхни тряпку. Проверь, чтобы всё было в порядке. Я сейчас! — крикнул он убегая.

Васёк, закрывшись один в классе, протёр парты, вытряхнул в форточку тряпку, сбегал за мелом, подлил в чернильницы свежих чернил. Когда Саша вернулся, осталось только подмести пол.

Пока дежурные наводили в классе чистоту, в укромном уголке раздевалки Русаков с расстроенным лицом говорил Мазину:

— Обязательно он меня вызовет! Пропал я, Колька!

На четвёртом уроке был русский язык. Учитель сказал, что будет вызывать тех, у кого плохая отметка.

— Не надо было по собачьим следам рыскать. Взял бы да почитал грамматику... Я хоть по географии хорошо ответил, а ты что? — сердился Мазин. — Чересчур уж... Ни по одному предмету ничего не знаешь.

— По арифметике лучше тебя ещё... Да всё равно мне пропадать сегодня.

Мазин нахмурился:

— Я подскажу тебе.

Русаков махнул рукой:

— Будет мне дома! Отец ещё, да мачеха...

— Да ведь она уже неделю у вас живёт, и ничего ещё не было.

— Придраться не к чему было. Она начнёт разговаривать со мной, а я молчу... А сегодня...— Русаков покрутил головой и умоляюще посмотрел на Мазина: — Ты бы придумал что-нибудь, Коля.

— Придумаешь тут...

Оба мальчика постояли молча. Прислонившись к вешалке, Мазин задумчиво вертел чью-то пуговицу. Потом толстые вялые щёки его вдруг начали оживать, он выпятил вперёд нижнюю губу и, притянув к себе товарища, зашептал что-то ему на ухо, а потом добавил вслух:

— Надо время затянуть, понимаешь... чтоб он не успел тебя спросить до звонка.

Русаков понятливо кивнул головой.

— А вдруг он меня первого? — испуганно спросил он.

— А вдруг пол провалится? — передразнил его Мазин.

В коридоре Лёня Белкин, щупленький Медведев и Нюра Синицына наскоро проверяли свои знания.

— Только мне никто не подсказывайте, а то я собьюсь, — предупреждал Лёня Белкин.

— А мне немножко, одними губами первое слово только... Подскажешь, Зорина? Ты близко к доске сидишь, — просил Медведев.

— Нет, я боюсь, я ни за что! — испуганно отговаривалась Лида. — Я ни губами, никак...

Синицына, закрыв глаза, громко повторяла правила грамматики.

Звонок рассадил всех по местам. Васёк привстал с парты. Всё в порядке: тряпка, мел, чернильница... Он заметил на полу скомканную промокашку и погрозил ребятам кулаком: только бросьте ещё!

Сергей Николаевич вошёл в класс.

Мазин бросил быстрый взгляд на Русакова:

— Сергей Николаевич! Сейчас в пруду девочка утонула, в полынье...

Ребята живо повернулись к Мазину:

— Какая девочка?

— Маленькая?

— Где? Где?

Мазин откашлялся.

— Небольшая девочка... — Он ещё раз откашлялся. — Годика три... Она так шла, шла, с саночками...

— Ой, с саночками!

Мазин привстал и обернулся к классу:

— Ну да, с саночками... Да как провалится вдруг... весь лёд на пруду треснул под ней...

— Ой, бедненькая! — заволновались девочки. — Так сразу и провалилась?

— Поговорим об этом после уроков, — сказал Сергей Николаевич, усаживая Мазина движением руки и раскрывая классный журнал. — Синицына! — вызвал он.

Мазин хрустнул пальцами и уставился в потолок. Нюра обдёрнула под партой платье и с вытянутым лицом пошла к доске.

— А вы пишите в тетрадях, — сказал Сергей Николаевич, перелистывая учебник.

— У меня перо сломалось, — неожиданно заявил Русаков, поднимая вверх ручку.

Учитель вынул из бокового кармана коробочку и положил её на стол:

— Пожалуйста, возьми себе перо.

Русаков толкнул Мазина и пошёл к столу.

Мазин поднял руку.

— А у меня царапает, — сказал он.

— Пойди и ты к столу.

Учитель подошёл к передним партам и спросил:

— Кто ещё пришёл в класс, не заготовив себе хорошее перо?

Трубачёв беспокойно заёрзал на парте. Ребята молчали. Мазин за спиной Русакова протянул руку к доске, схватил мел и спрятал его в карман.

— Все с перьями? — ещё раз спросил учитель.

— Все!

— Значит, только вот эти двое... — Учитель повернулся к Мазину и Русакову и вынул

часы: — Вы отняли у нас три минуты. Сядьте оба.

Русаков и Мазин пошли к своим партам.

— Пишите, — сказал Сергей Николаевич: — «Колхозники рано начнут сев...»

Синицына беспокойно завертелась у доски. Она присела на корточки, пошарила руками по полу и, повернувшись к ребятам, вытянула в трубочку губы.

— Ме-е-ел! — раздался её пронзительный шопот.

Васёк поднял голову. Саша повернулся к нему и тихо спросил:

— Где мел?

— Я клал, — взволнованно ответил Васёк.

Сергей Николаевич постучал пальцами по столу.

— Ищи-и! — зашипели на Синицыну ребята.

Синицына испуганно развела руками.

Лицо Сергея Николаевича потемнело:

— Одинцов, сбегай за мелом, живо!

Одинцов опрометью бросился из класса.

— Кто сегодня дежурный?

Васёк встал, чувствуя, как кровь приливает к его щекам. Рядом встал Саша Булгаков.

Сергей Николаевич поднял брови:

— Трубачёв? Булгаков? Булгаков, ты к тому же и староста.

Саша вытянул шею и замер.

— Надо лучше знать свои обязанности, — резко сказал учитель. — Садитесь!

Не глядя ни на кого, Васёк опустился на место. Ему казалось, что сзади него перешёптываются девочки. Неподалёку слышалось тяжёлое дыхание Мазина — ему было жарко. Русаков, за-

быв обо всём на свете, считал минуты. Одинцов, запыхавшийся от бега по лестнице, принёс мел и от волнения протянул его прямо учителю.

— Положи на место, — сказал Сергей Николаевич.

Синицына перехватила из рук Одинцова мел и, держа его наготове, таращила на учителя глаза.

— «Колхозники рано начнут сев...» — снова продиктовал учитель.

Урок пошёл, как обычно. Синицына разбирала предложения бойкой скороговоркой.

«И куда торопится, лягушка эдакая?» — с тревогой думал Русаков.

После Синицыной отвечал Медведев. Проходя мимо Зориной, он тихонько толкнул её локтем. Лида замотала головой и заткнула уши.

— Что-нибудь случилось, Зорина? — спросил Сергей Николаевич.

Лида вскочила:

— Нет.

— Тогда сиди спокойно и не делай гримас, — отвернувшись, сказал учитель.

Лида села, боясь пошевельнуться. В классе было тихо. Сергей Николаевич вызывал, спрашивал, но ребята чувствовали, что он недоволен.

Звонок, как свежий студёный ручей, ворвался из коридора и разлился по классу.

Ребята облегчённо вздохнули. Сергей Николаевич взял портфель.

Когда за ним закрылась дверь, ребята повскакали с мест и окружили Трубачёва и Булгакова:

— Что же вы? Как это вы?

— Не могли мел положить!

— Осрамили! Весь класс осрамили!

— Честное пионерское... — начал Саша и, возмущённый, повернулся к Трубачёву: — Я на тебя, как на себя самого, надеялся!

— А я что? Что я? — сразу вскипел Трубачёв.

— Ты сказал, что у тебя всё в порядке, а сам...

— Что сам? — подступил к нему Васёк.

На щеках у него от обиды расплылись красные пятна.

— Дисциплина! — крикнул кто-то из ребят.— А сами ещё всех подтягивают!

— И на девочек нападают, — пискнула Синицына.

— Молчите! — с бешенством крикнул Васёк и обернулся к Саше: — Говори, что я сделал?

— Мел не положил, вот что!

— Кго не положил?

— Ты! — бросил ему в лицо Саша. — Весь класс подвёл!

— Врёшь! — топнул ногой Васёк. — Я всё проверил, и всё было, нечего на меня сваливать!

— Я не сваливаю. Я ещё больше отвечаю! Я староста!

— Староста с иголочкой! Тебе только сестричек нянчить! — выбрасывая из себя всю накопившуюся злобу, выкрикнул Васёк.

— Трубачёв! — сорвался с места Малютин.

— А... ты так... этим попрекаешь... — Саша поперхнулся словами и, сжав кулаки, двинулся на Васька.

Тот боком подскочил к нему.

— Разойдись! Разойдись! — выпрыгнул откуда-то Одинцов.

Несколько ребят бросились между поссорившимися товарищами:

— Булгаков, отойди!

— Трубачёв, брось!

— Перестаньте! Перестаньте! — кричали девочки.

Валя и Лида хватали за руки Трубачёва. Одинцов держал Сашу.

— Ты мне не товарищ больше! Я плевать на тебя хочу! — кричал через его плечо Саша.

— Староста! — презрительно бросил Васёк, отходя от него и расталкивая локтями собравшихся ребят. — Пустите! Чего вы ещё?

Сева Малютин загородил ему дорогу:

— Трубачёв, так нельзя, ты виноват!

Васёк смерил его глазами и, схватив за плечо, отшвырнул прочь. Класс ахнул. Надя Глушкова заплакала.

Валя Степанова бросилась к Малютину.

Васёк хлопнул дверью.

Мазин и Русаков стояли молча в уголке класса.

Когда Трубачёв вышел, Мазин повернулся к Русакову и с размаху дал ему по шее.

— За что? — со слезами выкрикнул Русаков.

— Сам знаешь, — тяжело дыша, ответил Мазин.

Ребята удивлённо смотрели на них:

— Ещё драка!

Но Мазин уже выходил из класса, спокойно советуя следовавшему за ним Русакову:

— Не реви, хуже будет.

Глава 20

КАК БЫТЬ?

Одинцов и Саша шли вместе. Под ногами месился мокрый снег, набиваясь в разбухшие от сырости калоши. Саша шёл, не разбирая дороги, опустив голову и не глядя на товарища. Одинцов щёлкал испорченным замком своего портфеля и взволнованно говорил:

— Знаешь, он просто со зла, нечаянно... Он, может, этот мел в форточку выбросил, когда тряпку вытряхивал... И сам не знал... Да тут ещё ребята кричат. Ну, довели его до зла, он и сказал.

Одинцов перевёл дух и взглянул в упрямое лицо Саши.

— Вот и со мной бывает. Как разозлюсь в классе или дома — так и давай какие-нибудь глупости говорить, что попало, со зла. А потом самому стыдно. Да ещё бабушка скажет: «Ну, сел на свинью!» Это у неё поговорка такая.

Коля неловко засмеялся и, ободрённый Сашиным молчанием, продолжал:

— Это с каждым человеком бывает. А Трубачёв всё-таки наш товарищ.

Саша вскинул на него покрасневшие от обиды глаза:

— Товарищ? Да лучше б он меня по шее стукнул, понимаешь? А он мне такое сделал, что я... я... — Саша задохнулся от злобы и, заикаясь, добавил: — Ни-когда не прощу!

— Саша, ведь ему самому теперь стыдно, он сам мучается! — горячо сказал Одинцов.

Саша вдруг остановился.

— А, ты за него, значит? — тихо и угрожающе спросил он в упор.

— Я не за него, — взволновался Одинцов, — я за вашу дружбу, за всех нас троих. Мы всегда вместе были. И на пруду ещё говорили...

— Ладно, дружите... А мне никакого пруда не надо. Мне и тебя, если так, не надо, — с горечью сказал Саша.

Голос у него дрогнул, он повернулся и, разбрызгивая мокрый снег, быстро зашагал к своему дому.

— Саша!

Одинцов догнал его уже у ворот:

— Саша! Я всё понимаю. Я за тебя... Мне только очень жалко...

— А мне не жалко! Мне ничего не жалко теперь! И хватит! — Саша кивнул головой и пошёл к дому.

Одинцов глубоко вздохнул, оглянулся и одиноко зашагал по улице.

«Пропала дружба... — грустно думал он, стараясь представить себе, как будут теперь держаться Трубачёв и Саша. — А с кем я буду? Один или с каждым по отдельности?»

Одинцов не стоял за Трубачёва. Поступок Васька казался ему грубым и глупым.

«На весь класс товарища осрамил! «Староста с иголочкой! Тебе только сестричек нянчить!» — с возмущением вспоминал он слова Трубачёва.— И как это ему в голову пришло? Ведь Саша не виноват, что у них детей много, ему и так трудно, — размышлял он, шлёпая по лужам. — И ещё Малютина отшвырнул... Севка и так слабый...»

Коля Одинцов был растревожен. Дома он наскоро выучил уроки, весь вечер слонялся без дела и, ложась спать, вдруг вспомнил: «А ведь сегодня четверг. К субботе статью писать надо...»

Перед ним встал Васёк Трубачёв, с рыжим взъерошенным чубом на лбу, с красными пятнами на щеках.

«Я ведь о нём писать должен... Всё... Честно... И вся школа узнает... Митя... Учитель...»

Одинцов нырнул под одеяло и накрылся с головой.

«Не буду. На своего же товарища писать? Ни за что не буду!»

Он замотал головой и беспокойно заворочался.

— Коленька, — окликнула его бабушка, — ты что вертишься, голубчик?

— У меня голова болит, — пожаловался ей мальчик.

— Голова? Уж не простудился ли?

Старушка порылась в деревянной шкатулке, подошла к кровати и пощупала Колин лоб.

— На-ко, аспиринчику глотни.

— Зачем? — отодвигая её руку с порошком, рассердился Коля. — Вечно ты, бабушка, с этим аспиринчиком. У меня, может, не то совсем.

— Да раз голова болит! Ведь аспирин — первое средство при всяком случае.

— Ну и лечи себя при всяком случае, а ко мне не приставай... Тебе хорошо, ты дома сидишь, а я целый день мотаюсь. Иди, иди! Я и так засну!

Он повернулся к стене и закрыл глаза. Перед ним опять встал Васёк Трубачёв. Потом стенгазета, перед ней кучка ребят и учитель.

«Совершенно точно и честно», — глядя на статью, говорит Сергей Николаевич.

«Одинцов никогда не врёт!» — кричат ребята.

«Не врёт... Мало ли что... Можно и не врать, а просто промолчать. Только вот Митя спросит, почему не написал, и ребята скажут: побоялся на своего дружка писать, а как про кого другого, так всё описывает... — Одинцов вздохнул. — Нет, я должен написать... всю правду».

Кровать заскрипела. Бабушка заглянула в комнату. Коля громко захрапел, как будто во сне.

«Какой же я пионер, если не напишу? — снова подумал он, прижимаясь к подушке горячей щекой. — Ведь меня выбрали для этого... А какой же я товарищ, если напишу?» — вдруг с ужасом ответил он себе и, сбросив одеяло, сел на кровати.

— Коленька, тебе чего?

— Дай аспиринчику, — жалобно сказал Коля.

Глава 21

МАЛ МАЛА МЕНЬШЕ

Когда Саша открыл дверь своего дома, на него пахну́ло знакомым тёплым детским запахом, звонкая возня ребятишек неприятно оглушила его.

Он схватил за рубашонку играющего у порога Валерку:

— Куда лезешь? Пошёл отсюда!

Валерка сморщился и вытянул пухлые губы. Мать поспешно подхватила его на руки и тревожным взглядом окинула расстроенное лицо сына.

— Саша, Саша пришёл!

Ребятишки, отталкивая друг друга, бросились к Саше.

— Брысь! — сердито крикнул он и, заметив взгляд матери, с раздражением сказал: — И чего лезут? Домой прийти нельзя!

— Да они всегда так... радуются, — осторожно сказала мать.

— Виснут на шее... Как будто я верблюд какой-нибудь... Ну, пошли от меня! — закричал он на сестрёнок.

— А мы без тебя играли. Знаешь как? — заглядывая ему в лицо и пряча что-то за спиной, сказала его любимица — Татка.

Саша молча отодвинул её в сторону и прошёл в комнату.

— Не троньте его, отойдите, — тихо сказала мать. — Играйте сами.

Саша бросил на стол книги и сел, стараясь не замечать внимательного взгляда матери. Этот взгляд тоже вызывал в нём раздражение: «Так и смотрит, всё знать ей надо...»

Мать наскоро вытерла руки, накрыла на стол:

— Сашенька, иди обедать!

Ребята с шумом полезли на стулья. Трёхлетняя Муська зазвенела ложкой о тарелку.

— Руки под стол! — закричал Саша. — Что ты звонишь, как вагоновожатый! — накинулся он на Муську, отнимая у неё ложку. — Сейчас выгоню!

— Саша, Саша! — удивлённо, с упрёком сказала мать. — Что это ты, голубчик?

— «Голубчик»... Нянька я вам, а не «голубчик»! Не буду я им больше ничего делать! Сама, как хочешь, с ними справляйся! — отодвигая свою тарелку, закричал Саша. — Всё на меня свалила!

Он вдруг остановился. Мать смотрела на него с жалостью и испугом. Половник дрожал в её руке. Дети притихли.

— Ешь. Вот мясо тебе. Сам порежешь?

— Сам, — буркнул Саша, давясь куском хлеба.

За столом стало тихо. Мать резала маленькими кусочками мясо и клала его в тарелки малышам.

— Кушайте, кушайте, — говорила она вполголоса, помогая то одному, то другому справляться с едой.

Татка, придвинув к Саше свою тарелку, шопотом сказала:

— Саша, порежь мне.

— Сама не маленькая, — отодвигая локтем её тарелку, сказал Саша.

— Мама, чего он не хочет? — обиженно протянула Татка.

— Не приставай к нему, Таточка. Дай свою тарелку!

Татка вскочила, с колен её покатился на пол круглый пенал. Этот пенал Саша сам подарил ребятам для игры «в школу». Но сейчас, чувствуя закипавшие в глазах слёзы и острую потребность придраться к чему-нибудь, Саша схватил пенал и выбежал из-за стола.

— На моём столе роетесь! Всё моё хватаете!

Ладно, я теперь всех швырять буду! — кричал он неизвестно кому со слезами в голосе. Потом бросился ничком на свою кровать и разрыдался.

— Сашенька, Саша... Кто тебя, сынок мой дорогой? Кто тебя обидел, голубчик? — гладя его по спине, спрашивала мать.

Саша молча плакал, уткнувшись в подушку круглой стриженой головой. Вокруг его кровати, прижимаясь к матери, всхлипывали испуганные ребята. Валерка, приподнявшись на цыпочки, обхватил Сашину шею и уткнулся лбом в его подушку. Саша высвободил руку и обнял тёплое тельце братишки.

Глава 22

ВАСЁК

Васёк стоял у окна и на все вопросы тётки отвечал:

— А тебе-то что?

— Как это «тебе-то что»? — возмутилась тётя Дуня. — Прибежал, как с цепи сорвался! Я тебя и спрашиваю: случилось с тобой что, отметку плохую получил или наказали тебя в школе?

— Ну и наказали, — усмехнулся Васёк. — А тебе-то что?

— Ты мне не смей так отвечать! Я не с улицы пришла ответ у тебя спрашивать. Мне вот отец пишет, что ещё недели на две задержится.

— Письмо есть? Отец пишет? Давай письмо. Почему сразу не дала мне? — закричал на тётку Васёк.

Тётка вынула из-под скатерти письмо.

— Я с тобой поговорю ещё... Вот почитай

раньше... — холодно сказала она, испытующе глядя на племянника поверх очков.

— Ладно! — нетерпеливо сказал Васёк, отходя к своему столу и вытаскивая из конверта тонкую серую бумажку.

Отец писал, что никак не мог сообщить о себе, так как ездил со своей бригадой на другие участки и всё надеялся скоро вернуться. Но сейчас в паровозном депо идёт большой ремонт, и придётся ему ещё недельки на две задержаться. Он просил тётку приглядеть за племянником, спрашивал, как учится Васёк, как он ест, спит, не очень ли скучает. В конце стояла приписка сыну: «Дело, Рыжик, прежде всего. Паровозы мои — пациенты смирные, слушаются меня. Есть среди них очень интересные, новой системы, наши советские. Приеду — расскажу. А пока делай ты, Рыжик, свои дела так, чтобы совесть была чиста.

Твой папа»

Васёк опустил письмо и задумался.

Отец задерживается... Не с кем поговорить по душам... Некому рассказать, что произошло за это время в его жизни...

Васёк подумал о Саше. Вспомнил его лицо и слова, которые тот бросил ему: «Не товарищ!» Подумаешь, напугал! И что я ему сказал? Разве это не правда, что он сестричек нянчит? Правда...» — храбрясь и оправдываясь перед собой, думал Васёк.

Потом, вспыхнув до ушей, он растерянно посмотрел на свою твёрдую, загорелую руку. В этой руке осталось ощущение острого, худенького плеча Севы. Васёк прикусил губу, чувствуя стыд и недовольство собой. Как это с ним случилось, что

он швырнул Севу? Конечно, Малютин сам полез, его никто не просил.

Васёк посмотрел на письмо. Задерживается... в такую минуту, когда ему одному мог он рассказать обо всём, что произошло в классе. «Ну, и ладно... Пусть со своими паровозами остаётся... Хоть и совсем не приезжает, раз так», — с горькой обидой на отца думал он.

— Вот и поговорим, — сказала тётка, закончив какие-то кухонные дела и присаживаясь на стул против Васька. — Разболтался? Грубишь? Думаешь, тётка сквозь пальцы глядеть будет? — Тётя Дуня оправила подол юбки и поудобнее уселась на стуле. — Нет, племянничек, я здесь не для этого живу. На меня не напрасно твой отец надеется. Трубачёвы зря ничего не обещают, и я тебя на ум-разум направлю, — медленно цедила слова тётка.

Васёк вдруг вышел из берегов:

— А что ты мне сделаешь? Что ты ко мне привязалась сегодня? «На ум-разум направлю»! Вот я отцу расскажу! — кричал он, размахивая руками.

Тётка поджала тонкие губы.

— А я и отца ждать не буду. Я в школу пойду, — язвительно сказала она.

— Ты... в школу? — задохнулся Васёк. — В школу? Ведьма! — неожиданно для себя выпалил он и испугался.

Лицо у тётки вдруг сморщилось, очки упали на колени, ресницы заморгали, и на них показались слёзы.

— Спасибо, Васёк, спасибо, племянник, — тихо сказала тётка, поднимаясь со стула.

Васёк хотел броситься к ней, попросить про-

щенья, но слова застряли у него в горле. Первая минута была потеряна, и, провожая глазами её сгорбившуюся фигуру, он только беспомощно шевелил губами.

Тётка весь вечер просидела в кухне.

«Ну и пускай! — думал Васёк, стараясь побороть в себе чувство жалости и раскаяния. — Ещё каждому кланяться буду! Просить, унижаться!»

Вечером пришла Таня. В последнее время Васёк редко видел её и особенно обрадовался теперь, чувствуя себя одиноким и несчастным.

— Таня, ты где всё пропадаешь? — спросил он, поглаживая глиняного петуха. — Я тебя совсем не вижу.

— Да у меня дела теперь сверх головы. Меня, Васёк, в комсомол принимают! — с гордостью сказала Таня, показывая на толстую книгу в коленкоровом переплёте. — Вот, учусь! И работаю. Ведь это заслужить надо.

— А я ещё пионер только, — со вздохом сказал Васёк и сразу подумал: «А вдруг Митя узнает про то, что в классе было? Или учитель?»

Сердце его сжалось, и к щекам опять прилила краска.

— Ты что? — спросила Таня.

— Ничего. Спать захотел, — сказал Васёк.

— Да посиди, рано ещё... Что отец пишет?

— Пишет — задерживается... Я пойду, — устало сказал Васёк.

Ему и правда захотелось спать. Он лёг, но сон не приходил долго. На душе было одиноко и тоскливо.

Васёк вспомнил Одинцова и грустно улыбнулся:

«Один товарищ у меня остался... Один друг, а было два... Эх, из-за куска мела!»

Он приподнялся на локте.

«А куда же этот проклятый мел делся? Ведь я же сам клал его, длинный, тонкий кусочек. Куда же он делся? Надо было поискать хорошенько, найти, доказать, может он лежал в уголке где-нибудь...»

Васёк пожалел, что не сделал этого сразу, а в раздражении ушёл из класса.

* * *

Утром Васёк долго валялся в кровати, лениво делал зарядку. Он не торопился: день перед ним вставал хмурый и неприятный. В первый раз не хотелось идти в школу.

«Теперь, наверно, все на меня глазеть будут, как на зверя какого-нибудь...»

Не хотелось видеть Сашу, Малютина, и перед остальными ребятами было стыдно и нехорошо.

«А что такое? Фью! Больше бояться меня будут! Никто не полезет ко мне!» — хорсхорился он наедине с собой, пытаясь заглушить чувство стыда и беспокойства.

Входя в класс, он сделал равнодушное лицо и как ни в чём не бывало направился к своей парте, хотя сразу заметил, что ребята его ждали и говорили о нём. Ему даже показалось, что из какого-то угла донёсся шопот:

— ...А ещё председатель совета отряда...

На самом деле слова эти никем не были сказаны, Ваську это только показалось. Но он насторожился и, небрежно обернувшись к классу,

посмотрел на ребят дерзким, вызывающим взглядом.

Саша Булгаков, который сидел впереди, ни разу не обернулся с тех пор, как Трубачёв вошёл в класс. На его круглом открытом лице было вчерашнее упрямое выражение, в глазах — мрачная, застоявшаяся обида.

Васёк, чтобы показать, что он совершенно не интересуется Сашей, небрежно развалился на парте и, стараясь не смотреть на стриженый затылок товарища, неудобно и напряжённо повернул голову и смотрел вбок.

Малютин спокойно сидел рядом с ним. Он не чувствовал ни страха, ни унижения, ни обиды, как будто не его, как котёнка, швырнул вчера Трубачёв на глазах всего класса. Малютин страдал за Васька. Васёк Трубачёв в его глазах всегда был честным, смелым товарищем, которого слушались и любили ребята. И вот теперь вместо этого честного и смелого товарища рядом с ним сидел дерзкий расшибака-парень, показывающий всем и каждому, что в любую минуту может пустить в ход кулаки.

«Пусть только кто-нибудь пикнет!» — говорил весь облик Трубачёва.

Сева ясно видел, что класс осуждает Трубачёва. И чтобы заставить товарища перемениться, вернуть его в обычное состояние, Малютин изредка задавал ему простые вопросы: как он думает, будут ли у них экзамены и когда? Останется ли с ними Сергей Николаевич и на следующий год?

Васёк удивлялся, что Сева как будто забыл про вчерашнее, он чувствовал к нему благодарность, жалел, что так обидел его, но, боясь по-

казаться в глазах ребят трусом, который подлизывается к Малютину, чтобы уладить с ним отношения, отвечал Севе свысока, небрежно, чуть-чуть повернув в его сторону голову.

На переменке к Трубачёву подошёл Мазин.

— Ну и поссорились! Экая важность! — ни с того ни с сего сказал он. — Из каждой мухи слона делать — так это и жить нельзя.

— Я и не делаю слона, — ответил ему Васёк.

— Я не про тебя — я про Булгакова. Что это он нюни распустил, от одного слова скис?

— Он не скис! — рассердился Васёк. — И нюни не распускал. Это не твоё дело!

Мазин наклонил голову и с любопытством посмотрел на Трубачёва.

— Вот оно что... — неопределённо протянул он и отошёл к своей парте.

— О чём ты с ним говорил? — спросил его Русаков.

Но Мазин был поглощён своими мыслями.

— Так вот оно что... — чему-то удивляясь, снова повторил он.

Лида Зорина избегала смотреть на Васька, она то и дело подходила к Саше и с глубоким сочувствием смотрела на Малютина. У Вали Степановой было строгое лицо, и другие девочки неодобрительно молчали.

Хуже всего было Коле Одинцову. Он то сидел на парте рядом с Васьком, стараясь в чём-то убедить его, то отходил к Саше. И, недовольный своим поведением, думал: «Что это я от одного к другому бегаю!»

Одинцов всё ещё надеялся помирить обоих товарищей.

— Ты бы сказал ему, что виноват, ну и всё!— уговаривал он Трубачёва.

Васёк, разговаривая с Одинцовым, становился прежним Васьком.

— А если по правде, по честности — я виноват, по-твоему? — спрашивал он товарища.

— Виноват! — твёрдо отвечал Коля. — Не попрекай, чем не надо. Ты против Саши барином живёшь.

— А он имел право мелом меня попрекать?

Одинцов пожал плечами:

— Не знаю... Если ты клал этот мел, то куда он делся?

Разговоры не приводили ни к чему. Один раз Трубачёв сказал:

— С Булгаковым я дружил, а теперь он мой враг. И больше о нём не говори. Я к нему первый никогда не подойду. А ты с ним дружи. И со мной дружи.

— Да ведь нас трое было...

— А теперь ты у меня один остался, — решительно сказал Васёк.

К концу дня, видя, что ребята, как будто условившись между собой, не заговаривают о ссоре, Трубачёв успокоился, принял свой прежний вид и даже сказал Малютину:

— Я ведь тебя не хотел вчера...

— Я знаю, я знаю! — поспешно и радостно перебил его Сева. — Дело не во мне, я другое хочу тебе рассказать... Только дай мне честное пионерское, что не рассердишься.

— Я на тебя не рассержусь, говори.

Сева быстро и взволнованно рассказал ему про мальчишку в Сашином дворе, как тот осыпал Сашу насмешками, когда Саша нёс помои.

Васёк стукнул кулаком по парте:

— И ты не выскочил и не дал ему хорошенько? Эх, я бы на твоём месте...

— Я вышел потом... Но это не то, я другое хотел сказать.

Они посмотрели друг другу в глаза.

Васёк потемнел.

— Ты что же... меня к тому хулигану приравнял? — тихо, с угрозой спросил он.

— Тот хулиган не был Сашиным товарищем, — ответил ему Сева.

Глава 23

СТАТЬЯ ОДИНЦОВА

Одинцов писал статью. Он описывал всё происшедшее в классе так, как оно было. Но каждый раз на фамилии Трубачёва он останавливался и долго сидел, опустив голову. Потом снова брал перо.

«А теперь ты у меня один остался», — сказал ему Васёк.

«Но ведь я в глаза говорил ему, что он виноват. И завтра сам скажу, что статью написал. Как пионеру скажу... Он поймёт, что иначе нельзя мне», — волновался Одинцов.

Уже несколько ребят спросили его в классе, какую статью он даст в стенгазету.

— Правду напишешь?

— Как всегда.

Одинцов вспомнил, что, ответив так ребятам, он перестал колебаться, но после этого никак не мог подойти к Трубачёву и ушёл домой, не попрощавшись с ним. И всю дорогу в мыслях его

что-то двоилось, путалось. Трубачёв стоял по одну сторону, а он, Коля Одинцов, — по другую. Ребята ждали от Одинцова правды и справедливости.

«Я спрошу его, как бы поступил он на моём месте, — волнуясь, думал Коля. — Он ведь тоже пионер, он не захочет, чтобы я из-за него пионерскую честь свою запятнал».

Одинцов снова брался за перо:

«...Когда Трубачёв выходил, к нему бросился Малютин и сказал: «Трубачёв, ты виноват». Трубачёв схватил Малютина за плечо и сильно толкнул его...»

Подумав, Одинцов зачеркнул слова «схватил» и «сильно». Вышло так: «Трубачёв взял Малютина за плечо и оттолкнул его...»

— Почти одно и то же... — прошептал Одинцов и перешёл к следующему происшествию:

«...А потом Мазин за что-то ударил Русакова, и оба спокойно вышли из класса. Редакция надеется, что Трубачёв, как пионер и товарищ, поймёт, что он сделал нехорошо, и как-нибудь помирится с Булгаковым».

* * *

Васёк притих. Он вдруг понял, что всех обидел: и тётку, и Сашу, и Севу Малютина, — что он перед всеми виноват. От этого на душе у него было тоскливо, и даже приезд отца не обещал ему радости. Случай на Сашином дворе не выходил у него из памяти. Он думал о Саше. Вспоминал, как они с Одинцовым звали его на каток, а он не мог пойти.

«А ведь Сашке, конечно, трудно, а я ещё попрекнул его. Он, верно, сразу того хулигана

вспомнил... Такую обиду Саша не простит. Тётка тоже не простит. Она так заботилась обо мне, а я назвал её «ведьмой»... Сева простил. Почему простил Сева — непонятно. Но Малютин вообще непонятный. Может, он трус и не хочет ссориться со мной? Нет, он не трус! Он даже, наоборот, както...»

Но как это «наоборот» — Васёк не додумал.

Была суббота. После обеда собиралась редколлегия, вчера ребята давали заметки. Интересно, что написал Одинцов? Вчера из самолюбия Васёк не спросил его об этом, хотя сам Одинцов всё время начинал с ним разговор о стенгазете. Видно, не знал, как писать, и хотел посоветоваться.

«Наверно, написал просто, что куда-то делся мел и дежурные поспорили между собой», — спокойно подумал Васёк.

— Тётя Дуня, мне в школу на собрание нужно.

Тётка молча накрыла на стол. Она всё делала теперь молча. Васёк слышал, как вчера вечером она сказала Тане:

— Он меня обидел, и я всё ему буду делать официально.

Васёк вздохнул:

«Ну что ж, я тоже официально буду!»

Глава 24

В ЗЕМЛЯНКЕ

Мазин перестал ходить на занятия к Трубачёву. С одной стороны, его мучила история с мелом, и он чувствовал себя виноватым перед Васьком. С другой стороны, после злополучного урока он

решил подтянуть Русакова и сам превратился в учителя, пригрозив Петьке, что будет считать его последним человеком в Советском Союзе, если он не научится отличать подлежащее от сказуемого и глагол — от имени существительного.

Русаков сам понял, что ему никуда не деться от грамматики, и согласился заниматься.

Он хорошо знал, что если Мазин за что-нибудь берётся, то «дело будет».

Занимались в землянке. Пообедав, порознь выходили из дому и окольными путями шли к пруду. Ноги проваливались в глубокий, рыхлый снег, вода доходила до щиколотки, пробираться к старой ели было трудно, но зато в землянке было сухо и уютно.

Мальчики отгребли от входа снег и прорыли вокруг глубокие канавы, чтобы дать сток воде. Усевшись поудобнее на мешке, они зажигали коптилку и начинали заниматься. Ещё до урока Петя успевал рассказать товарищу тысячу новостей. Уже две недели в их доме жила молодая женщина, которую он называл мачехой. Мачеха пугала и интересовала Петю. Он всегда ждал от неё каких-нибудь неприятностей и рассказывал Мазину:

— Такую пыль в доме подняла! Всю мою кровать вверх тормашками перевернула — и чего ей там нужно было?

— Клопов, — изрекал Мазин.

— Может, конечно... А потом, смотрю, на мой стол чернильницу отцовскую поставила, ручку у отца спёрла.

— Это что ещё за слово у тебя? Говори по-русски.

— Ну, стащила...

— Смотри у меня! А то подумают — я тебя научил, — выговаривал Мазин.

— Ладно, — соглашался Русаков, — пускай стащила. Она вообще нас с отцом не различает: что ему, то и мне! — вдруг похвалился он.

— Различит, когда за ремень возьмётся, — поддразнил его Мазин.

— Она сама не возьмётся. Отца подучать будет... Она мне вот что один раз говорит: «Петя, может ты за хлебом сегодня сходишь?» Видал? Думает прислужку из меня сделать!

— А ты хлеб ешь?

— Ем.

— Не ешь, — серьёзно сказал Мазин.

— Почему это?

— Потому что она подумает, что ты из неё прислужку хочешь сделать.

Петя засмеялся.

— Ты всегда придумаешь чего-нибудь... А мне бы только одно наверняка знать: добрая она или злая? — задумчиво сказал он. — Почему это нельзя сразу человека узнать?

— Узнать, пожалуй, можно, — протянул Мазин.

— А как? — заинтересовался Русаков.

— Принеси ей дохлую кошку.

— Совсем дохлую?

— Не совсем... наполовину... чтоб ещё мяукала... Или собаку. Одно из двух.

— И что?

— И посмотри: выкинет она её или накормит. Кто любит животных, тот добрый человек, а кто их не жалеет, тот сам дрянь! — объяснил Мазин.

— Это верно... А где же мне эту самую дох-

лую кошку взять? Если спрятать да заморить какую-нибудь? — сморщившись, сказал Петя.

— Ну, и будешь сам дрянь, — отрезал Мазин.

— Ну вот... а говоришь... Легче уж совсем дохлую достать, так ту и жалеть нечего, раз она уже всё равно скончалась... А так... все кошки толстые, — припоминая всех знакомых кошек, говорил Русаков.

— Ну ладно! Выбрось всё это из головы. Садись. Говори честно, чего знаешь и чего не знаешь.

— Что ты не знаешь, то и я не знаю, — расхрабрился Русаков.

— Ну-ну! Я не знаю — так догадаюсь, — важно сказал Мазин.—Тебе со мной не равняться. А по правде, обоим подтягиваться нужно. Скоро экзамены. Придётся, как-никак, поработать.

Ребята взялись за учёбу.

Положив на колени учебник, Мазин экзаменовал Русакова, тут же проверяя и свои знания.

Когда оба начинали скучать, Мазин говорил:

— Последнее предложение: «Коля стукнул Петю по шее» — разбирай.

— Нет, ты разбирай: «Русаков положил Мазина на обе лопатки».

— Раньше положи, — говорил Мазин, обхватывая товарища поперёк туловища.

Начиналась борьба. Со стен летели пугачи и рогатки, мешок с сеном трещал по всем швам.

Ужинали порознь. Каждый у себя дома. Последнее время Петя стал разборчив в еде. Ворону пришлось выбросить, мороженую рыбу пустили в пруд на съедение ракам.

— Знаешь, Мазин, это кушанье как-то не по мне, — сознался товарищу Петя.

— А какие ещё фрикадельки тебе нужны? — ворчал Мазин, очищая котелок от вороньих перьев.

Ложась спать, Мазин размышлял о жизни:

«Учиться хорошо можно. В конце концов, это не такое трудное дело. Отвиливать, пожалуй, труднее».

И он твёрдо решил за себя и за Русакова выдержать экзамены на «отлично». История с мелом тоже повлияла на Мазина.

«В общем, всё из-за одного лодыря вышло. Знай Петька грамматику, я бы не стащил мел. Не стащи я мел, Трубачёв не поссорился бы с Булгаковым, вот и всё... А какие товарищи были Васёк и Саша! Трубачёв и сейчас за Булгакова вступился, когда я сказал, что Сашка нюни распустил... Гм... А в общем, какая это дружба! Из-за одного куска мела всё вдребезги! Я бы так Петьку не бросил. Эх, жизнь!»

Мазин был благодарен Трубачёву за помощь по географии. Бывая у Васька в доме, он сблизился с ним и привык к нему, а поэтому всю вину перекладывал на Сашу, да ещё в самой глубине сердца сознавал и свою вину, которую, в свою очередь, перекладывал на Русакова и, не в силах разобраться в этой путанице, засыпая, говорил:

— Эх, жизнь!

Глава 25

„СОВЕРШЕННО ТОЧНО“

Васёк торопился. На втором этаже школы в пионерской комнате окна были освещены.

«Работают уже... Скорей надо! Сегодня Белкин переписывает, наверно».

— Иван Васильевич, Митя пришёл? — спросил он, пробегая мимо Грозного.

— Нет ещё... Сергей Николаевич в учительской, — сообщил Грозный.

«Эх, а я опоздал!» — подумал Васёк и, пробежав быстро по коридору, открыл дверь в пионерскую комнату.

Одинцов стоял посреди комнаты, держа в руках аккуратно исписанный листок. Ребята окружали его тесным кольцом. Увидев Васька, кто-то тихо сказал:

— Трубачёв!

Все лица повернулись к Трубачёву. Одинцов тоже обернулся и машинально спрятал за спину листок.

Трубачёв посмотрел ему прямо в глаза. Потом медленно протянул руку:

— Это про меня? Дай!

Одинцов, бледный, но спокойный, передал ему листок.

— Я не мог иначе... — сказал он.

Васёк пробежал глазами статью. Она пестрела его фамилией.

— Совершенно точно, — сказал он, криво усмехаясь и возвращая листок. — Совершенно точно... — повторил он и при общем молчании вышел из комнаты.

— Трубачёв! — упавшим голосом позвал Одинцов. — Ребята! Что же вы! Остановите его!

— Трубачёв! Трубачёв! — понеслось по коридору.

— Митя! Где Митя? — волновались ребята.

Саша Булгаков подошёл к Одинцову и сел рядом с ним.

— Ты не из-за меня написал? — спросил он, моргая ресницами.

— Нет, я просто правду написал! — Одинцов поднялся. — Белкин, переписывай!

Ребята зашевелились, задвигались, горячо обсуждая случившееся.

Мнения разделились: одни обвиняли Одинцова и говорили, что он не должен был подводить товарища, другие защищали Одинцова.

— Он не имел права иначе! Он поступил честно! — кричали они.

В пионерскую комнату вошёл Сергей Николаевич. Он просмотрел стенгазету и прочёл статью Одинцова. Ребята стояли понурившись, работа шла вяло. Все ждали, что скажет учитель.

Сергей Николаевич подозвал Одинцова:

— Это с Трубачёвым ты просил посадить вас вместе?

— Да, с Трубачёвым и Булгаковым.

— Закадычные друзья? А кто же больше друг — Булгаков или Трубачёв? — спросил учитель, не глядя на Одинцова.

— Оба, — сказал Коля, мучительно краснея.

Сергей Николаевич положил руку на его плечо:

— Бывают, Одинцов, трудные положения у человека... Но если справедливость требует, то... ничего не поделаешь... — он улыбнулся, — надо себя преодолеть!

В комнату вошёл Митя..

— Вы давно здесь? — спросил он, вытирая платком мокрые волосы. — Какая-то труха с неба сыплется... Ну как? Познакомились с материалом?

— Познакомился, — сказал учитель, подвигая ему статью. — Тут много интересного.

Митя быстро пробежал глазами статью.

— Ого! Одинцов пишет про Трубачёва! Это новость! — Он вскинул на учителя глаза. — Д-да... Не ожидал от Трубачёва. Ведь он председатель совета отряда. Придётся поговорить.

Сергей Николаевич кивнул головой:

— Обязательно!

— О чём они? — шопотом спросил у Одинцова Саша. Он чувствовал себя неловко и, когда Сергей Николаевич смотрел в его сторону, готов был провалиться сквозь землю.

— Не знаю, они между собой говорят... Им тоже неприятно всё это.

Когда Сергей Николаевич вышел, ребята бросились к Мите и, перебивая друг друга, стали рассказывать, что Трубачёв прочитал статью и ушёл.

— Экий недисциплинированный парень! Никакой выдержки нет. Придётся с ним поговорить по-серьёзному.

— Ну, что ты, Митя! Он же председатель совета отряда!

— Тем более должен знать дисциплину! — нахмурился Митя, подвигая к себе статью и перечитывая её снова.

Читая, он вскидывал вверх брови, всей пятернёй расчёсывал волосы и задумчиво глядел куда-то вбок. Потом щёлкнул пальцами по столу и весело, по-мальчишески спросил:

— А куда же делся мел?

* * *

Васёк не шёл, а бежал, натягивая на ходу пальто. На крыльце он чуть не сбил с ног Грозного и далеко за собой оставил его окрик:

— Эй ты, Мухомор, куда?

Пробежав школьную улицу, он наугад свернул в первый попавшийся переулок и оглянулся.

Кончено... Кончено... Одинцов — не товарищ... Одинцов осрамил его перед учителем... перед Митей... Одинцов не подумал, что Васёк — председатель совета отряда, не пожалел товарища...

Васёк покачал головой.

«Теперь у меня никого нет... ни Одинцова, ни Саши...»

Он вспомнил Малютина, Медведева, Белкина и других учеников своего класса. Никогда не заменят они ему прежних товарищей. На всю жизнь теперь он, Васёк Трубачёв, остался один.

Мягкий снег сеялся сверху на серые лужи, на чёрные островки сырой земли, на Васька Трубачёва.

А он всё шёл и шёл, низко наклонив голову, как человек, который что-то потерял и безнадёжно ищет.

* * *

О заметке Одинцова и о том, что Трубачёв сам не свой выбежал из пионерской комнаты, Мазин узнал от Нюры Синицыной. Она встретила его с Русаковым на улице и спросила:

— Не видели Трубачёва?

— Нет. А зачем тебе? — поинтересовался Мазин.

— Он, наверно, на редколлегии, — сказал Русаков.

— В том-то и дело, что он сейчас выскочил оттуда как угорелый. Ой, что было! Одинцов нам статью читал, а Трубачёв вдруг вошёл!

— Какую статью? — насторожился Мазин.

Нюра, захлёбываясь, стала рассказывать.

— Когда это было? — схватил её за руку Мазин.

— Да вот, вот... сейчас! Я за ним, а его уже нет... Я звала, звала... прямо чуть не плакала...

Мазин повернулся к Русакову:

— Иди домой.

— Я с тобой, — бросился за ним Петя.

— Кому я сказал! — прикрикнул на него Мазин и быстрым шагом пошёл к дому Трубачёва.

В голове у него зрело какое-то решение, но какое — Мазин ещё не мог сообразить. Он знал только одно: наступило время действовать. А как? Сознаться в том, что он утащил мел? Этого Мазину не очень-то хотелось. Он надувал свои толстые щёки, изо всех сил стараясь придумать что-нибудь такое, чтобы самому выйти сухим из воды и выручить Трубачёва. Голова работала плохо.

Мазин хмурил лоб и размахивал руками.

Потолкавшись на улице около дома Васька, он заглянул в окно.

В кухне Трубачёвых горел свет.

Мазин прошёлся по двору, подождал. Потом легонько дёрнул звонок.

— Васёк ещё не приходил, — сказала тётка. — Он в школе на собрании.

Мазин снова вышел на улицу. Мокрый воротник прилипал к шее.

— Одно к одному, — сказал Мазин, мрачно поглядев на тучи. — Ещё и небо расхныкалось...

Он отломил от водосточной трубы сосульку, засунул её в рот и, прислонившись к забору неподалёку от дома, стал ждать.

«Первым долгом выручить Трубачёва, вторым долгом выкрутиться самому... Петьку вообще вы-

городить», — соображал он, острыми глазами всматриваясь в каждую тёмную точку, возникавшую в свете уличного фонаря.

Он не сразу узнал Трубачёва. Васёк, не думая, что кто-нибудь из товарищей видит его, плёлся, понурив голову, озябший, вымокший под дождём.

Когда Мазин окликнул его, он испуганно оглянулся и, желая скрыться, прижался к забору.

«Так вот оно что!» — снова неопределённо подумал Мазин, подходя к нему, и, чтобы дать товарищу время прийти в себя, небрежно сказал:

— Промок я тут, как чорт... Где тебя носит?

«Не твоё дело», — хотел ответить Васёк, но замёрзшие губы не повиновались ему.

Он сплюнул в сторону и вызывающе посмотрел на товарища.

Но Мазин сплюнул в другую сторону и взял его за пуговицу пальто.

— Дело есть, — сказал он, кашлянув в кулак. — Ты на эту заметку плюнь. Мы тебя выручим, понятно?

Привыкнув во всём действовать сообща с Русаковым, Мазин не заметил, что сказал «мы».

Васёк тоже не заметил этого. Его удивило лицо Мазина. Мокрое от дождя, с узкими карими глазами, оно было виноватым, ласковым, и даже голос был необычным для Мазина, когда он повторил:

— Ты брось... Не обращай внимания... Иди спать ложись как ни в чём не бывало... Ну, иди...

Васёк, ослабевший от горя, усталый и прозябший, не сопротивлялся.

А Мазин, обняв его за плечи и легонько подталкивая к дому, говорил:

— Придёшь — и ложись... Накройся с головой и не думай. Мы тебя выручим.

Он подвёл Трубачёва к двери, сам дёрнул звонок.

— Ну, прощай!

— Подожди! — Васёк выпрямился. — Мазин... я ничего не боюсь... я... — Голос у него прервался, он отвернулся и обоими кулаками забарабанил в дверь.

— Ну, бояться ещё... Мы им... знаешь... — смущённо пробормотал Мазин.

По лестнице застучали шаги. Дверь открылась.

Мазин засунул руки в карманы и вышел за ворота.

Редкие прохожие оглядывались на одиноко шагавшего мальчугана и качали головами.

Сдвинув на затылок шапку и расстегнув навстречу ветру пальто, Мазин шагал посреди улицы и громко пел:

Человек проходит, как хозяин...

Он хорошо знал теперь, что́ он сделает, и совесть его была чиста.

Глава 26

ПЕТЯ РУСАКОВ

У ворот беспокойно вертелся Русаков. Он то поглядывал на свои окна, опасаясь, что вот-вот из форточки высунется отец и крикнет сердитым голосом: «Петя!», то выбегал на длинную улицу, боясь пропустить Мазина.

Ему необходимо было дождаться товарища. Ещё ни разу не было такого случая, чтобы Мазин ушёл куда-нибудь один, не посвятив в свои планы верного друга.

«К Трубачёву пошёл! — догадывался Русаков. — Неужели про меня скажет?»

Услышав голос товарища, Русаков бросился к нему навстречу:

— Ты что, Колька, на всю улицу орёшь?

Мазин спокойно допел до конца строчку «Где так вольно дышит человек». Петя с любопытством посмотрел на него.

Мазин усмехнулся:

— Слушай, я завтра при всех ребятах скажу, что мел стащил я.

— Скажешь?

— Скажу.

Русаков сморщился.

— Что, испугался? — насмешливо сказал Мазин. — Не пугайся, я не про тебя, а про себя скажу.

— Да зачем?

— А затем, что из-за нас Трубачёв страдает. Из-за этого проклятого мела про него статью написали. Вся школа читать будет. Что же ещё молчать-то!

— Да ведь статья из-за драки.

— А драка из-за чего? Из-за чего драка, я тебя спрашиваю?

— Из-за мела, — грустно сказал Русаков.

— Из-за мела. Что ж, я молчать буду?

— Лучше бы молчал, — нерешительно сказал Русаков.

— Что?! — Мазин приблизил к товарищу сердитое лицо. — Похож я на свинью, по-твоему?

Русаков бегло взглянул на выпяченные губы товарища, на короткий розовый нос с каплями дождя на широкой переносице, на щёлочки глаз и, запинаясь, ответил:

— Да... нет!

— А если я не свинья — значит, я человек, — решил тут же Мазин. — А ты трус!

— Я не трус! — вспыхнул Русаков. — Я тоже ничего на свете не боюсь!

Мазин медленно повернул голову и выразительно посмотрел на окна Петиной квартиры.

— Отца, думаешь, да? — заволновался Петя.

— А то нет? Ты только за себя трясёшься, тебе и товарища не жалко. Трубачёва в газете протащили. С первой строки до последней всё его фамилия только! Эту фамилию теперь по всей школе трепать будут, а ты... эх, испугался! Как бы отец не узнал! — с презрением сказал Мазин и, отстранив Петю с дороги, пошёл к дому. — И чего я только дружу с тобой? — с горечью спросил он, оглянувшись на Русакова.

Петя молчал, яростно обгрызая свои ногти.

— Вынь пальцы изо рта! И подумай о себе, — сказал Мазин, осторожно поднимаясь на цыпочки и заглядывая в окошко первого этажа. — Мама, открой!

Когда Мазин ушёл, Русаков глубоко вздохнул и поплёлся домой. Он был уже у крыльца, когда свет в его окнах мигнул и погас. Вместо него на занавеске зажелтел тоненький огонёк.

«Потушили. Спать легли! — с ужасом подумал Петя. — Ну, теперь будет мне... Сколько раз отец говорил, чтобы я нигде не шатался...»

Дверь оказалась незапертой. Стараясь не шуметь, Петя прикрыл её за собой, осторожно по-

вернул ключ и на цыпочках прошёл через кухню в первую комнату. За ширмами белела его кровать. Он тихонько разделся и накрылся с головой одеялом.

«Притворюсь, что сплю, — тоскливо думал он. — Может, отец до завтра отложит».

Из второй комнаты дверь была приоткрыта. Там горела ночная лампочка и слышались голоса. Сердитый бас отца заглушался тихим, спокойным голосом мачехи — Екатерины Алексеевны. Петя приподнялся на локте и прислушался. Но слов не было слышно. Потом скрипнула дверь. Петя упал на подушку и, стараясь ровно дышать, крепко зажмурил веки. Екатерина Алексеевна, в мягких туфлях, со свечкой в руке, заглянула за ширму.

— Он спит, — шопотом сказала она, прикрывая рукой свечу и возвращаясь к отцу. — Видишь, он спит!

— Знаю я его штучки! Спит! Нашёл кого обманывать! — загремел отец.

Кровать затрещала под его грузным телом. Петя съёжился в комочек.

— Григорий, я тебе последний раз говорю... я тебе серьёзно говорю, — раздался взволнованный голос. — Если ты когда-нибудь тронешь его хоть пальцем, ноги моей не будет в твоём доме. Я знать тебя не хочу! Я тебя возненавижу, понимаешь?

— Да что ты волнуешься, на самом деле? Что, я его хоть раз пальцем тронул? Всё только обещаю... А следовало бы разок проучить!

— Гриша, никогда я не позволю...

— Ну-ну, не волнуйся, Катюша! — снисходительно усмехнулся отец.

— Я не волнуюсь, а просто сейчас же уйду. И я не шучу, ты знаешь.

— Да замолчи ты! Сказал — не буду! — рассердился отец. — Но уж если он пакости какие-нибудь будет делать, справляйся с ним сама.

— И справлюсь! У тебя помощи не попрошу.

Петя с широко открытыми глазами сидел на постели и слушал.

«Не выдержит он, побьёт меня когда-нибудь... И она уйдёт... уйдёт... уйдёт... — с отчаянием думал он, зарываясь в подушку и обливая её горячими слезами. — Не буду я без неё здесь жить! Не буду без неё...»

* * *

Утром Петя проснулся рано и сразу вспомнил вчерашнее.

«Так вот она какая! — думал он про мачеху. — Надо сейчас же Кольке рассказать!»

Он вскочил, оделся и побежал на кухню. Екатерина Алексеевна пришла со двора с пустым ведром.

— Колонка испортилась, — сказала она соседке. — Теперь, пока починят, насидимся без воды.

— Я принесу. Я знаю где! — радостно сказал Петя, хватая пустое ведро.

— Колька! Колька! — забарабанил он в окошко Мазина.

Тот отодвинул занавеску и просунул в форточку заспанное лицо:

— Выпороли?

— Наоборот. Она не дала, — прижимая к груди ведро, сообщил Петя.

— Ну?

— Вот тебе и «ну»! Так его пугнула, что держись!

Русаков, оглядываясь во все стороны, передал товарищу подслушанный вечером разговор.

— Так вот оно что... — поднимая брови, протянул Мазин.

Он сидел на подоконнике в одной рубашке, с всклокоченной головой.

— А чего же тебя черти чуть свет по двору носят? Я думал, ты после порки бегаешь, — зевая, сказал он.

— Нет, я с ведром... Как бы не увидели нас вместе, — забеспокоился Петя. — Я пойду, Мазин.

— Ну, иди! А я посплю ещё, — задёргивая занавеску, сказал Мазин.

Петя побежал по улице.

«Где ещё колонка есть, — припоминал он, — или водопровод?»

Колонки поблизости не было.

«В школе! — вдруг вспомнил Петя. Школа была недалеко от их дома. — Легче всего там! Ещё рано, ребят нет, а Грозному скажу — отец послал».

Крыльцо было чисто вымыто дождём. На перилах висели половики из раздевалки. Где-то в классах грохотали передвигаемые парты. Слышно было, как Грозный выговаривал уборщице, что она плохо моет пол под партами.

Петя пробрался в умывалку, открыл кран и подставил ведро. Вода текла медленно.

«Сбегаю пока, посмотрю, повесили уже газету или нет», — решил Петя.

В коридоре у классной двери висела новая газета.

«Повесили!»

Петя на цыпочках подошёл к ней. Статья Коли Одинцова под жирным заголовком «Жизнь нашего класса» действительно пестрела фамилией Трубачёва.

«Вот свиньи! Ну свиньи! — возмутился Петя. — Написали бы: «один мальчик», а то полную фамилию напечатали».

Он вдруг хлопнул себя по лбу, вытащил из кармана химический карандаш, плюнул на ладонь и, не раздумывая, жирно замазал фамилию Трубачёва, потом оглянулся и бросился бежать.

«Вот Мазин обрадуется! Скажет: молодец ты, Петька! — ликовал он, расплёскивая себе на ноги воду и сгибаясь под тяжестью ведра. — И как это мне повезло так! Даже Грозный меня не видел».

По дороге он встретил Екатерину Алексеевну:

— Куда ты бегал? Уже в нашей колонке вода пошла. Иди скорей, поешь и в школу собирайся. Я сейчас приду.

«Пока она придёт, я ей полным-полно воды натаскаю. На три дня!»

Петя перелил воду в бак, схватил второе ведро и побежал к колонке.

* * *

Мазин взял книги, вышел во двор и тихонько свистнул. Никто не откликнулся.

«Ушёл без меня, видно! Не опоздать бы мне», — забеспокоился Мазин.

К забору подошла молодая женщина в меховой шубке и тёплом платке.

Мазин сорвал с головы шапку и широко раскрыл перед ней калитку. Он узнал Петину мачеху.

Глава 27

ПОДОЗРЕНИЕ

В коридоре около газеты толпились ребята. Через их головы испуганно выглядывали девочки.

— Кто же это? Кто же это? — слышались взволнованные голоса.

— Жирно замазал!

— Одну только фамилию!

— Специально!

— Ох, и попадёт за это!

— Одинцов, видел? Пропала твоя статья!

— Не нужно было писать её!

— Эх ты, испугался! «Не нужно писать»!

Одинцов молча кусал губы. Лида Зорина чёрными тревожными глазами обводила все лица:

— Неужели это кто-нибудь из нашего класса?

Синицына, расталкивая всех, вынырнула из кучи ребят:

— Ой, девочки! Когда же это он сделал?

— Кто «он»? — сердито прикрикнул на неё Одинцов. — Ты знаешь? Держи язык за зубами!

— Фу! Чтой-то мне держать язык за зубами! Это ты бы не расписывался в своей заметке. А то Трубачёв! Трубачёв! Трубачёв! — съязвила она. — Сам на своего товарища написал!

— Не твоё дело! Уходи отсюда!

— И пойду... Скоро звонок. Моё дело маленькое. Кто замазал, тот и отвечать будет. Не хотела бы я быть на его месте!

— А я не хотела бы быть на твоём месте, Синицына, — тихо сказала Валя Степанова, складывая под подбородком ладони и крепко зажмури-

вая веки. — Ни за что, ни за что не хотела бы я быть на твоём месте!

— Скажите, какая артистка нашлась! «Ни за что! Ни за что»! Почему это? — передразнила её Синицына.

— Потому что ты в классе как чужая, — твёрдо сказала Валя Степанова.

— «Чужая»... — протянула Синицына, глядя на неё злыми глазами. — А ты своя?

— Она своя! Она наша! — крикнула Надя Глушкова. — И потому ей всех жалко. А тебе никого не жалко.

— А кого мне жалеть? Вот ещё! Не надо было фамилию замазывать.

— Синицына, на кого ты думаешь, говори прямо! — подбежала к ней Зорина.

— На кого думаю? Это моё дело! — сказала Синицына, уходя в класс.

— Я знаю, про кого она говорит, — хмуро сказал Медведев, поглядев вслед Синицыной. — Ладно, Митя скорей нас разберётся! А я прямо скажу: довели человека до зла. Одинцов не имел права...

— Нет, имел!

— Если дружишь, так не подводи товарища, вот что!

— Одинцов звеньевой... да ещё редактор!

— А Трубачёв — председатель совета отряда!

— Ну, и пропал он теперь!

Девочки собрались в кучку и шопотом разговаривали между собой.

— Лучше прямо сказать, чем за глаза, — слышался взволнованный голос Лиды Зориной.

— Конечно, это обидно... Надо прямо спросить, — соглашалась с ней Степанова.

ДРУЖБА

— Нет, нет! Не надо! Лучше подождать. Он и сам сознается, если это он! — горячо возражали им девочки.

В коридоре показался Мазин.

Он замедлил шаг, нагнул шею, крепкой головой раздвинул ребят и уставился на газету. Потом поднял руку, почесал затылок, глубоко вобрал воздух, шумно выпустил его и, глядя себе под ноги, сказал:

— Эх, жизнь!

И тут только заметил Петю Русакова.

Петя стоял в сторонке и растерянно улыбался товарищу. Но Мазину было не до него.

— Ну как, Трубачёв пришёл? — шопотом спросил он.

— Нет ещё.

Мазин сел за свою парту.

«Если сейчас сказать про мел? Не поможет. Пропадёт заряд... Как же это он? Сгоряча, верно... Эх, ты!.. Что же теперь делать-то? Я же ему сказал: выручу, а он давай фамилию черкать. А теперь вовсе каюк будет...»

Мазин встал и, засунув руки в карманы, направился к Одинцову.

Коля Одинцов, окружённый кучкой ребят, горячо спорил с кем-то:

— А если товарищ мой человека убьёт — я тоже молчать должен?

На лбу у него выступили капли пота, лицо было серое, нос заострился.

Мазин взял его за локоть:

— Ты это ладно... потом объяснять будешь. А сейчас давай-ка... сними статью... Пусть Белкин заново перепишет.

Одинцов повернулся к Мазину.

— Ты это что, с ума сошёл? — заикаясь, спросил он.

— Нет ещё, не сошёл. Это ты... — Мазин с презрением посмотрел прямо в лицо Одинцову, но сдержался и только глухо сказал: — Давай Белкина!

— Мазин, ты что, ещё хуже хочешь сделать? — стискивая зубы, сказал Одинцов. — Всё обманом? А пионерская честь у тебя где?

— Эх ты, пионер! Пионер — это товарищ, а ты кто? — остро поблёскивая глазами, сказал Мазин.

В класс вбежал Саша. Он кого-то искал.

— Одинцов! Одинцов!

— Булгаков, видел? — подбежали к нему ребята.

— Видел... Где Одинцов?

— Саша! — Одинцов спрыгнул с парты и подошёл к товарищу.

Саша крепко сжал его руку:

— Там фамилия зачёркнута.

Одинцов усмехнулся.

— Ты думаешь, это он? — шопотом спросил Саша.

Одинцов кивнул головой.

— Что же будет, Коля? Ведь это же... совсем уже... — Саша запутался в словах. — Наверно, на сборе вопрос будет...

Саша умоляюще взглянул на Одинцова.

— Я не знаю, что делать, Саша... Понимаешь, он, верно, сгоряча, со зла, что ли, — с отчаянием сказал Одинцов. — Надо с Митей поговорить. Всё равно он узнает.

— И Сергей Николаевич узнает. Вся школа будет знать, — с испугом сказал Саша и вдруг

горячо зашептал: — Я с ним в ссоре, но это ничего не значит, я буду защищать его... Я скажу, что он хороший председатель, что ребята любят его. А ты, Одинцов?

— Я тоже, конечно! Надо просить, чтобы ему только предупреждение сделали в случае чего, понимаешь?

У Саши покраснели веки:

— Ему это ужасно... Он гордый очень.

В класс вошёл Сева Малютин. В синей курточке с тугим воротником он казался очень тоненьким и бледным. На щёки его не то от длинных чёрных ресниц, не то от больших синих глаз ложилась голубоватая тень. Он оглянулся на чей-то голос и громко сказал:

— Это неправда! Он сам скажет всем, что это неправда! — Сева тяжело дышал, но голос у него был сильный и звонкий.

На минуту в классе всё стихло.

— Ручаешься? — спросил чей-то насмешливый голос.

— Ручаюсь!

Надя Глушкова подбежала к Севе:

— Малютин, не спорь! Тебе нельзя...

Петя Русаков втянул голову в плечи и боком подошёл к Мазину:

— Коля, мне нужно тебе сказать что-то...

Мазин даже не взглянул на него:

— Сядь на место, не до тебя мне!

Петя замолчал и тихонько сел на место.

«Сказать или не сказать Мазину? Ведь я же лучше хотел сделать! Я же не знал, что так выйдет, — тоскливо думал он, искоса поглядывая на Мазина. — Пусть лучше он меня по шее стукнет!»

Он снова близко придвинулся к другу:

— Мазин, слушай...

— Ты что лезешь ко мне? У меня и так в голове всё вверх тормашками! — повернулся к нему Мазин. Лицо у него было красное, сердитое.

«Потом скажу, — решил Петя. — Сейчас он, верно, придумывает что-то».

Мазин не придумывал, он думал:

«Дело пойдёт дальше... вопрос поставят на сборе. Тогда я и про мел скажу. Честно. Из-за чего дело вышло».

В классе было очень шумно. Ребята кричали, спорили, нападали на Севу.

— Нам его не меньше твоего жаль! — кричал Медведев. — Но раз это он сделал, нечего на других тень наводить.

Лицо Севы вспыхивало от волнения, он часто кусал сухие губы:

— А я говорю, что это не он! Трубачёв этого сделать не мог! Он не трус! И это сделал не он!

— А кто же — ты? — крикнул кто-то из ребят и осекся.

Васёк Трубачёв остановился на пороге, откинул со лба волосы и встретился глазами со всем классом.

Стало очень тихо.

Васёк посмотрел на Мазина: «Выручил, нечего сказать!» Он сел за свою парту и снова посмотрел на лица ребят.

«Ещё подумают, что это я сделал!»

Никто не говорил ни слова, никто не смотрел в его сторону. Молчание было так тягостно и напряжённо, что Лида Зорина не выдержала. Она поднялась с места и громко сказала:

— Трубачёв! Мы хотим тебя спросить всем классом: кто зачеркнул твою фамилию в газете?

Мазин сделал Ваську предупреждающий знак бровями. Он хотел сказать: «Подожди сознаваться! Может, я ещё что-нибудь придумаю».

Но Трубачёв понял этот знак по-своему. Он вспомнил, как Мазин ждал его вечером у крыльца, какое было у него виноватое и трогательное лицо, и решительно ответил:

— Я не знаю, кто это сделал!

И вдруг ясно понял, что именно его, Васька Трубачёва, подозревает весь класс в этом трусливом поступке. Он вспыхнул от новой неожиданной обиды, вскипел от злобы, но... посмотрел на Мазина и опустил глаза.

— Он! — тихо и отчётливо сказал кто-то на задней парте.

Звонок заглушил эти слова, но Васёк слышал их, и когда Сергей Николаевич вошёл в класс, он даже не поднял головы.

— Я знаю, что у вас большая неприятность,— сказал Сергей Николаевич, избегая смотреть на Трубачёва. — Но сейчас мы её обсуждать не будем. Такие вещи разбираются на пионерском сборе организованно, по-товарищески, сообща... А пока успокойтесь, и будем заниматься.

Он начал вызывать к доске.

В число вызванных попал Петя Русаков. Он ничего не боялся и даже был рад, что Сергей Николаевич вызвал его, так как считал, что хуже случившегося ничего уже не может быть. Кроме того, занятия в землянке действительно укрепили его знания, и Русаков отвечал спокойно и уверенно. Сергей Николаевич остался доволен им.

Петя сел на своё место и толкнул локтем Ма-

зина, ища его улыбки и одобрения. Но Мазин только с досадой пробурчал себе под нос:

— Давно бы так!

Он был занят Трубачёвым. Васёк несколько раз поймал на себе его внимательный взгляд и горько подумал:

«Боится, что я его выдам... Эх, Мазин!»

Он хорошо понимал, что оправдаться, не выдав Мазина, ему невозможно, но о том, чтобы выдать товарища, совершившего этот поступок ради него, не могло быть и речи. И с каждой минутой камень на душе Трубачёва становился всё тяжелее.

Васёк сидел тихо, не поднимая головы. Он знал, что все, не исключая Сергея Николаевича, думают, что это он, председатель совета отряда, Васёк Трубачёв, зачеркнул из трусости свою фамилию в газете.

На перемене он ждал вопросов, шума, крика. Но один только Мазин подошёл к нему и тихо, с сожалением сказал:

— Эх, сгоряча! Зря это...

Васёк улыбнулся жалкой, растерянной улыбкой:

— Не бойся, Мазин...

После второго урока он потихоньку собрал свои книжки и ушёл из школы.

А в классе после его ухода стало тихо и тревожно, как в семье, когда кто-нибудь близкий внезапно тяжело заболел. У всех был один вопрос: что делать? И все чувствовали себя в чём-то виноватыми.

Уроки кончились. Школа быстро пустела.

Слышно было, как по коридорам с шумом

пробегали ребята, хлопали двери, затихали голоса. Из четвёртого «Б» расходились медленно и неохотно. Дольше всех оставались девочки. Окружив Лиду Зорину и Валю Степанову, они высказывали свои догадки и предположения, то осуждая Васька, то сочувствуя ему.

— Ой, девочки! Как ему теперь быть? — спрашивала всех Надя Глушкова.

— Он хотя бы нам-то сознался! Хотя бы нам-то! — кричала в ухо Зориной девочка с толстым вязаным шарфом на шее.

— И куда он пошёл? Вот так взял и пошёл, — жалобно повторяла толстушка с красными щеками, затягивая ремни на книжках. — Мы бы тут что-нибудь придумали все вместе...

— Уж вы бы придумали! — передразнила её Синицына. — Он только в класс вошёл, как на него все глаза вылупили, как на зверя какого!

— Ничего не вылупили, а только смотрели!

— Вы всегда так! Нападёте на человека... На меня тоже сколько раз нападали!

— Нашла с кем себя сравнивать! С Трубачёвым! — возмутились девочки.

— Перестаньте! — остановила их Валя Степанова. — Мы с Лидой решили пойти к Мите.

— К Мите? Он уже ушёл!

— Пойдёмте тогда к нему домой!

— Верно! Правильно! Пойдёмте все!

Девочки гурьбой вышли из школы.

— Только вы не заходите, постойте во дворе, а то нас много, — предупредила Лида.

Митя жил далеко. Было сыро и холодно. В мокрых варежках зябли руки. Резкий ветер трепал платки и шапки, забирался под воротники.

Быстро наступали сумерки. Разговор стано-

вился тише. На одной из улиц несколько девочек повернули к себе домой.

— Всё равно всем нельзя войти... А на дворе стоять холодно...

— Я боюсь, меня мама заругает!

— А я, девочки, очень кушать хочу! — созналась толстушка.

— Идите, — отпустила их Лида.

Надя Глушкова долго не решалась уйти и, уткнув в муфту красный, замёрзший нос, плелась рядом.

— Иди домой, Надя, — говорила ей Степанова. — Ты совсем замёрзла.

— А вы как же?

Она долго смотрела им вслед.

Нюра Синицына шла до самого дома Мити.

— Нюра, ты не ходи! — строго сказала ей Лида.

Синицына осталась ждать во дворе. Засунув в рукава пальто красные пальцы и постукивая замёрзшими ногами, она вытягивала шею, заглядывала в освещённое окно Митиной комнаты и прохаживалась мимо крыльца.

Митина мама, невысокая женщина, открыла девочкам дверь:

— Нету, нету Мити! Вон товарищи у него сидят. Они, небось, знают... Где у вас, ребята, Митя-то? Девочки спрашивают.

За столом два Митиных товарища играли в шахматы.

— Он в клубе. А чего надо-то? — лениво пробасил один. — Мы сейчас туда пойдём, можно передать.

— А в чём дело, девочки? — весело спросил другой, отодвигая шахматы.

— Мы из школы. Митя наш вожатый... — смущённо начала Лида.

— А, из школы! Ну, говорите!

Девочки замялись:

— Нам с Митей нужно...

— Да постойте! Сядьте-ка!

Товарищи придвинули девочкам стулья. Лида и Валя присели вместе на один стул.

— Может, у вас случилось что? Набедокурил кто-нибудь? Говорите начистоту! Ну, кто посмелее?

— Мы не боимся... — начала Валя.

Лида поспешно перебила её:

— Ничего у нас не случилось! И никто не бедокурил! Ничего подобного! — Лида дёргала тесёмки меховой шапки и глядела прямо в глаза.— У нас вообще... Вот пусть Валя скажет...

Валя встала:

— Наша школа краснознамённая... (Товарищи незаметно толкнули друг друга.) А к Мите мы по одному делу... Пойдём, Лида! До свиданья!

Она потянула за собой подругу.

— Ах, ах, в эдакую погоду... — закрывая за ними дверь, сокрушалась Митина мама.

Девочки вышли на крыльцо.

— Я так боялась, что ты скажешь, — зашептала Лида.

— Ну что ты! Про свой класс?!. Мити нет, — сказала Валя Синицыной.

— Куда же теперь?

Девочки стояли на улице. В домах уже зажглись огни.

— Если нам прямо к Трубачёву пойти? — предложила Валя.

— Нет! Там у него тётя... она ничего не знает, — протянула Лида.

— Домой к Трубачёву? — Синицына замахала руками. — Вы с ума сошли! Да он нас выгонит! Он злой сейчас!

— «Злой, злой»! — с раздражением оборвала её Лида. — Ты всегда о людях плохое говоришь! Ты сама злая!

— Почему... я злая? — растерялась Синицына. — Я ведь как лучше хочу. Я ведь... — Она запнулась и вдруг со слезами закричала: — Вы всегда на меня нападаете! Я у вас и злая и чужая! Ну и не надо! Идите сами, когда так!

Она повернулась и быстро побежала по улице.

— Ну и лучше, — неуверенно сказала Лида.

Валя молчала.

— Она всегда так закричит, закричит, как будто её обидели...

Валя с укором взглянула на подругу:

— Она заплакала...

— Ну, заплакала... А так тоже нельзя — всё ей прощать да прощать!

— Пойдём в школу, спросим: был Митя? — сворачивая за угол, сказала Степанова.

— Подожди... — Лида остановилась и, прикрыв от ветра глаза, оглянулась. — Может, ещё догонит?

— Синицына? Нет! Пойдём скорее! У нас в детском доме сейчас ужин, наверно. Тётя Аня будет беспокоиться.

В школе Грозный встретил девочек неприветливо:

— Вы по какому такому расписанию являетесь?

— Иван Васильевич, Митя был?

— Был! Был! Отправляйтесь по домам!

Прощаясь, Валя сказала подруге:

— Знаешь, не говори больше Нюре, что она злая. И я не буду.

На крыльце Лиду встретила мама. Она была в пальто и тёплом платке.

— Ну, Лида, можно ли так делать? Я уж не знала, куда бежать.

— Ой, мамочка, сколько всего наслучалось в этот день! — прижимаясь к тёплому маминому платку, тихо сказала Лида.

А в большой спальне детского дома на кровати сидела Валя и, опираясь локтем на подушку, шопотом рассказывала что-то своей воспитательнице.

— Постой, постой! Кто этот Трубачёв и какая Синицына? — переспрашивала тётя Аня.

Глава 28

МАЧЕХА

Петя Русаков избегал Мазина. Он не мог ни на что решиться. Он знал, что товарищу сейчас не до него, что он занят одной мыслью: как выручить Трубачёва.

«И что ему Трубачёв?» — ревниво думал Петя, но его самого грызло сознание своей вины перед Трубачёвым.

После школы, когда они шли вместе, Мазин, что-то уточняя про себя, сказал загадочные слова:

— ...Сначала дурак, а потом трус...

Петя испугался и даже не стал спрашивать, что это значит, и успокоился только тогда, когда после долгого молчания Мазин добавил:

— Не похоже на Трубачёва.

Значит, он думал не о Пете.

Дома Екатерина Алексеевна была одна.

— Давай скорей обедать, Петя. Я ужасно хочу есть, еле дождалась тебя!

— А вы бы обедали без меня.

— Я не люблю одна. Мой скорей руки и садись!

— А папа поздно придёт? — чтобы выказать ей внимание, спросил Петя.

— Папа сейчас большую партию обуви сдаёт... спешил, нервничал утром, — озабоченно сказала Екатерина Алексеевна, наливая Пете суп. — Он ведь хочет везде первым быть, наш папа!

— А я сегодня хорошо по русскому ответил, — ни с того ни с сего сказал Петя.

— Да что ты! Вот порадуем отца, а то он всё беспокоится... А по какому предмету у тебя «плохо»? Ты мне покажи — можно разделить на небольшие кусочки и подогнать понемножку, — просто сказала Екатерина Алексеевна.

Голос у неё был спокойный, серые глаза смотрели на Петю дружески-ласково. Петя понял, что она совсем не собирается говорить ему надоедливые и неприятные слова: лентяй, лодырь, неблагодарный... Он стал рассказывать, принёс учебники. Про арифметику он сказал с гордостью:

— Это у меня хорошо. Я задачи любые решаю.

— А я, помню, как мучилась с ними, — за-

смеялась Екатерина Алексеевна. — Прямо плакала иногда!

Она стала рассказывать о школе, в которой училась, вспоминала разные случаи. И Петя вдруг увидел, что она ещё совсем не старая. Ему даже стало смешно, что она называется мачехой и что он мог её бояться.

После обеда они вдвоём мыли посуду.

— Это твой товарищ, толстячок такой? — спросила Екатерина Алексеевна. — Я его во дворе видела. Хороший мальчик, приветливый такой, вежливый!

Петя удивился. Никто ещё никогда не говорил так о его друге.

— Это Мазин! — гордо сказал он. — Я его позову как-нибудь, можно?

— Конечно. Комната большая, можете и почитать и позаниматься тут. И мне веселее будет.

— Может, сейчас его позвать? — обрадовался Петя.

— Когда хочешь! — расставляя в шкафу посуду, отозвалась мачеха.

Петя вышел во двор. По старой привычке, он сейчас же, немедленно передал бы Мазину весь этот разговор, но теперь у него на душе скребли кошки.

«Надо мне всё обдумать самому, как быть. Если сознаваться то сейчас, сию минуту... Хотя теперь уже всё равно поздно.. Надо было в школе...»

Петя не пошёл мимо окон Мазина, он обогнул сарай и вышел на улицу с другой стороны двора, через старую калитку. Вдоль улицы бежал широкий мутный ручей. Петя вытащил из кармана об-

рывок бумаги, навертел его на щепку, пустил по ручью и пошёл за ним. Мысли у Пети были невесёлые.

«Если сказать Мазину — он скажет Трубачёву. А может, даже заставит сознаться перед всеми. Да ещё трусом назовёт и презирать меня будет. А на сборе, когда все узнают, скажут: чего молчал? И начнут прорабатывать... А там ещё отца в школу вызовут... и отец...»

Петя похолодел. Щепка с размокшей бумагой давно уплыла с мутной, серой водой.

«Если бы отец выпорол где-нибудь... не дома, чтобы она не знала...»

Петя вспомнил ясные серые глаза Екатерины Алексеевны, их сегодняшний разговор об уроках, о Мазине.

Он вдруг представил себе, как она надевает свою шубку, повязывает пушистый платок и, не оглядываясь, бежит к двери.

И он, Петя, опять остаётся один на всю жизнь...

— Ты что в самую лужу залез? Вот мать тебе покажет за это! — проходя мимо, сказала какая-то женщина.

Петя пошёл домой.

— Постой, у тебя в калошах вода хлюпает. Сними их в кухне. И ботинки сними, — сказала мачеха. — Да где ты болтался? На, мои шлёпанцы надень! — Она бросила ему войлочные туфли и строго сказала: — Это не дело, Петя! Так насмерть простудиться можно!

— А кому я нужен? — улыбнулся Петя.

— Такой глупый никому не нужен, — сказала Екатерина Алексеевна, присаживаясь с ним рядом и стаскивая с его ноги мокрый чулок. —

А вообще никогда не смей так говорить! Не обижай папу и меня.

— Я не буду! — сказал Петя и тут же решил никогда, ни за что не сознаваться в своём поступке. Что бы ни было!

Глава 29

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

На тихой улице в маленьком домике с тремя окошками всегда далеко за полночь светился огонь. Люди, идущие на ночную смену, привыкли к этому огоньку, как привыкают к обычному уличному освещению. А когда огонь погасал, какая-нибудь соседка, зевая, говорила:

— Учитель свет погасил. Видно, дело к рассвету.

Сергей Николаевич сидел за своим письменным столом. На столе в простой рамке стоял портрет Сталина. Сбоку лежала горка журналов, под тяжестью книг сгибались полки, из портфеля выглядывала стопка тетрадей.

Толстая книга с несколькими закладками лежала перед Сергеем Николаевичем. Он медленно перелистывал её, отмечая карандашом какие-то строчки, и, положив подбородок на скрещённые пальцы, думал.

Учитель учился.

Рядом, в маленькой комнатке, спал его старик-отец. Седая голова его покоилась в тёплой ямке подушки, одеяло со всех сторон было заботливо подвёрнуто.

Было часов одиннадцать. Под окнами ещё слышались шаги прохожих и обрывки фраз, ко-

гда Сергей Николаевич сел за свой письменный стол.

Он перевернул несколько страниц книги своего любимого педагога Ушинского, отложил книгу в сторону и долго сидел задумавшись.

«Готовых рецептов, видно, нет. В каждом отдельном случае свои причины и вытекающие из них действия... Правильное решение зависит от правильного понимания ребёнка...»

Думая так, Сергей Николаевич машинально ставил на листе бумаги какие-то чёрточки, потом так же машинально написал три фамилии: Трубачёв, Одинцов, Булгаков. Осторожно соединил их стрелками, потом зачеркнул Трубачёва и поставил его отдельно. И, откинувшись в кресло, устало моргая и морща лоб, он стал решать про себя какую-то трудную задачу. Ответ на неё напрашивался простой: рассердился на статью и зачеркнул свою фамилию. Но этот ответ не удовлетворял учителя. Подавленный вид Трубачёва тоже ни в чём не убеждал его.

— Нет, это не так просто... не так просто, — тихо говорил он себе, вспоминая Трубачёва другим, с открытыми, смелыми глазами, с горячим, огненным чубом на загорелом лбу. Сергей Николаевич ловил себя на особой симпатии к этому ученику. — Может, я невольно пытаюсь оправдать его, потому что он мне симпатичен больше других?

Лицо его стало строгим. Во всяком случае, мальчишке не хватает дисциплины. Ушёл из класса, ушёл с редколлегии.

Учитель нахмурился и протянул руку к стопке тетрадей. На одной из них было старательно выведено: «В. Трубачёв». Тем же почерком чисто и

старательно написаны целые страницы. Сергей Николаевич улыбнулся. Ему почему-то представилось, что когда Трубачёв пишет, то обязательно высовывает кончик языка и болтает под столом ногой. И всё же отличник... Самолюбивый. Умеет заставить себя заниматься. Пользуется авторитетом в классе. Выбран председателем совета отряда...

Мысли учителя снова возвращались к классной газете и зачёркнутой фамилии.

«Может, именно поэтому и сорвался, что самолюбив и горд? А может, это сделал кто-нибудь другой, например Одинцов, не выдержавший роли беспристрастного редактора?..»

Сергей Николаевич вспомнил Одинцова. Нет, бледный и расстроенный Одинцов не считал себя виноватым. В нём чувствовалось сознание своей правоты, несмотря ни на что... Булгаков?

Учитель тепло улыбнулся:

«Этот весь — раскрытая книга. Простая, искренняя душа. Всё написано на его доброй, круглой физиономии...»

В соседней комнате тихо и уютно тикали ходики. Они почему-то напоминали домовитого сверчка под тёплой печкой...

Сергей Николаевич прислушался к дыханию отца.

«Надо бы чаще гулять ему, — озабоченно подумал он. — Если бы мне выкроить время как-нибудь после уроков и куда-нибудь пойти с ним...»

Он вынул из кармана записную книжечку... Родительское собрание... Педсовет... Методическое совещание... Партийное собрание. Скоро учительская конференция.

Он закрыл книжечку и глубоко вздохнул:

«Нет, гулять не придётся. А эти дни вообще все заняты... Прежде всего трубачёвскую историю надо распутать».

В окошко кто-то осторожно постучал. Сергей Николаевич увидел приплюснутый к стеклу нос и молодое, безусое лицо.

Он помахал рукой и пошёл к двери.

— Вы извините, Сергей Николаевич! Уже поздно, но такой случай... Я думаю, посоветоваться надо.

— Хорошо, Митя. Я ждал вас. Завтра сбор вы назначили?

— Ясно! — Митя пожал плечами. — Вот экая ерунда получается! Просто безобразие! Может, я сам виноват, Сергей Николаевич. Выдвинули мы такого неустойчивого парнишку, сделали его председателем совета отряда, а он чорт знает что делает! — запальчиво сказал Митя, с шумом придвигая к столу табурет.

Сергей Николаевич показал на приоткрытую дверь в соседнюю комнату:

— Там у меня старик спит.

— Ой, простите! — шопотом сказал Митя. — Но я просто готов хоть сейчас бежать к этому Трубачёву!

Учитель улыбнулся:

— Подождите! Не принимайте скороспелых решений. Прежде всего нужно всё хорошенько обдумать.

Митя поднял брови и виновато улыбнулся:

— Это точно. Но тут случай такой, что просто голова кру́гом идёт. На каждом сборе про эту дисциплину долбишь, долбишь... — Он махнул рукой и отвернулся. Потом вытащил клетчатый

платок, шумно высморкался и с испугом покосился на дверь: — Ой, извините! Опять забыл...

— Постараемся разобраться вместе. Случай этот, может быть, очень простой, а может быть, и очень сложный... Его интересно обсудить на сборе. Если вы хотите, чтобы ребята что-нибудь прочно усвоили... здесь и дисциплина и всякие другие насущные вопросы... только не долбить!— Сергей Николаевич ближе придвинулся к Мите. — Только через подобные случаи, через опыт их собственной жизни, на ошибках, на хороших примерах... Вспомните себя, Митя. Поставьте себя на место Трубачёва, Одинцова и других. — Сергей Николаевич взял Митю за руку. — Вожатый — это самый близкий товарищ.

— Сергей Николаевич! Я, вы знаете, всё готов... Но эта история... — Митя развёл руками.

Учитель перебил его:

— Подождите. Всяко бывает. Давайте-ка обсудим эту историю спокойно. У меня есть свои предположения...

Сергей Николаевич говорил, Митя слушал...

Далеко за полночь не гас в окошке учителя привычный огонёк, освещая ровным, тёплым светом тихую улицу.

Глава 30

ОДИНОЧЕСТВО

Тётка беспокоилась. Выдерживая характер, она редко заговаривала с Васьком, зато часто жаловалась Тане:

— И что это Павел Васильевич не едет? А тут мальчишка чудить начал. И мне грубостей

наговорил, и сам как побитый ходит... То ли возраст у него ломается, то ли обижает его кто, только и с лица и с изнанки совсем не тот парень стал. А приедет отец — с меня спрашивать будет.

— Обязательно спросит, — качала головой Таня.

— Да что же, я за ним плохо смотрю, что ли?

Таня набралась храбрости:

— Плохо не плохо, да всё сердитесь на него, а он на ласке вырос.

— «На ласке вырос»! То-то и смотрит волком на всех... «Плохо не плохо»! Ишь, яйца курицу учат! — сердилась тётка.

Но, учитывая про себя Танины слова и вглядываясь в потемневшее, осунувшееся лицо племянника, она решила изменить свою тактику и пойти на мировую.

* * *

Васёк бродил по городу, не зная, куда себя деть. Ему казалось, что все, взрослые и дети, смотрят на него и удивляются, почему он не в школе. Вот-вот кто-нибудь спросит.

Васёк прятал подмышку сумку и старался держаться отдалённых улиц. Он чувствовал себя пропащим, конченным человеком и с горечью думал об отце: «Знал бы он всё — не сидел бы там...»

Положение, в которое попал Васёк, казалось ему безвыходным. Единственно, что могло бы оправдать его, — это полное признание Мазина.

«А Мазин сам меня боится, — думал Васёк. — Он не знает, что я скорей умру, чем выдам его».

Народу на улице было мало. Первая смена рабочих ещё не кончила работу, все ребята сидели в школах, одни домашние хозяйки, громко переговариваясь между собой, расходились с рынка.

По дороге рядом с санями, нагруженными кирпичом, лениво потряхивая вожжами, шагали возчики в серых фартуках поверх тёплых стёганок. Лошади, упираясь на передние ноги, вытягивали задние и, тяжело дыша, останавливались. Над боками у них поднимался тёплый пар. Возчики забегали вперёд, кричали, хлестали лошадей вожжами. Дорога была немощёная, талый снег густо смешивался с грязью, полозья попадали в глубокие колеи или, поскрипывая, ползли по голой земле.

Одни сани застряли, очевидно, давно. Лошадь была вся в пене и не двигалась с места. Она вздрагивала под ударами и бессильно вскидывала морду с падающей на глаза чёлкой. На санях, покрытых брезентом, высилась целая гора аккуратно сложенных кирпичей.

— Ишь, наложили! Чтобы скорей свезти да отделаться! Бессовестные этакие! — сказала, проходя мимо, старушка.

Васёк остановился и с жалостью смотрел на выбившееся из сил животное.

— Дяденька, помоги ей, подтолкни сзади! — крикнул он возчику.

— Сама потянет, — откликнулся возчик, прикуривая у товарищей папироску.

Васёк подошёл ближе.

— Тогда не бейте! — попросил он.

Возчик затянулся дымом, сплюнул в сторону и взмахнул вожжами:

— Нно! Отдохнула! Нно, дьявол тебя возьми!

Лошадь напрягла мускулы. Под мокрой шкурой у неё пробежала дрожь. Она дёрнулась и остановилась. Возчик забежал вперёд и с размаху ударил её по морде.

— Брось! — подскочил к нему Васёк и, подняв сумку, загородил от ударов морду лошади. — Не смеешь так бить! Я милицию позову!

— Пошёл, пошёл отсюда, а то и тебе попадёт! — пригрозил возчик. — Не мешайся тут!

— Не уйду! По глазам бьёте! — загораживая собой лошадь, кричал Васёк.

— Защитник нашёлся! Тебя самого представить в милицию надо!

— Ты кто такой есть? Почему не в своё дело лезешь? — подошёл к Ваську рослый парень, товарищ возчика.

— Я в своё дело лезу! — сказал Васёк, закидывая вверх голову. Шапка его съехала на затылок, глаза посинели от злобы. — Я пионер! Председатель совета отряда! Наша лошадь, государственная! Бить не дам!

— Ого! Ишь ты! Председатель! Слыхал, Вань? — подмигнул своему товарищу возчик.

По обеим сторонам улицы останавливался народ, сбегались мальчишки. Подходили мужчины. Возчики сбавили тон:

— Ну что ж, Вань, может отложить кирпичу маленько?

— А где ты его отложишь?

— Да вот около дома. А тогда заедем, возьмём, — предложил товарищ возчика.

— А какое вы имели право такой груз класть на одни сани? — строго спросил подошедший гражданин, вынимая из портфеля бумагу и са-

мопишущую ручку. — Вот мы сейчас на вас акт составим. Лошади эти мне известны, возчиков я запишу. Там, где надо, вас научат, как такой груз накладывать да ещё по глазам лошадь хлестать.

Он написал несколько строчек.

— Кто подтвердит, граждане?

Охотников подписать нашлось много. Васёк тоже протянул руку. Он хотел подписать: «Трубачёв, председатель совета отряда», но вдруг раздумал и тихо отошёл в сторону. Ему показалось, что с тех пор, как он ушёл из школы, прошло очень много времени, что за это время в школе уже решилась его судьба и что он теперь уже, наверно, не председатель совета отряда, а просто школьник, осрамивший свой класс грубым и недостойным поведением.

А Мазин? Что же Мазин? Как же он молчал?.. Как он допустил это? Ведь Мазин поступил с ним ещё хуже, чем Одинцов. Зачем же тогда, вечером, он пришёл к нему как товарищ, как друг? Разве он не пионер? Разве не дорожит своей честью?

Васёк почему-то вспомнил, как в прошлом году он с отцом ездил в Москву. Они долго стояли на Красной площади и смотрели на Кремль. Васёк был совсем маленький рядом с отцом, но ему казалось, что оттуда, из Кремля, его видит сам Сталин. И Васёк стоял с красным галстуком на шее, как стоит на посту часовой. Он боялся пошевелиться, и никто тогда не мог бы убедить его, что Сталин не смотрит на площадь и не видит пионера Васька Трубачёва.

А сейчас... Если бы Сталин видел сейчас Васька Трубачёва, он бы сразу догадался, что

Васёк не виноват, что он не зачёркивал фамилии в классной газете.

А если все другие могут так думать про него — то пусть! Васёк Трубачёв ещё покажет себя! И товарища он себе найдёт! И оба они будут сражаться за Родину и вместе победят или вместе умрут на поле битвы, и тогда все ребята узнают, что такое настоящая дружба!

Васёк не заметил, как миновал несколько улиц и очутился у своего дома. Тётка увидела, что глаза у Васька блестят, и подумала про себя: «Прежний задор появился. Уж не знаю, что хуже, что лучше».

За обедом она торжественно сказала:

— Геройская картина идёт, сходим с тобой под вечер.

Но Васёк вдруг поскучнел и тихо сказал:

— Спасибо, тётя, только у меня голова болит.

«Не хватало ещё, чтоб меня в кино видели!» — с испугом подумал он.

— Ну, голова твоя пройдёт, — успокаивала тётка.

— Не пройдёт!

— Как так не пройдёт?

— А так, не пройдёт — и всё, — упрямо сказал Васёк и, не глядя на тётку, снял с вешалки отцовский пиджак и, бросившись на кровать, укрылся им с головой.

— Ну, коли так, завтра пойдём, — добродушно сказала тётка.

Васёк не ответил. Он и сам не знал, что будет с ним сегодня... завтра... И только отцовский пиджак со знакомым запахом паровозной гари и табака успокаивал его сердце.

* * *

Васёк не пошёл в школу и на другой день. Митя приходил в класс, о чём-то говорил с учителем. Ребята волновались:

— Митя, а как же сбор? Ведь сегодня сбор, а Трубачёва нет.

Сбор был назначен на шесть часов вечера.

После уроков Сергей Николаевич вызвал в учительскую Одинцова и Булгакова.

— Вот что, ребята! — сказал он, перебирая на столе какие-то бумаги. — Сегодня, часиков в пять, зайдёте за Трубачёвым...

— Я не пойду, — быстро сказал Саша.

— Зайдёте за Трубачёвым, — как бы не расслышав Сашиных слов, продолжал Сергей Николаевич, — и скажете ему, что сегодня сбор... и что я тоже к нему зайду перед сбором. Понятно?

— Понятно, — пробормотал Одинцов.

Саша молчал.

— Да прихватите с собой Лиду Зорину. И никаких лишних объяснений... Одинцов, полагаюсь на тебя, — быстро сказал учитель, когда Саша вышел.

— Есть никаких объяснений! — ответил Одинцов.

Он не понимал, зачем понадобилось Сергею Николаевичу послать их к Трубачёву. Его взволновало и то, что учитель сам придёт к Трубачёву.

Выйдя из учительской, он догнал Сашу. Лицо Саши выражало протест и упрямство.

— Так я и пошёл! Лучше и не просил бы.

— А он и не просил, — оглядываясь на учительскую, ответил Одинцов. — Он приказал.

— Мне приказать может только Митя, как пионеру, — громко сказал Саша.

— Тише... Ты что? Он же учитель, он тоже имеет право...

Саша смолк.

Одинцов пошёл договариваться с Зориной.

— И никаких объяснений там. Понятно, Зорина? Полагаюсь на тебя.

Лида Зорина кивнула головой. Она тоже была озадачена поручением учителя.

— Он, верно, хочет, чтобы вы все помирились? — шопотом спросила она.

— Не знаю. Я не ссорился. Одним словом, пообедай и приходи в школу. За Сашей я сам зайду, и вместе пойдём!

Глава 31

ГОСТИ

День у Васька был мучительный, не похожий ни на один прежний будний день. Он валялся на кровати до десяти часов. На все вопросы тётки кратко отвечал:

— Сегодня нет занятий.

— Да почему же это нет занятий? — удивлялась тётка. — Все ребята в школу бегут!

— А нас отпустили.

— Чудно! А с чего же это ты в постели валяешься? — снова подступила тётка к племяннику. — Заболел, что ли?

— Да нет...

— И в кино не пойдёшь?

— Не пойду.

Тётка обиделась и говорила Тане в кухне так, чтобы слышал Васёк:

— Всё капризы какие-то у него являются. А в кино мы и сами пойдём. Уж очень, говорят, картина геройская идёт!

Васёк слышал и молчал. Ему было не до кино. Его мучила мысль о школе:

«Что-то там теперь делается?»

После обеда тётка решительно подошла к Ваську, потрогала его лоб, заставила смерить температуру. Всё было нормально.

— Здоров, — снимая с носа очки, объявила вслух тётка. — Просто своё «я» показываешь! Ну и сиди один!.. Таня, пойдём!

— Ещё рано, Евдокия Васильевна, — нехотя сказала Таня.

Её не на шутку беспокоил Васёк, но она побаивалась тётки и не решалась при ней заговорить с Васьком.

«Ты мне всё воспитание сбиваешь», — уже однажды упрекнула её Евдокия Васильевна.

— Пойдём! Пойдём! — поджимая губы и туго закручивая на затылке узел, торопила тётка.— Мороженого покушаем, получше места займём!

— Да места всё равно согласно взятым билетам, — со вздохом сказала Таня, надевая пальто.

Когда они вышли, Васёк подошёл к окну и стал смотреть на улицу. По улице шли школьники и школьницы.

«Из школы идут! Поздно. Наверно, совет отряда был у них, — подумал Васёк. — У нас тоже часто бывал совет отряда... я сам объявлял ребятам об этом!»

Васёк прислонился лбом к холодному стеклу. Потом быстро отодвинулся. На улице стояли три знакомые фигуры. Одна из них отделилась и быстро ушла: Васёк узнал Булгакова.

«Зачем он приходил?»

На лестнице послышались шаги и голос Лиды Зориной:

— Здесь даже дверь не заперта... Трубачёв, ты дома?

Из-за плеча Зориной выглядывал Одинцов.

— Я дома, — сказал Васёк, вопросительно глядя на обоих. — Идите в комнату.

— Здоро́во! — развязно сказал Одинцов и тут же смутился.

— Здравствуй! Мы пришли узнать, как твоё здоровье, — поспешила на выручку Лида и вдруг заметила измятые подушки и свисающую с кровати куртку.

— Ой, какой беспорядок! Это убрать надо! Сейчас Сергей Николаевич придёт.

— Сергей Николаевич? — Васёк сдвинул брови и посмотрел на Одинцова. — Зачем?

Одинцов пожал плечами:

— Не знаю.

— Нет, знаешь. И говори. А то опять... сам пришёл, а сам...

— Честное пионерское... — торжественно начал Одинцов.

Но Лида решительно перебила его:

— Никаких объяснений! Сказал — приду! И всё. Понимаешь? А у тебя беспорядок, на полу обрезки какие-то. Давай щётку!.. Одинцов, раздевайся.

Лида сняла шубку и платок:

— Васёк, на́, повесь! И не стой с раскрытым ртом. Смотрите, что кругом делается!

В комнате действительно был беспорядок. С утра тётка ходила расстроенная и в первый раз оставила комнату неубранной. На стуле было

брошено её шитьё, на письменном столе Васька валялись какие-то инструменты.

— Скорей, скорей! Ужас, что делается! — заткнув за пояс полотенце, говорила Лида. — Одинцов, собирай в ящик инструменты! Васёк, прибери стол! Он же первым долгом на твой стол посмотрит!

Мальчики, не рассуждая, принялись за работу. Поправляя постель и взбивая подушки, Лида говорила:

— Надо, чтобы всё прилично было!

Васёк прибрал свой стол. Одинцов сгрёб со стула ворох материи:

— А это куда?

— Это тёткино! — испугался Васёк. — Не тронь, а то спутаешь ей всё, она сердиться будет!

— Подожди! — Лида накрыла всё газетой.— Нехорошо, но уж раз тёткино...

— Мы за тётку не отвечаем, — решили ребята. — Надо только просто так сказать, что это её.

На обеденном столе на чистой скатерти стояла плетёная сухарница.

— Сюда бы хорошо такую салфеточку... — сказала Лида.

Васёк пошарил в комоде и вытащил что-то белое, с кружевами.

— Можно этим, — сказал он.

— Это ж косынка! — возмутилась Лида.

Васёк полез в буфет.

— Вот! — с торжеством сказал он, вынимая оттуда вышитую салфеточку.

— Теперь хорошо! Совсем другое дело! — отходя от стола и склонив голову набок, радовалась Лида. И вдруг всплеснула руками: — А что, если учитель захочет... чаю?

Мальчики оторопели.

— Ну, как это захочет... — протянул Одинцов, глядя на Васька.

Тот пожал плечами:

— Я думаю — нет. Он дома напьётся.

— А я вам говорю, может и тут захотеть. Он же в гости придёт. Вот возьмёт да и скажет: «Я хочу чаю».

— Не морочь голову! — рассердился Одинцов и передразнил девочку: — «Хочу чаю»! Ведь он же учитель.

— Здравствуйте! — насмешливо сказала Лида. — Если учитель, так и чаю не пьёт?

— Нет, пьёт, конечно, — озабоченно сказал Васёк и вспомнил: — У нас печенье есть!

— Давай! — строго приказала Лида. — Всё давай, что есть!

Васёк снова полез в буфет:

— Держите: сахар, масло...

Через полчаса ребята торжественно сидели за столом, открыв в кухне входную дверь, чтобы учитель не споткнулся на лестнице. На столе стояли четыре стакана с блюдцами, сухарница с печеньем, маслёнка с маслом и сахар. Чайник с кипячёной водой на всякий случай был уже приготовлен.

История с зачёркнутой фамилией, ожидание сбора — всё отодвинулось на задний план. Васёк и Одинцов радовались возможности снова попросту говорить друг с другом, не касаясь недавней размолвки.

И хотя Васёк боялся прихода учителя, но в обществе Одинцова и Лиды чувствовал себя спокойнее. А Лида вся ушла в роль хозяйки. Переставляя на столе то маслёнку, то сухарницу с

печеньем, она отходила в сторону и любовалась сервировкой стола.

Одинцов радовался, что у Васька в отношении к нему уже не было враждебности. Беспокоило Одинцова только то, что Саша ослушался Сергея Николаевича и от самого дома Васька решительно повернул обратно:

— Чтоб я ещё унижался перед Трубачёвым! Этого мне никто приказать не может! Идите сами!

«Упрямый! — подумал Одинцов, сознаваясь себе, что будь он на месте Саши, он тоже не пошёл бы к Ваську первый. — Учителя не знают, какие ребята. У нас ведь сроду никто первый не подойдёт, если поссорились!»

Ребята говорили шопотом, прислушиваясь к каждому шороху.

— Тише, — сказала вдруг Лида. — Идёт!

На лестнице действительно послышались шаги. Все трое наперегонки бросились туда.

— Пожалуйста, пожалуйста! — кричала Лида.

— Входите! Здесь десять ступенек, — беспокоился Васёк.

Одинцов держал настежь раскрытую дверь.

На пороге показалась... тётка.

— Ой! — пискнула Лида.

— Это... тётя, — сказал Васёк.

Тётка подозрительно оглядела всю компанию:

— Здравствуйте, дорогие гости!

— Здравствуйте, — поспешно сказал Одинцов, подтягиваясь и поправляя на груди галстук.

— Здравствуйте... Простите, пожалуйста, мы тут похозяйничали, — смущённо улыбаясь, пояс-

няла Лида, идя за тёткой и показывая ребятам глазами на сервированный стол.

Тётка быстро оглядела с ног до головы Лиду, так же внимательно — Одинцова, потом подошла к столу и подняла вышитую салфетку:

— Чаем поить гостей будешь? — обернулась она к Ваську.

— Да, хотим чаю, — сказал Васёк.

Тётка поманила его пальцем и, выйдя на кухню, прикрыла за собой дверь.

— Приличные дети. Брат и сестра, что ли? Это чьи же такие будут?

— Это одного знатного стахановца ребята! — выпалил Васёк.

Тётка высоко подняла брови и одобрительно кивнула головой:

— А... Оно и видно. Не то что твой давешний толстяк. Поздороваться как следует не умеет. Ну, дружи, дружи! Только что ж мне сказать-то побоялся, что гости у тебя нынче? Я бы пирожков хоть спекла!

Васёк усмехнулся:

— Так себе...

— То-то «так себе», — с ласковым укором сказала тётка. — А теперь вот я должна идти. Там Таня с билетами сидит. Я зашла... думаю, может сошёл с тебя каприз, так побежишь.

— Нет.

— Теперь уж что, раз гости! Погоди, я орешков вам положу.

Она прошла в комнату, по пути погладила тугие косички Лиды, улыбнулась Одинцову. Насыпала полную тарелку грецких орехов.

— Ну, играйте, угощайтесь. А я нынче в кино иду. Очень геройская картина! До свиданья,

деточки! Вашим родителям привет передайте. Скажите, что очень рада знакомству!

— Спасибо, спасибо, — смущалась Лида.

Одинцов забежал вперёд и ловко распахнул перед тёткой дверь.

«Что за уважительные ребята! — подумала тётка, выходя на улицу. Отложной воротничок Одинцова, тугие косички Лиды и разглаженные пионерские галстуки на обоих приятно подействовали на тётку. — Достойная семья. Стахановцы... Подходящая компания».

Как только за тёткой закрылась дверь, Лида прижала руки к бьющемуся сердцу:

— Ой, как я испугалась!

— Я тоже, — сознался Одинцов. — Я забыл, что у тебя тётя есть. Мы тут хозяйничали вовсю!

— Ничего. Я ей сказал, что ваш отец — знатный стахановец.

— А она что?

— Говорит: какие воспитанные...

Васёк засмеялся. Ребята тоже расхохотались.

— А Одинцов-то, Одинцов! Как-то ногой шаркал! — заливалась Лида.

— Это я с перепугу, честное пионерское.

— Ха-ха-ха!.. С перепугу!

В шуме никто не заметил, как вошёл учитель.

— О, да тут всё товарищество! — пошутил он...

Ребята вскочили.

— Садитесь! Садитесь!

— Ну, зачем же я так сразу сяду, — улыбнулся учитель. — Дайте осмотреться сначала. — Он подошёл к круглому шкафчику, с интересом оглядел его, потрогал на этажерке книги и, обратив внимание на накрытый стол, лукаво посмот-

рел на ребят. — Вот теперь я сяду. И даже выпью стакан чаю, если вы меня угостите.

Все трое сразу сорвались и убежали в кухню.

— Подогрей, подогрей! — шептал Одинцов, накачивая изо всех сил потухавший примус.

— Что? Я говорила, я говорила! — торжествовала Лида.

— Хорошо, что печенье и орехи есть, — захлёбываясь от волнения, шептал Васёк.

А учитель, оставшись один, улыбался. Глаза у него блестели. За чаем он шутил и смеялся. Рассказывал о своём детстве. Одинцов и Лида с восторгом слушали его. Васёк тоже слушал, но его мучила неотвязная мысль: зачем пришёл учитель? Что он думает о нём, что скажет?

Забывшись, он тревожно смотрел на Сергея Николаевича, но тот ничем не отличал его от Лиды и Одинцова. Посидев полчаса, он взглянул на часы и поднялся:

— Ну, а теперь пойдёмте на сбор! Опаздывать пионерам не полагается. Пионер должен быть точным, честным в исполнении своих обязанностей.

«Вот оно!» — понял Васёк.

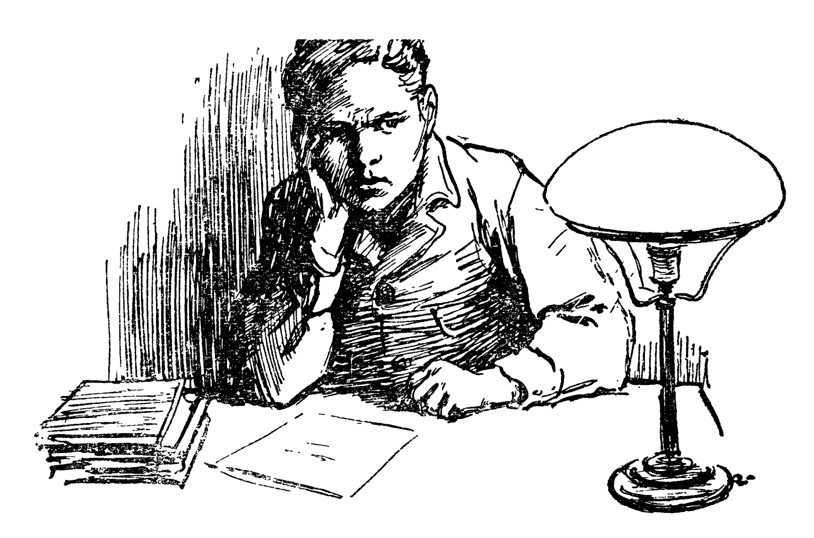
Он надел шапку, пальто и остановился на пороге. Учитель, проходя мимо, легонько обнял его за плечи:

— Пошли.

Глава 32

МИТЯ

Митя сидел в своей маленькой комнатке и сосредоточенно думал. Мысли были тревожные. Он сожалел, что раньше не пошёл к Трубачёву и по-

товарищески не поговорил с ним. В дружеском разговоре, один на один, всегда находятся такие простые и нужные слова. Тут и голос другой и глаза смотрят в глаза, прятаться и что-то скрывать делается невозможным. Разве мало было у Мити таких случаев? Никто в школе и не знал о них.

Митя откинул со лба волосы и устремил в одну точку взволнованный взгляд.

«Он пионер, я комсомолец. Я сам только что вышел из пионеров, таким же, как он, был. Ошибки у всякого человека бывают — это что же, без этого не обходится. Но тут самое главное что? Чтоб он понял... Он парень не глупый...»

Митя грустно покачал головой:

«Эх, опоздал я... Без этого дружеского разговора теперь и на сборе не то будет. Как-то и сам не подготовлен, и парнишка внутренне не подготовлен...»

Митя стал думать о сборе.

«С чего начать? Если прямо с заметки Одинцова? И непосредственно перейти к дисциплине? Ударить по этому вопросу!»

Он вспомнил совет Сергея Николаевича:

«Вы только не торопитесь... Не выводите поспешных заключений. Дайте ребятам высказаться, поспорить... Трубачёв, возможно, заупрямится...»

«Не возможно, а наверняка, — усмехнулся Митя. — Я этого парня как свои пять пальцев знаю. Если он сразу не пришёл ко мне и не рассказал, в чём дело, значит что-то тут есть, чего он, хоть убей его, не скажет. А что? Поди вот, разбери! Верно, кто-нибудь ещё впутан в это дело. Эх, пошёл бы я к нему, всё было бы проще!»

— Митенька! — окликнула его из-за перегородки мать. — Обедать-то сейчас будешь или с отцом?

— С отцом, с отцом, — рассеянно ответил Митя и вдруг, прислушавшись к возне за перегородкой, побежал в кухню. — У тебя что, мама, пирожки? Дай мне один. Вот так, в рот прямо. Во! Есть! Ещё один! Для бодрости, так сказать. Ещё, ладно? Стой, стой, хватит!

Он вернулся в комнату, держа на ладони пышные горячие пирожки, и, отправляя их в рот один за другим, кричал матери:

— Здорово ты их делаешь! Просто замечательно!

— Ну вот и покушай! — отвечала из-за перегородки мать. — А то всё, слышу, бегаешь, бегаешь по комнате... Не ладится, что ли, у тебя что, Митенька? — просовывая в дверь голову, с беспокойством спросила она.

— Ничего, мама, всё сладится. У нас да не сладится! — весело ответил Митя.

Он снова мысленно представил себе сбор, всех ребят, Трубачёва и решительно стукнул кулаком по столу:

«Вожатый не должен допускать ни малейшего ослабления дисциплины! Трубачёв — председатель совета отряда. По нему равняются другие ребята. Надо так крепко начать, чтоб сразу почувствовалось моё отношение к этому делу... со всей строгостью!»

Митя подошёл к окну.

«Если б найти такие живые, настоящие слова! Ребята-то, в общем, народ чуткий. Только б начать. А потом они сами... Да, Сергей Николаевич прав!»

Митя взглянул на часы и стал собираться. Почистил лыжную куртку, пригладил волосы, поправил на груди комсомольский значок.

Пора!

Он вышел на улицу и зашагал к школе.

Глава 33

НА СБОРЕ

Сбор был назначен в пионерской комнате. Ребята стояли кучками, о чём-то тихо переговариваясь между собой. Девочки сидели на скамейках, подобрав ноги и сложив на коленях руки. Не было обычного шума, острот и поддразнивания друг друга.

Митя беглым взглядом окинул собравшихся, поздоровался и сел за стол.

Приход учителя вызвал движение среди ребят. Здоровались негромко, усаживались, стараясь не скрипеть стульями.

Васёк Трубачёв стоял рядом с Одинцовым. Саша незаметно для себя придвинулся ближе к Ваську. Мазин, засунув руки в карманы, стоял в стороне. Глаза у него были тусклые, лицо равнодушное.

Рядом с ним Петя Русаков со своим серым личиком был похож на мокрого воробушка. Он ёжился и натягивал рукава курточки.

Лида Зорина, усадив своё звено на скамейку, сидела сбоку с напряжённым, страдальческим выражением лица, склонив набок чёрную, гладко причёсанную головку. Синицына, расталкивая локтями соседок, уселась посередине скамейки и смотрела на Митю и учителя так, чтобы они могли прочесть на её лице, что она ни в чём не виновата. За её спиной слышалось короткое взволнованное дыхание Малютина — он только что спорил с кем-то из ребят и никак не мог успокоиться.

— Малютин! Сядь! — шептала ему Валя Степанова.

Когда наступила полная тишина, Митя порывисто встал, с шумом отодвинув стул:

— Ребята! На сегодняшнем сборе мы должны обсудить поведение председателя совета отряда Трубачёва. Ни для кого не секрет, что последнее время Трубачёв ведёт себя плохо...

По комнате пронёсся неясный шум — все повернули головы в сторону Трубачёва. Трубачёв двинулся вперёд. Лицо у него побелело, и рыжий чуб загорелся на лбу.

«Эх, жалко парня!» — с досадой подумал Ми-

тя и тут же, рассердившись на себя, крепко стукнул кулаком по столу:

— Да, плохо! Недостойно пионера! Срывает дисциплину в классе, самовольно уходит с уроков, не является в школу и в конце концов зачёркивает свою фамилию в статье Одинцова...

— Я не зачёркивал! — с силой выкрикнул Васёк.

Кучка ребят дрогнула и сдвинулась тесней. Кто-то из девочек громко вздохнул. Валя Степанова смахнула со лба разлетающиеся ниточки волос и крепко сжала ладони. У Нади Глушковой на круглом лице выступила лёгкая испарина. Лида не шелохнулась.

— Трубачёв! Подойди сюда!

Васёк подошёл к столу и стал перед Митей.

Сергей Николаевич вдруг вспомнил, как доверчиво и решительно пошёл с ним Трубачёв на этот сбор — может быть, он надеялся, что учитель будет защищать его?

Сергей Николаевич поднял голову и посмотрел на ребят. «Если бы они знали, как мне больно за этого мальчишку», — с горечью подумал он, переводя на Трубачёва спокойный и строгий взгляд.

Этот взгляд говорил: «Ты виноват — отвечай!»

Но Васёк не искал поддержки учителя. Он не отрываясь смотрел в лицо Мити и только иногда повторял:

— Я не зачёркивал фамилии.

Митя внимательно посмотрел на него:

— Допустим, что так. Мы это разберём. Но это не снимает с тебя ответственности за другие

поступки. Ты ссоришься с Сашей Булгаковым, обижаешь товарища, которого мы все уважаем за то, что он помогает своей матери. О помощи в семье мы здесь говорили не раз, а ты позволяешь себе бросать какие-то глупые насмешки. — Митя смёл со стола попавшуюся ему под руку промокашку, взъерошил волосы. — Это поступок нетоварищеский и непионерский. Я не знаю, как ты себя ведёшь дома по отношению к своим домашним...

Васёк вспомнил сморщенное, обиженное лицо тётки и густо покраснел.

— Об этом нужно тебе подумать, Трубачёв! И крепко подумать! Стыдно! Ты меня понимаешь...

Васёк молчал, упрямо сдвинув брови.

— Я говорю не с дошкольником, а с человеком, который должен отвечать за себя. Я говорю с пионером, председателем совета отряда, Трубачёв!

Васёк крепко прижал к бокам опущенные руки.

— Есть... — чуть слышно сказал он.

— Хорошо. Это не всё. Я хочу знать ещё, Трубачёв, как ты смел уйти самовольно с урока и на другой день не явиться в класс? Что это тебе, шутки, что ли?

Митя второпях не подобрал другого выражения и, снова рассердившись на себя, напал на Трубачёва:

— Учёбу срываешь, нарушаешь дисциплину, роняешь свой авторитет в глазах товарищей! Мы тебя выбрали председателем совета отряда... Что это, Трубачёв?

Васёк молчал.

— Я спрашиваю тебя: почему ты ушёл с урока? — настойчиво повторил Митя.

— Я ушёл, потому что все думали на меня...

— Что думали на тебя?

— Что я зачеркнул фамилию...

— Не понимаю, — нетерпеливо сказал Митя, — объяснись...

Ребята зашумели, задвигались. Сбоку, оттирая от стола Трубачёва, поспешно вырос Мазин.

— Надо разобраться... — хрипло сказал он. — С самого начала. Тут виноват мел, понятно?

Ребята вытянули головы:

— Чего, чего?

Митя нахмурился:

— В чём дело, Мазин?

Сергей Николаевич с интересом смотрел на крепкую, коренастую фигуру Мазина, на живые, острые щёлочки его глаз и спокойное упорство в лице.

— Из-за чего вышла ссора в классе? Из-за мела! Вот он. — Мазин вытащил из кармана кусок мела и положил его на стол.

Девочки ахнули и зашептались. Ребята заглядывали через головы друг друга — каждому хотелось посмотреть на тоненький длинный кусочек мела.

— Вот он, проклятый мел. Трубачёв тут ни при чём. В тот день Русакова должны были вызвать, а он не знал... как это... глаголов, что ли... И я стащил мел, чтобы Русакова не успели спросить... Это раз. — Он обернулся, поглядел на испуганное лицо Пети и усмехнулся. — Ладно. Я всё на себя беру. А насчёт ссоры... Это тоже надо разобраться. И Булгакову нечего обиженного из себя строить. Если ко всему придираться,

так мы друг другу много насчитать можем. А по мне так: взял да ответил хорошенько, а то и другим способом расквитался за обиду, а цацкаться с этим... — Мазин презрительно скривил губы и пожал плечами. — Разбираться так разбираться. Вот Одинцов статью написал и всё на Трубачёва свалил, а Булгаков тоже не молчал. Он сам Трубачёва обозлил! Ты, говорит, весь класс подвёл, а тому, может, это хуже всего на свете! И мел он клал? Клал. А я стащил... И дело с концом...

— Ты всё сказал? — спросил Митя.

— Нет, не всё. — Мазин заспешил: — Одинцов тоже... не разберётся, а пишет. А потом кто-то фамилию зачеркнул, и опять все на Трубачёва... — Мазин кашлянул в кулак, говорить ему было больше нечего. — Проклятый мел! — пробормотал он, не выдержав пристального взгляда учителя.

— Мазин, сядь. Мы с тобой ещё поговорим. Просто стыдно перед Сергеем Николаевичем, какие возмутительные вещи тут открываются!

— Прошу слова! — крикнул кто-то из ребят.

Митя поднял руку:

— Я ещё не кончил. Когда кончу, кто хочет— возьмёт слово... Так вот, Трубачёв, я хочу, чтобы ты ответил мне сам: почему ты ушёл с урока? Если даже тебя заподозрили в том, что ты зачеркнул свою фамилию, а ты, скажем, этого не делал, так неужели ты не мог найти способ выяснить это? Почему ты не пришёл ко мне, к Сергею Николаевичу?

Трубачёв молчал.

— Я не думаю, Трубачёв, что ты трус, но я боюсь, что ты и в этом виноват. Я думаю, что ес-

ли ты не сам зачеркнул свою фамилию, то ты хорошо знаешь, кто это сделал.

— Я не знаю, — твёрдо сказал Трубачёв, сжимая зубы. «Пусть Мазин сам сознается, если хочет», — подумал он.

— Трубачёв, ты знаешь, — тихо и настойчиво сказал Митя.

Трубачёв опустил голову.

Ребята заволновались:

— Трубачёв, сознавайся!

— Трубачёв, говори!

Малютин протиснулся через толпу и вытянул вперёд худенькую руку.

— Я прошу слова, Митя! Митя, слова! — прорываясь к столу, кричал он.

— Дайте ему слово, — шепнул Мите учитель.

— Сергей Николаевич, это не он! Митя правильно сказал. Я Трубачёва знаю — про себя он бы сразу сказал. Это кто-то другой... Ребята! — Сева повернулся к молчаливым, взволнованным ребятам. — Если сейчас здесь сидит человек, который сделал это, и если он молчит, то этот человек... последний...

Петя Русаков вдруг вынырнул из кучки ребят и бросился к Малютину:

— Ты... не твоё дело... Я не последний человек... Я сам скажу... — Петя поискал глазами Мазина. — Мазин! Мазин! Это я зачеркнул фамилию! Я хотел сделать лучше, я не думал, что скажут на Трубачёва!

Петя весь дрожал, поворачиваясь во все стороны.

Мазин, расталкивая ребят, подошёл к нему и обнял его за плечи.

— Не реви, — сказал он, отводя его в сторон-

ку и смахивая с его щёк слёзы. — Ну, не реви...

Васёк стоял ошеломлённый и смотрел им вслед. Тишина внезапно прорвалась шумом голосов. Ребята поднимали руки, требовали слова. Митя быстро взглянул на учителя и сел.

— Степанова, говори!

— Ребята, я хочу сказать... — голос у Вали сорвался, она глубоко вздохнула, — что мы мало знаем друг друга...

— Что? Почему? Как? — зашумели ребята.

Валя поправила на лбу волосы, перекинула через плечо косу.

— Потому что вот Мазин и Русаков сейчас как-то так хорошо поступили, что у меня просто... ну... Я их обоих как будто знала и раньше, в классе, а по-настоящему узнала только сейчас... Но я... мне... — Она остановилась, подыскивая слова.

— Говори! Говори! — одобрительно зашумели опять ребята.

— И всё равно мне многое непонятно. Например, почему Русаков фамилию зачеркнул? И ещё... Знал или не знал об этом Трубачёв? Если не знал, то почему он как-то странно молчал? Как будто что-то скрывал, что ли... Вот, ребята, если кто понял — скажите, или пусть Трубачёв сам всё расскажет!

— Верно! Верно!

— Трубачёв, говори!

— Мы тоже не поняли!

— А я и сам ничего не понял, — неожиданно сказал Васёк, всё ещё глядя на Русакова и Мазина. — Я сейчас всё начистоту расскажу, как было. Я пришёл, а фамилия зачёркнута... А вече-

ром... ну, перед этим... Мазин меня около дома ждал, поздно уже... я после редколлегии так себе гулял... А он пришёл ко мне и говорит: «Мы тебя выручим». Я и думал, что это он выручил. — Васёк грустно усмехнулся и посмотрел на ребят. — Не мог же я про него говорить...

— Ты про меня думал? — вдруг отозвался Мазин. — А я про тебя! Эх, жизнь! — Он хлопнул себя ладонью по щеке и засмеялся. — А это Русаков Петька!

— А при чём Русаков?

— Пусть Русаков говорит!

— Разбираться так разбираться!

— Тише!

— Говори, Петя!

Митя и учитель сидели молча, с интересом слушая разбор дела. Ребята разгорелись, заспорили, останавливая друг друга:

— Тише! Тише!

— Не мешайте! Пусть сами скажут!

Кто-то тихонько подтолкнул к столу Петю Русакова.

— Это я... — Петя взмахнул длинными ресницами в сторону Мазина. — Для Мазина я это сделал... И ещё потому, что из-за нас у Трубачёва ссора вышла... И про него статью написали... — Петя развёл руками. — Только я, ребята, когда зачёркивал, не думал, что на него подумают.

— А что же ты думал? — крикнул Белкин.

— Просто... ничего не думал... Я хотел выручить.

Кто-то засмеялся. Петя махнул рукой и отошёл от стола.

— Что у нас только делается! — всплеснула

руками Синицына. — Один за другого... один за другого... И все виноваты. — Она всхлипнула в платочек и, заметив взгляд Вали Степановой, быстро отвернулась.

В комнате снова поднялся шум:

— Подожди, Русаков!

— Спросите его, почему он в классе молчал?

— Почему Мазину не сказал сразу?

— Русаков, почему ты молчал, когда мы на Трубачёва думали? — крикнул бледный от волнения Одинцов.

Петя покраснел и опустил голову:

— Я не мог... Я боялся...

В комнате стало тихо.

— Эх! — с презрением бросил кто-то. — Боялся! А товарища подвести не боялся?

Петя вспыхнул, сморщился, губы у него задрожали.

Надя Глушкова взволновалась, вскочила с места:

— Ребята, нехорошо так! Он же сознался всё-таки!

— Не защищай! — строго сказала Лида Зорина. — Пусть сам скажет.

— Он сам ничего не скажет, — вступился Мазин. — Потому что тут история другая. Степанова правильно сказала: мы мало знаем друг друга. Как Петька живёт, что у него есть и чего он боится — это из всего класса знаю один я.

Ребята притихли.

Сергей Николаевич написал на клочке бумаги: «Это обвинение нас тоже касается».

Митя прочитал, скомкал бумажку. Он был расстроен, светлые волосы липли к его мокрому лбу. Он силился вспомнить домашнюю обстанов-

ку Пети Русакова и сердился на себя и на Мазина, который знал больше, чем он, Митя.

А в наступившей тишине ребята уже решали по-своему вопрос о Пете Русакове:

— Мазин знает, что говорит! И кончено!

— А ты, Петя, на нас не обижайся! — Ребята сорвались с мест и окружили Петю.

— Тише! — крикнул Митя. — Сергей Николаевич будет говорить.

Ребята затихли.

— Я не буду разбирать всю эту историю в подробностях. Мне кажется, всем вам уже ясно, как произошло то, что Трубачёв, председатель совета отряда, оказался в таком тяжёлом положении. Вас, конечно, интересует больше всего вопрос, кто виноват. Ну, виноваты тут многие. Прежде всего и больше всего, несмотря ни на что, сам Трубачёв. Потом, конечно, Мазин — в этой пропаже мела — и Русаков...

— И Одинцов тоже, — подсказал кто-то.

— Одинцов? — переспросил Сергей Николаевич.

— Одинцов! Одинцов! — крикнул Мазин.

— Не вижу вины Одинцова. В чём ты его обвиняешь? — спросил учитель Мазина.

— Я уже говорил. Он не разобрался и написал. Да ещё про своего товарища.

— Что он не разобрался, куда делся мел, то в этом его обвинять нельзя, потому что мел лежал у тебя в кармане и этого Одинцов предполагать, конечно, не мог. А что он совершенно точно и честно описал всё происшедшее в классе, несмотря на то что в этом участвовал его лучший товарищ, то за это, по-моему, Одинцова можно только уважать. Как вы думаете?

Белкин вытянул вперёд руку.

— Пусть ребята думают как хотят, а я скажу про Одинцова так... что мы, когда вообще... это было, думали... Одинцов вообще не напишет про своего товарища... И решили считать его... ну, вообще, если напишет — честным пионером, а если скроет — нечестным. И вот он написал, и мы считаем — это честно, — волнуясь, сказал Белкин.

Сергей Николаевич кивнул головой:

— Скажи ты, Малютин!

— Мне кажется, что он поступил честно, но как-то не по-товарищески всё-таки. Потому что Трубачёв не ожидал, а когда пришёл на редколлегию, то сразу увидел, и это на него тоже подействовало.

— Верно! — крикнул Мазин. — Предупреди, а потом пиши. Да разберись раньше, где мел. А не знаешь, где он, так не пиши!

Кто-то засмеялся.

Одинцов поднял руку:

— Я не писал про мел. Я всегда пишу то, что вижу и слышу. И потом, думал так: если не напишу, то какой же я пионер, а если напишу, то какой же я товарищ? — Одинцов посмотрел на всех. — Я всё думал... А тут ребята меня спросили прямо в упор. И я сразу как-то понял, что должен написать. Только я не предупредил Трубачёва... Это верно. Мне не пришлось как-то с ним поговорить.

— В этом ты, конечно, неправ, Одинцов. Такие вещи надо делать открыто, — сказал Сергей Николаевич. — Но всё-таки из виноватых мы тебя исключаем!.. Верно? — улыбнулся он.

— Верно, верно! — закричали ребята, обрадованные его улыбкой.

Сергей Николаевич взглянул на часы.

— И так как теперь уже очень поздно, то давайте пока буду говорить я один, и уж только в том случае, если моим противником окажется такой отчаянный спорщик, как Мазин, мы дадим ему слово, — пошутил учитель. — Так вот что я хотел вам сказать — и это, по-моему, самое главное. Для меня сегодня выяснилось, что вы неправильно понимаете слова «товарищество», «дружба». Отсюда и поступки у вас неправильные. Например, Мазин выручает Русакова, чтобы я не обнаружил, что Русаков лентяй, что он плохо учится, не знает урока... Мазин хочет, очевидно, чтобы Русаков, с его товарищеской помощью, остался на второй год... Подожди, Мазин, я всё знаю, что ты хочешь сказать.

— Мазин, не мешай! — крикнула Зорина.

— Я хочу сказать! — Мазин выставил вперёд одну ногу, но, увидев Митин взгляд, убрал ногу и махнул рукой. — Я, Сергей Николаевич, ещё докажу, какой я товарищ! — крикнул он, отходя от стола.

— Это очень хорошо, — спокойно сказал Сергей Николаевич, — но то, как ты сейчас доказал нам, это плохо, это называется ложным товариществом. И, к сожалению, вся эта история построена на ложном товариществе. Русаков зачёркивает фамилию Трубачёва — глупо и ненужно, он тем самым ставит Трубачёва в тяжёлое положение подозреваемого. А почему Русаков это делает? Я уверен, что из любви к товарищу... Так вот что я хочу сказать вам, ребята! Учтите это на будущее. Есть прямое, честное пионерское

товарищество — и есть мелкое, трусливое, ложное выручательство. Это вещи разные, их никак нельзя путать. К товарищу надо относиться бережно и серьёзно. Ну вот, я всё сказал, что хотел. Подумайте над этим хорошенько. Думаю, что даже Мазин со мной согласен сейчас... А, Мазин? — улыбаясь, спросил Сергей Николаевич.

— Я дома разберусь, — сказал Мазин.

Никто не засмеялся. Лица у ребят были серьёзные. Расходились молча. Каждый торопился домой, чтобы обдумать про себя что-то очень важное и необходимое.

В коридоре Васёк столкнулся лицом к лицу с Сашей Булгаковым. Одинцов схватил обоих за руки.

— Помиритесь, ребята! Васёк! Саша! — умоляюще шептал он, стараясь соединить руки товарищей.

— Я с ним не ссорился, — сказал Васёк.

— Ты не ссорился? — вспыхнул Саша, вырвал свою руку и побежал вниз по лестнице.

* * *

Митя шёл с учителем. Перед ними маячила одинокая тёмная фигурка, то возникающая при свете фонаря, то исчезающая в темноте улицы.

— Трубачёв... — усмехнулся Митя. — Домой бежит... Тяжко ему пришлось сегодня, бедняге.

Сергей Николаевич вдохнул полной грудью свежий вечерний воздух:

— Трудно растёт человек...

Митя ждал, что учитель скажет ещё что-нибудь, но тот молчал. Сбоку его твёрдый, резко

очерченный подбородок и рот с сухими, крепко сжатыми губами казались чужими и холодными.

«Недоволен мной, ребятами? — взглядывая на учителя, пытался угадать Митя. — «Трудно растёт человек»... Конечно, трудно... Так чего же он хочет от ребят?»

От обиды нижняя губа у Мити чуть-чуть припухла. Молчание становилось тягостным.

— Вы не думайте, они всё-таки неплохие ребята...

Сергей Николаевич повернулся к нему и с живостью сказал:

— Хорошие ребята! Особенно этот... Трубачёв и его товарищи.

* * *

Васёк шёл один. После сбора в тёмной раздевалке его поймал Грозный и, легонько потянув за рукав, шопотом спросил:

— Проштрафился, Мухомор?

— Проштрафился, Иван Васильевич!

— Да, прочесали тебя, брат, вдоль и поперёк... Раньше бывало ремнём учили, попроще вроде, а теперь — ишь ты! Ну, авось обойдётся... Ступай домой. Макушку в подушку, а утром на душе легче.

Васёк попрощался со стариком и вышел на улицу. Он устал, в голове было так много мыслей, что ни на одной не хотелось останавливаться.

В конце своей улицы Васёк увидел тётку.

Она, суетливо и неловко обходя лужи, шла вдоль забора, придерживая обеими руками концы полушалка. Васёк вспомнил, что тётка плохо видит, и бросился к ней навстречу:

— Тётя!

— Васёк! Батюшки! Где ты запропал? Девятый час пошёл...

— Я на сборе был... Нас вожатый собирал.

— «Вожатый, вожатый»! С ума он сошёл, твой вожатый! Детей до полуночи держать!

— Да он не виноват. Дела у нас такие были... пока разберёшься... Не сюда, не сюда, тётя. Давай руку!

— Погоди, не тащи... Это чего блестит?

— Тут лужа, — держа её за руку, говорил Васёк. — А вот камень... ставь ногу...

— Ишь ты, глазастый. А я шла, небось забрызгалась вся. Ну, какие же у вас дела разбирали? — благополучно минуя лужу, спросила тётка.

— Кто что натворил, — уклончиво сказал Васёк.

— Кто что натворил... А ты бы домой шёл.

Васёк засмеялся.

— Да меня, тётя, больше всех ругали там, — сознался он. — За поведение и всякие разные слова дурацкие... за грубость...

— А-а... — подняв кверху брови, протянула тётка, — за грубость?

— Ну да... Вот и тебя я тоже обидел.

— Ну... это что... Мы свои, не чужие, — заволновалась тётка. — А вожатый, он, конечно, знает, что делает. Коли задержал, значит нужно было... это на пользу.

Васёк крепко прижал к себе тёткину руку.

— Ладно, ладно... Идём уж. Там тебе ужин приготовлен, а под тарелочкой... — Она остановилась и подняла вверх палец: — Суприз!

Глава 34

Р. М. З. С.

Мазин сидел на берегу пруда и напевал свою любимую песенку:

Кто весел — тот смеётся,
Кто хочет — тот добьётся,
Кто ищет — тот всегда найдёт!

Он смотрел, как у края берега в тёмной воде отражаются набухшие почками ветки берёзы, как, переплетаясь с ними, вытягиваются тонкие иглистые сосны и громадной тенью ложатся мохнатые лапы старой ели. Теперь под этой елью чернеет глубокая яма, залитая водой. Это бывшая землянка Мазина и Русакова. Когда снег начал таять, в неё хлынули со всех сторон ручьи. Хорошо, что к тому времени у мальчиков появился новый приют...

Мазин вспомнил, как они с Петей шли домой со сбора.

Петя ждал, что Митя вызовет в школу отца. Наказания он не боялся — он боялся потерять свою новую мать.

— Она уйдёт! — тоскливо повторял он всю дорогу.

— Не уйдёт! — лениво утешал его Мазин: ему не хотелось заниматься Петькиными делами. Он хотел разобраться в настоящем товариществе, о котором говорил учитель, а потому, не глядя на расстроенное лицо Русакова, нехотя бубнил, идя с ним рядом: — Птичья голова у тебя, Петька... И вообще, ты только о себе одном думаешь. Брось ты с этим делом нянчиться... Уйдёт, так другая найдётся!

— Другая? — Петька даже остановился. — Другая?! — От волнения у него перехватило горло. — А ты себе другую мать хочешь, Мазин?

— При чём тут это? — тоже останавливаясь, недовольно спросил Мазин.

— А при том, что ты... ничего не понимаешь в моей жизни, — с усилием сказал Петя, — а я... один. И ты лучше ничего не говори, если так...

— Как «так»?

Петя молчал. Мазин почувствовал, что Петька вдруг отделился от него со всеми своими горестями и теперь уже будет решать свои дела тихо, про себя, не обращаясь за помощью к товарищу.

— Ладно, — сказал он прежним снисходительным тоном. — Я пошутил. Сейчас придумаем что-нибудь...

— Не надо.

— Что не надо? Собери её вещи и спрячь, а пока она будет искать, отец её сам уговорит остаться. Понял?

— Не надо, — тихо повторил Петя. — Ничего не надо мне, Мазин! Это не такое, чтоб придумывать что-нибудь. — Он отвернулся и сломал голую ветку у забора. — Этого ты не можешь... и не надо.

— Да ну тебя! — рассердился Мазин. — «Не можешь, не можешь»! Я всё могу!

Когда Петя ушёл, Мазин долго стоял во дворе и смотрел на его окна.

«Есть прямое, честное товарищество, а есть мелкое, трусливое выручательство», — вспомнил он слова учителя.

«Эх, жизнь! Пойду завтра к его мачехе и напрямки начну действовать», — решил Мазин.

* * *

За ночь решение окрепло. Мазин застал Екатерину Алексеевну одну. Она сидела за работой — подшивала Петины брюки. Изо рта её торчали булавки, а в длинных ловких пальцах мелькала иголка. Мазин поздоровался и, оглядев новые Петины брюки, вежливо сказал:

— Симпатичные брючки.

Мачеха засмеялась с закрытым ртом, булавки запрыгали на её губах.

«Ещё подавится!» — с тревогой подумал Мазин и сказал:

— Выньте изо рта булавки. Я к вам по делу пришёл.

С тех пор как Петя первый раз привёл к себе Мазина, прошло много времени. Екатерина Алексеевна уже хорошо знала этого смешного, толстого, спокойного мальчика, товарища Пети. Она с интересом прислушивалась к коротким фразам, которые бросал Мазин Пете во время игры или занятий. Ей нравился Мазин, но где-то про себя она опасалась того влияния, которое он имел на Петю.

«Если хорошенько браться за Петю, то сначала нужно взяться за Мазина», — нередко думала она, наблюдая их вместе. Но до сих пор Мазин был неуловим, никогда не обращался к ней с вопросами и сам отделывался короткими ответами.

— Какое же у тебя ко мне дело? — опуская на колени шитьё, спросила Екатерина Алексеевна.

— А вот какое. — Мазин придвинул стул и сел прямо против неё. — Я, как настоящий товарищ Пети Русакова, считаю, что нам надо прямо

и честно объясниться. — Он заметил смешливые искорки в глазах Петиной мачехи и насупился: — Вы не смейтесь. Это не такое, чтобы смеяться. Это такое, что заплакать можно, если вы для Петьки как мать родная. — Мазин вспыхнул и рассердился: — Мне тоже, как товарищу, не очень-то легко!

Екатерина Алексеевна сложила руки на коленях и умоляюще посмотрела на него:

— Коля! Если что-нибудь случилось, ты говори сразу... ну, сразу!

— Не бросайте Петьку никогда, если даже отец его выпорет, понятно? — выпалил Мазин.

* * *

В тёмной воде один за другим исчезали камешки, брошенные Мазиным. От камешков расходились ровные спиральные круги.

«Плакала, — вспомнил Мазин. — И Петька плакал... — И, удивлённо поглядев на своё отражение в воде, Мазин скорчил гримасу. — И я плакал... Эх, жизнь!»

Но зато не только Петина мачеха осталась навсегда в Петином доме, а и всё имущество из землянки перекочевало в русаковский дом, который стал теперь самым прочным местом на свете. И даже Русаков-отец потерял свой грозный вид.

«Не то он был чёрный, а стал каштановый; не то он раньше с бородой ходил, а теперь усы у него. Петьку по плечу хлопает, смеётся, шутит. Одним словом, наверно, его фабрика сто пар ботинок в секунду делает. Придётся и нам себя показать, — озабоченно подумал Мазин, устраи-

ваясь поудобнее на бревне и отводя глаза от тёмной глубины пруда. — Даёшь учёбу!»

Он вытащил из кармана свёрнутую в трубочку тетрадь. Но поучиться ему не пришлось.

Около прежней землянки послышались тихие голоса.

— Я думаю, что это нора лисы, — сказала девочка в белом фартуке, с пучком подснежников, торчащих из кармана на животе.

— А я думаю — медвежья, — серьёзно ответил, приседая на корточки, стриженый мальчик с круглой головой и чёрными глазами. — Я даже сейчас потыкаю медведя палкой.

— Не надо. Он затонул, — сказала девочка.

Но мальчик достал прут и наклонился над ямой.

— Эй ты, упадёшь! — крикнул Мазин и, перескочив через бревно, пошёл к детям. — Вам что тут надо? Это не нора, а землянка. Убирайтесь отсюда!

— Мы сейчас уберёмся, — сказала девочка.

Но мальчик продолжал сидеть на корточках.

Мазин поднял его за шиворот и поставил подальше от ямы.

— А чья землянка? — спросил мальчик, нисколько не смутившись.

— Это землянка, — сказал Мазин, скрестив на груди руки, — двух знаменитых следопытов: Русакова и Мазина — Р. М. З. С. Понятно? А теперь ступайте отсюда оба к своей бабушке!

Когда малыши удалились, Мазин вынул перочинный ножик и на толстом стволе берёзы вырезал четыре буквы: Р. М. З. С.

Полюбовавшись своей работой, Мазин сделал

ещё один глубокий надрез на белом стволе берёзы и припал к нему губами.

Он напился свежего берёзового соку, вытер рукавом рот и смачно сказал: «Эх, жизнь!»

Глава 35

ОТЕЦ

«Супризом» тётки была телеграмма от отца. Павел Васильевич приехал ночью. Васёк долго ждал, сидя одетый в уголке широкой кровати и прислушиваясь к каждому шороху на дворе. Тётка тоже не спала, она всё что-то прибирала и хлопотала в кухне.

— Ты ляг. Я тебя тогда разбужу, — уговаривала она племянника.

— Ничего. Я не хочу спать, — с трудом приподымая отяжелевшие веки, говорил Васёк.

Ему хотелось первым встретить отца на пороге. Но он всё-таки не выдержал и заснул, ссутулившись и уткнувшись головой в спинку кровати. Ему снился дремучий лес и колючие ветки, снилось, что он ползком пробирается через поваленные бурей деревья и занозил себе коленку.

И вдруг тёплые большие руки осторожно прижимают его к себе и мягкие усы, похожие на зелёные водоросли, щекочут лицо.

— Ну, Рыжик... Глянь-ка на меня, Рыжик.

Васёк ещё крепче зажмуривает веки, потом сразу открывает их и горячими от сна руками гладит отца по заросшим, небритым щекам. И оба они молчат, потому что нет слов, которые можно было бы сказать в такую минуту.

— Скажи пожалуйста, ведь какой парень привязчивый! Это что! — бормочет в кухне тётка, тихонько сморкаясь в платочек.

Прежние, светлые дни наступают для Васька. В длинные вечера уже всё переговорено и рассказано, всё пережито сначала вместе с большим, настоящим другом — отцом. Ему не надо много говорить — он всё понимает с первого слова.

Ссора Васька с Сашей взволновала Павла Васильевича, он никак не мог успокоиться и всё повторял:

— Как же так? Такой парнишка хороший...

Васёк хмурился:

— Я, папа, этот сбор никогда не забуду!

— Ничего, ничего, сынок! Теперь нам нужно будет себя во как поднять! Мы это сделаем, сделаем! — задумчиво говорил Павел Васильевич, даже не замечая, что вместо «ты» говорит «мы».

Один раз Васёк сказал:

— Я, папа, теперь с Мазиным и Русаковым занимаюсь. Мы вместе к экзаменам готовимся. Они, знаешь... — Васёк нагнулся и зашептал отцу на ухо: — должны на «отлично» выдержать. Мазин хочет Сергею Николаевичу доказать, какой он товарищ, понимаешь?

— А!.. — таинственно кивнул головой отец. — Это надо, надо.

— А я им помогаю... Я тоже хочу доказать. Мне хочется, чтобы они оба лучше всех на экзамене ответили.

— Себя-то, смотри, не упусти с ними, — забеспокоился отец.

— Нет, нет! Что ты! Я ведь и сам в это время учусь.

Васёк отогнул пальцы и сосчитал:

— Две недели осталось. Вот ещё только Первое мая отгуляем, а тогда будем друг дружку по всей программе гонять.

Глава 36

ЭКЗАМЕНЫ

Первое мая отгуляли весело. Вся школа вышла на демонстрацию. Шли стройными колоннами, несли большие портреты вождей, украшенные первыми полевыми цветами. Митя сам нёс портрет Сталина. Он никому не хотел дать его и по-мальчишески спорил с ребятами.

— Я сам... а вы знамёна несите. Шире, шире развёртывайте, чтобы такой красивой, широкой лентой они были! — возбуждённо командовал он, поворачивая к ребятам сияющее веснушчатое лицо.

— Счастливый, со Сталиным идёт! — завидовали ему ребята, стараясь шире развёртывать знамёна и не сбиваться с ноги.

А из всех домов торжественно и весело присоединялись к ним люди, на ходу подхватывая знакомый мотив любимой песни:

Широка страна моя родная...

Васёк Трубачёв, воодушевлённый всеобщим праздником, пел вместе со всеми, а Мазин, шагая с ним рядом и устремив на голубое небо глаза, пел громче всех, не считаясь с общим хором и забегая далеко вперёд:

Как невесту, Родину мы любим,
Бережём, как ласковую мать!

* * *

Маленький городок утопал в зелени. На всех подоконниках стояли первые весенние цветы. Кусты в палисадниках кудрявились и в полдень, отяжелев от набухших почек, ложились на забор. На ночь люди настежь открывали свои окна, чтобы дышать свежим, ароматным воздухом. Это было время весеннего праздника, когда все люди кажутся особенно добрыми и приветливыми.

Васёк Трубачёв шёл к Русакову. Там сегодня была назначена репетиция экзаменов. Учениками были он, Мазин и Петя Русаков, экзаминатором — Екатерина Алексеевна.

Трубачёв торопился. Он только что встретил Митю и узнал от него замечательную новость: сразу же после экзаменов начнётся подготовка к походу.

К походу! Ура!

Васёк бежал по улице, взволнованный этим сообщением. Если бы хоть с кем-нибудь скорее поделиться своей новостью! Но никто не попадался навстречу... И только из одних ворот прямо на него вышел Саша.

«Булгаков! Эй, Булгаков!» — хотел крикнуть Васёк, но запнулся и неловко замедлил шаг. Саша тоже остановился. Они посмотрели друг на друга и отвернулись. Потом каждый пошёл своей дорогой. На душе у Васька померкла радость, и даже ноги в лёгких сандалиях стали цепляться за все бугорки. Дойдя до угла, он оглянулся. Саша тоже оглянулся.

Васёк тяжело вздохнул и пошёл к Русакову. Круглое, доброе лицо Саши с открытыми чёрными глазами было так знакомо и близко ему.

Почему-то вспомнились даже руки Саши, с заусеницами около ногтей, такие ловкие и быстрые в работе.

У Русаковых уже всё было приготовлено к экзамену. На середину комнаты был выдвинут большой стол, на стене висела чистая фанера, а под ней лежал кусок мела. За столом торжественно сидела Екатерина Алексеевна в тёмном платье с белым воротничком. Лицо у неё было такое, как будто она всю жизнь экзаменовала школьников.

Мазин и Русаков в чистеньких новых костюмчиках, приготовленных для экзаменов, шопотом переговаривались между собой в ожидании Трубачёва.

— Ты что же! Иди скорей! — встретил его в дверях Петя. — Смотри, она сидит уже, — кивнул он в сторону мачехи.

Васёк почувствовал всю торжественность обстановки, чинно поклонился и сел на скамейку рядом с Мазиным и Русаковым.

Первым отвечал Петя.

— Русаков! — вызвала Екатерина Алексеевна.

Петя взял со стола билетик и, прочитав его, сказал:

— Это я всё знаю! Можно другой?

— Можно.

— Это я тоже знаю! — радостно крикнул Петя. — Смотрите! Разбор по частям речи! — Он оглянулся на мальчиков.

— Отвечай, — сказала Екатерина Алексеевна. — Дай пример.

Петя написал на доске: «Не бросай товарища в беде», и начал бойко разбирать. Екатерина

Алексеевна кивала головой. Петя закончил стихами Пушкина к няне:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя...

В дверь тихо просунулась мощная фигура. Русаков-отец на цыпочках подошёл к столу и сел рядом с женой. Петя вспыхнул и взволнованно продолжал:

Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня...

— Пушкин в детстве был очень одинок. Самым дорогим и близким человеком ему была его няня, Арина Родионовна, — рассказывал Петя, глядя прямо в глаза своим экзаминаторам.

Петю похвалили. Вторым вышел Мазин.

Он спокойно брал один за другим билеты и со словами «Знаю, знаю...» бросал их на стол.

Русаков-отец вопросительно посмотрел на жену и, наклонившись к её плечу, шепнул:

— Что за система?

Но она сделала ему знак не вмешиваться.

Наконец Мазин выбрал себе билет и ответил по нему всё, кроме стихов.

— Стихи не знаю, надо будет выучить, — спокойно сказал он.

Трубачёв отвечал бойко, с видимым удовольствием.

Русаков-отец спросил:

— Если обыкновенный мастер в смену выполняет сто процентов задания, скажем пять пар обуви, то сколько пар обуви сделает стахановец, выполняющий двести пятьдесят процентов задания?

— Это вопрос из арифметики, — смутился Трубачёв.

— Это вопрос из жизни, — ответил Русаков-отец. — Ну, кто сообразит?

— Я! — крикнул Петя. — Двенадцать с половиной пар!

— Верно, сын, — сказал Русаков.

После экзамена по русскому начался экзамен по другим предметам. Мальчики разошлись усталые, но довольные собой.

* * *

Школа притихла. Она стояла торжественная, праздничная, полная цветов и света. В коридорах ходили на цыпочках, говорили шопотом. В классах сидели учителя и какие-то новые, приезжие люди с большими портфелями. Мягкая ковровая дорожка устилала лестницу и спускалась с крыльца, на котором стоял Грозный в чёрном сюртуке, с новым галстуком в голубых горошинах.

В школе шли экзамены. Они шли уже не первый день.

Митя, с торчащей из кармана зелёной тюбетейкой, взволнованно спрашивал ребят из четвёртого класса «Б»:

— Ну, как у вас тут дела?

— Хорошо! Хорошо!

— Ой, Митя! Русаков на «отлично» по русскому!

— Мазин тоже! И Белкин! И Синицына! — шептали ему девочки.

— Ничего, Митя! Не подкачаем! — храбрились ребята.

— Ну-ну! Старайтесь, старайтесь, ребята! — торопливо отвечал Митя. Для него самого наступило страдное время экзаменов. — Я побегу...

У меня вот... — Митя хлопал ладонью по учебни ку. — А вы тут смотрите... Трубачёв! Чтобы всё в порядке было!

— Есть всё в порядке!

Школа стояла тихая и торжественная, но вокруг неё громко и весело пели птицы, кричали и ссорились воробьи, в листьях шумел ветер и звал далеко-далеко — в поле, в лес, на речку, на вольную лагерную жизнь.

* * *

Одинцов лежал на кровати и слушал, как на крыльце бабушка уговаривала снестись большую рябую курицу:

— Накормлена, напоена и гребень красный, а ходишь, бездельница, пустая!

Одинцов засмеялся, нырнул под одеяло и сладко потянулся.

«Теперь пойдут чудесные дни! В воскресенье поход! А там, может быть, лагери... Вчера сам директор поздравил четвёртый «Б» с отличным завершением учебного года... Он так и сказал: «С отличным!» — с гордостью вспомнил Одинцов и посмотрел на этажерку, где на четвёртой полке были уже аккуратно сложены его учебники за четвёртый класс.

Пятая полка ещё была пуста. На ней только к сентябрю появятся новые книги, а пока ещё только май!

— Бабушка! — закричал Одинцов, вскакивая и подбегая к окну.

У крыльца шумно кудахтали куры, стуча по тарелке с пшеном твёрдыми клювами.

Бабушка вошла в комнату, держа на ладони тёплое, свежее яичко.

— Уговорила? — обрадовался Одинцов.

— Усовестила! — ответила бабушка. — Тебе в мешочек сварить али всмяточку?

— В мешочек, в мешочек! — чмокнув её в сморщенную щёку, закричал Одинцов и, шлёпая по полу босыми ногами, побежал умываться.

Брызгая водой, он без умолку говорил о походе, о товарищах и о том, что теперь можно ни о чём не думать и бить баклуши до сентября.

— Бабушка, ведь мы пятиклассники! Понимаешь, пятиклассники!

— Ну, дай бог, дай бог! — повторяла бабушка, глядя на внука светлыми голубыми глазами.

Глава 37

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ПОХОДУ

Поход был назначен на воскресенье. Ребята целую неделю готовились к нему и одолевали Митю вопросами:

— Кто пойдёт? Какие классы? Какие учителя?

— Повторяю, — охрипшим голосом кричал Митя: — пойдут три отряда! Четвёртый и пятый классы. Задание каждого отряда — раньше всех прибыть к костру, местонахождение которого нужно будет определить в пути, руководствуясь указателями.

— Топографические знаки! — с восторгом крикнул Белкин.

Митя кивнул головой.

— Дальше. От четвёртого «Б» в походе примет участие Сергей Николаевич.

— Ура! Ура! — Ребята вскочили с места и окружили Митю. — С нами? Пойдёт?

— Сергей Николаевич и я будем принимать отряды в назначенном месте у костра. Понятно? — кричал Митя. — В четвёртом «Б» командиром назначен Трубачёв, а комиссаром — Булгаков, — закончил он при общем ликовании. — Сбор во дворе школы в десять часов.

— Митя! Митя! Подожди!

— Трубачёв с Булгаковым в ссоре!

— Митя! Они же давно в ссоре! — зашептали со всех сторон девочки.

— Что? — нахмурился Митя и громко сказал: — Ничья ссора нас не касается. В общем деле не может быть личных интересов. Понятно?.. Трубачёв! Ты слышал, что я сказал?

— Слышал.

— А ты, Булгаков?

— Слышал.

— Так принимайте задания!

— Есть! — твёрдо ответили оба.

* * *

В воскресенье Васёк вскочил с постели и, отдёрнув занавески, зажмурился. Луч солнца мягко скользнул по его щеке и прыгнул на пол.

— Есть поход! — прошептал Васёк и оглянулся на спящего отца.

Было ещё очень рано, но тёткина постель была пуста. Васёк заглянул в кухню.

На столе были уже приготовлены отцовская фляжка, несколько отборных картофелин, соль и каравай хлеба. На табуретке лежал рюкзак.

— Не буди отца, — шопотом сказала тётка,

разглаживая утюгом новый матросский костюм. — И чего вскочил ни свет ни заря! Поди полежи ещё!

Васёк примерил рюкзак, осмотрел фляжку и лёг, крепко зажмурив глаза от солнца. Но спать было невозможно. Ему уже представлялись запутанные тропинки в лесу, знаки, тщательно замаскированные, выложенные из камешков стрелы, сломанные ветки.

«Надо в оба смотреть... на деревьях, на земле, на кустах. А пропустим — назад вернуться. Быстро, молча. Болтать не позволю... Вперёд пущу Одинцова, Мазина и Русакова. Булгаков со мной рядом пойдёт... он слышал, что Митя сказал. Ну и вот... Зорину со Степановой тоже вперёд пущу. А Малютин пусть сзади идёт. Он невоенный человек. Синицыну — в хвост, чтобы не болтала...»

Васёк представил себе отряд, движущийся в тишине леса. Себя впереди, Булгакова рядом... Командир и комиссар!

Ему стало жарко. Откинув ногами одеяло, он вскочил, отдал кому-то честь.

Отец спал, отвернувшись к стене.

На столик с маминой карточкой падало солнце.

— Есть поход! — неслышно пошевелил Васёк губами, глядя в лицо матери, улыбавшейся ему с портрета знакомой, памятной улыбкой.

— Встаю, встаю, сынок! — забормотал отец, садясь на кровати и приглаживая рукой растрёпанные волосы. — Ты что тут шебуршишься, сынок?

— А ты забыл? — спросил, подбегая к нему, Васёк. — У нас поход нынче.

— Нет, как же забыл! Ни в коем случае не забыл, — заторопился Павел Васильевич. — Сейчас, сейчас собираться будем!

— Да погоди, ещё восьми нет — ты, может, не выспался.

— Ну, выспался не выспался — беда невелика! А ты вон погляди, я тебе вчера топорик смастерил — может, понадобится в лесу.

Он вытащил из-под кровати топорик с отточенным светлым лезвием.

Васёк схватил его и заткнул за трусики.

— Себе-то живот не пропори, — засмеялся отец.

В половине десятого Васёк вышел из дому. Он шёл не оглядываясь, но знал, что отец стоит на крыльце и смотрит ему вслед.

Глава 38

ПОХОД

Завидев Трубачёва, ребята ахнули. Ремни от рюкзака оттягивали назад его плечи, красный шёлковый якорь блестел на рукаве, из-под тюбетейки выбивался на лоб рыжий завиток.

— Вот командир так командир!

Девочки сейчас же подбросили записку:

«Трубачёв, ты очень похорошел!»

— В общем деле не может быть личных интересов! — вспомнив слова Мити, важно сказал Васёк, скомкал записку и громко скомандовал: — Отряд, стройся! Справа налево рассчитайсь!

На школьном дворе стояли три отряда, готовые к походу. Васёк осмотрел с головы до ног

каждого из своего отряда. Все были подтянуты, торжественны, не размахивали руками и не болтали зря.

Васёк был доволен.

* * *

Три отряда стояли как вкопанные.

Митя давал последние указания:

— Повторяю: задача каждого отряда — раньше всех прибыть к костру, местонахождение которого нужно будет определить в пути по указательным знакам. Будьте внимательны! «Первый отряд идёт через улицу Чехова, шоссе. Указатель на полкилометра от леса. Второй отряд...» — читал Митя.

Васёк ждал. Саша Булгаков стоял рядом с ним и не отрываясь смотрел Мите в рот.

— «Третий отряд... — Митя повернулся лицом к ребятам Трубачёва: — Черкасская улица, переход через шоссе. Стрелка, показывающая направление на первой тропинке, сворачивающей в лес». Понятно?

— Понятно! — выпалили все три отряда.

Митя махнул рукой:

— Вперёд!

— Шагом марш! — скомандовал Васёк Трубачёв.

Отряд вышел из школьных ворот и зашагал по улице. Два других отряда со своими командирами свернули в боковые переулки.

— Скорей! Скорей! — заволновались девочки. — Перегонят!

— Не бежать! — нахмурился Васёк.

— Бежать хуже. Прозеваем указатель и всё спутаем, — сказала Лида.

Шли ровным быстрым шагом. Дорога была всем знакома.

— Красиво идём! — шептали девочки.

— Ребята! По мостовой потише, у меня тапочки новенькие, — беспокоилась Синицына.

— Повесь их себе на нос, твои тапочки!

— Не из-за тапочек, а из-за Малютина потише надо. Здесь камни, и солнце печёт очень, — тихо сказала Валя Степанова, трогая рукой свою макушку.

Васёк оглянулся. Сева Малютин шёл сзади. На спине у него был рюкзак, на боку — полевая сумка. На покрасневшее от солнца лицо падала тень от низко надвинутой на лоб панамки.

— Лёня Белкин! Возьми у Малютина рюкзак, — сказал Васёк: — ему тяжело.

— Есть! — бойко отозвался Лёня Белкин, подождал Севу и, не слушая его возражений, перекинул через плечо Севин рюкзак. — Иди, иди! А то устанешь сразу... А мне нипочём!

Улица вдруг кончилась. За шоссе открывался зелёный ряд ёлок. Они стояли как нарисованные, а за ними живой стеной поднимались дубы, берёзы и ели. Пахло хвоей и нагретым листом. По небу плыли белые пушистые облака.

Отряд остановился.

— Здесь! — взволнованно сказал Васёк.

— Вот она, вот! — закричало сразу несколько голосов.

На траве искусно выложенная мелкими камешками стрелка указывала на тропинку.

Ребята почувствовали важность этой минуты.

— Начинается! Начинается! — зашептали они.

— Пошли! — бодро крикнул Васёк.

Он шёл впереди, оглядывая каждый кустик и чуть притоптанную траву по бокам тропинки. Ребята, затаив дыхание, гуськом шли за ним.

— Сейчас тропинка сама ведёт, а как выйдем из ёлок, надо смотреть в оба, — уговаривались Одинцов и Саша.

Ёлки кончились. Тропинка, сделав полукруг, сворачивала обратно на шоссе. В лесу было свежо и тенисто, в густой траве качались белые ромашки и нежноголубые колокольчики. Сквозь заросли крапивы пробивались кусты дикой малины.

— Ищите здесь, — сказал Васёк. — Далеко не отходить, кусты не ломать, смотреть под ноги!

Ребята, низко пригнувшись к земле, всматривались в каждый уголок.

Девочки, заправив под панамки непослушные волосы и стараясь не мять цветы, продвигались вперёд на цыпочках, напряжённо и молча оглядываясь вокруг. Мазин и Русаков держались вместе. Все места пригорода были ими исхожены зимой на лыжах.

— Вот тут следы зайца были, помнишь? — припоминал Русаков.

— Ладно, не болтай. Не до зайца сейчас, — хмуро останавливал его Мазин. И тут же, указывая на молодую белоствольную берёзу, опоясанную маленькими окошечками, говорил: — Дятловы кольца. Берёзовым соком остроносый лакомился! Я тоже пил. Эх, хорошо!

— А помнишь, как мы... — оживлялся Петя.

— Хватит! Ищи стрелу! — сурово останавливал его Мазин.

Васёк подбежал к старому пню. Около него валялись сломанные ветки ёлки. Он присмотрелся к ним ближе. Ёлка была так обломана, что ствол с двумя ветками напоминал стрелу. На земле были рассыпаны иглы, очевидно счищенные перочинным ножом.

— Булгаков! Одинцов! Сюда! — боясь ошибиться, позвал он товарищей.

— Куда направление? Куда направление? — волнуясь, спрашивал Саша.

— Да направление в лес! Ясно, это указатель, — сказал, поднимаясь с колен, Одинцов.

— Вперёд!

Ребята весело двинулись в указанном направлении.

Лес становился гуще. Валежник царапал коленки, цеплялся за платье. В тоненькие пушистые волосы Вали Степановой вцепилась зелёная колючка. У Лиды Зориной через всю коленку тянулась красная полоса. У многих девочек от крапивы распухли руки, но никто не жаловался. Одна Синицына тихо ворчала, попадая то в крапивное место, то на острый сучок. Её никто не слушал.

Васёк раскраснелся от напряжения и строгого командирского тона, который старался не снижать, чтобы не уронить дисциплину. Сам он, так же как и все ребята, уже чувствовал тревогу. Всем казалось, что прошло уже много времени и другие отряды давно опередили их. Шли молча. Вдруг Синицына нагнулась над муравьиной кучей и, выхватив оттуда три палки, подняла их вверх.

— Стрела! Честное слово, стрела! — торжествующе крикнула она. — Вот так лежала!

— Положи! Положи! — в ужасе закричали ребята.

— Трубачёв! Она подняла!

— Она спутала направление!

Синицына испуганными, круглыми глазами смотрела на подходившего Васька. Он вырвал у неё из рук палки и наклонился над муравейником. Там остался глубоко вдавленный след, обозначавший стрелу. Васёк выпрямился:

— Указатель найден! Синицына, становись в задние ряды!

У ребят отлегло от сердца.

Пристыжённая, Нюра Синицына пошла в задний ряд.

Дальше стрелы стали попадаться чаще. Глаза, привыкшие нащупывать их, не пропускали ничего.

Васёк шёл впереди. Найдя стрелу, он молча показывал на неё рукой и торопился дальше.

— Давайте бегом! Нас же много! Авось не пропустим, — предлагали некоторые ребята.

— На «авось» нельзя! — доказывала Лида Зорина.

— Мы и так быстро идём! — утешал Саша Булгаков.

Всё шло благополучно. Последняя стрела, вырезанная на дереве перочинным ножиком, вдруг указала направление в такую чащу, где колючие кусты шиповника, сухие ветки и торчащие во все стороны сучья бурелома совершенно загораживали дорогу. Впереди виднелся овраг.

— Может, не сюда?

— Трубачёв, верно мы идём? — заволновались ребята.

— Всё в порядке! Вперёд! — скомандовал

Трубачёв, медленно пробираясь через чащу и защищая рукой лицо от колючих веток.

Ребята беспрекословно двинулись за ним.

Овраг был крутой. На дне бежала лесная речушка, не широкая, но быстрая. В тёмной воде не было видно дна.

— Брр... Тут глубоко, — неуверенно сказал кто-то.

— Смеряйте глубину! — зашептали девочки.

Коля Одинцов вытащил из хвороста длинную палку, наклонился и стал мерить глубину. Палка, не достигнув дна, вырвалась у него из рук и уплыла по течению. Он поднялся, обескураженный.

Валя Степанова заглянула в тёмную воду и сняла тапочки.

— Надо так надо, — тихо сказала она, ожидая приказа.

— Обследовать берег! — сказал Трубачёв и, пройдя несколько шагов, вытащил из земли белую, свежевыструганную палочку. Это была стрела, воткнутая в землю.

— Направление в землю, — недоумевающе сказал кто-то за плечом Васька.

— Трубачёв, куда направление? — спросил, нахмурившись, Одинцов.

Васёк кусал губы, глядя на запачканную в земле стрелку.

— Направление в землю, — сообщил он сгрудившимся вокруг ребятам.

— Ничего особенного... Значит, что-то в земле, — заявила Зорина.

Булгаков присел на корточки и стал разрывать руками рыхлую землю. Вместе с комьями земли вылетела спичечная коробка.

— Дай сюда! — протянул руку Васёк.

В коробке лежала записка — приказ по третьему отряду. Ниже стояли: точка-тире-точка-тире.

— Что это? Что это? — заволновались ребята.

— Морзе! — ахнул Саша.

— Азбука! Морзе! Азбука Морзе! — зашумели ребята.

Васёк растерялся. Точки и тире запрыгали у него перед глазами.

— Ничего, сейчас разберём... — неуверенно сказал Саша. — Давай сигнал для сбора!

Васёк свистнул. Отряд живо собрался вокруг своего командира.

— Найдена записка. Азбука Морзе. У кого есть перевод?

— У кого перевод? У кого есть перевод? — кричал Одинцов.

Все молчали.

— Что же вы? Мы время теряем! — торопил Саша, потрясая запиской.

— У меня дома есть, — уныло сказал Белкин.

— Ну и беги за ним домой! — оборвали его ребята.

Мазин вытянул голову, хмуро посмотрел на записку и почесал затылок:

— Эх, жизнь! Что же мы-то с тобой, Петька!

— Вот так история! — развёл руками Медведев.

— Ребята! Ну что же вы, ребята? — обращаясь то к одному, то к другому, умоляла Лида Зорина. — Неужели вы азбуки Морзе не знаете?

— Сама попробуй прочти! — накинулась на неё Синицына.

Васёк не знал, на что решиться. Идти наугад? Искать следующий знак?

— Смирно! — прикрикнул он, чтобы прекратить разгорающийся спор.

Сева Малютин, осторожно прокладывая себе дорогу между ребятами, подошёл сбоку:

— Трубачёв! Я немножко знаю. Можно посмотреть?

Саша поспешно протянул ему записку. Малютин раскрыл полевую сумку, вытащил оттуда карандаш и записную книжку.

— Пиши на моей спине, — предложил ему Одинцов.

— Не надо, — сказал Сева. Он внимательно посмотрел на записку, потом заглянул в записную книжку, покусал губу и потёр лоб.

— Забыл! — насмешливо сказал Мазин.

— Нет! Сейчас! — просветлел вдруг Малютин. — Вот первые слова: «Переправа на берегу...»

— Ура! — подпрыгнули ребята.

— Читай дальше! — нетерпеливо сказал Васёк.

Малютин пошевелил губами:

— Дальше я не могу разобрать.

— Хватит! Ищите переправу! — закричал Васёк и, пригнувшись, побежал вдоль берега.

— Есть! — раздался из кустов голос Русакова.

Красными, обожжёнными крапивой руками он с торжеством вытащил из-под валежника две крепко сбитые доски.

— Перекладины! Столбики с рогульками, живо! — командовал Васёк.

Но ребята уже и без команды яростно тащи-

ли сваленные в кучу сухие жерди, обтёсанные топорами колья и в жидкую грязь на берегу вколачивали столбики.

— Готово! Цепью! За мной!

Ребята один за другим перешли речку.

Васёк смерил глазами крутой подъём и тревожно оглянулся на Малютина.

Мазин поймал его взгляд, вытащил из кармана верёвку, закрутил один конец себе повыше локтя и подмигнул Ваську: «Подымем... ничего!»

Васёк кивнул головой.

— Ребята! Держись за верёвку!

Все схватились за верёвку. Сева Малютин оказался между Валей Степановой и Петей Русаковым. Мазин крякнул, натянул постромки и полез по крутому склону.

— Малютин, держись крепче, — беспокоилась Валя Степанова, глядя на порозовевшее лицо Севы.

— Малютин, не трать силы. Ты только ногами перебирай, — озабоченно советовал Петя Русаков.

— Молодец, Малютин! Всех выручил! — кричали сверху ребята.

Сева, крепко держась за верёвку, глядел на товарищей счастливыми глазами.

— Ну, айда! Пошли! Пошли! — натягивая изо всех сил верёвку и набирая высоту, кричал Мазин.

Васёк Трубачёв, не обращая внимания на осыпавшуюся под ногами землю, цепляясь за кусты, выскочил из оврага первый. Стоя на пригорке, он выпрямился и протянул вперёд руку.

Между деревьями возвышалась куча хворо-

ста, издали похожая на шалаш. Около неё мелькало что-то зелёное, как птица с зелёными пёрышками.

— Костёр! Митя!

— Ура! Ура! — грянул подоспевший отряд.

— Подойти в порядке! Построиться! — крикнул Васёк.

Но его уже никто не слушал. Ребята бросились врассыпную на последний знак — зелёную Митину тюбетейку.

Отряд Трубачёва пришёл первым!

* * *

— Ай да Мухомор! — любовно говорил Грозный, складывая у костра хворост. — В самый раз поспел! Небось, в хвост и в гриву погонял, а?

— Да нет, ничего, — рассеянно отвечал Васёк, поглядывая в сторону, где сидел Сергей Николаевич и о чём-то разговаривал с ребятами.

Ваську очень хотелось подойти, но он боялся, что учитель подумает: «Вот привёл отряд первым и ждёт, чтобы его похвалили». И он, делая вид, что ищет что-то в своём рюкзаке, отстал от ребят.

Второй отряд уже показался на дороге. Ребята шли, размахивая панамами и поднимая столб пыли.

— Вторые! Вторые! — кричали им из отряда Трубачёва.

— Где проплутали? — крикнул Митя, идя навстречу задержавшемуся отряду.

Командир отряда, долговязый парнишка, снял тюбетейку и вытер ладонью потный лоб:

— Пропустили стрелу — и давай наугад шпарить. А потом — стоп! — видим, дело плохо. Назад вернулись.

Ребята завистливо поглядывали на отряд Трубачёва.

— Мы в другой раз будем знать, — смущённо сказал их командир. — А то ребята все кричат: «Бегом, бегом!» Вот и пропустили.

— А ты командир. Надо дисциплину держать, — строго сказал Митя и посмотрел на часы. — Где же первый отряд?

— Загадочная картинка! — сострил Одинцов.

Учитель улыбнулся и подозвал Трубачёва:

— Ну, командир, рассказывай, как шли.

Он подвинулся и указал ему на место около себя. Васёк, покраснев до ушей, начал с жаром рассказывать. Ребята помогали ему припоминать все мелочи.

— ...И вдруг письмо...

Васёк поискал глазами Малютина.

— Кто же прочитал? — спросил учитель.

— Все читали, жутко прямо! — сказала Синицына.

— Неправда, неправда! — закричали ребята.

— Никто не умел, — сказал Васёк. — Вот он только... два слова разобрал. — Васёк кивнул на Малютина.

Сева подошёл к ним.

— Ты знаком с азбукой Морзе? — спросил учитель.

— Я немножко, чуть-чуть.

— Это очень важно. А что было бы, если бы Малютин не сумел разобрать? — спросил Сергей Николаевич.

Васёк почувствовал досаду, но поборол её и обнял Севу за плечи.

— Если бы он не прочёл, мы могли бы опоздать, — честно сказал он.

Ребята захлопали в ладоши:

— Молодец, Малютин!

— Молодец! — подтвердил учитель.

* * *

Митя всё ещё ждал первый отряд. Грозный хлопотал по хозяйству. Он вместе с ребятами приладил над костром котёл с картошкой. Послал ещё за хворостом. Васёк принёс охапку сухих веток и, отряхивая костюм от приставших к нему листьев, увидел, что разорвал штаны.

— Разорвал, Трубачёв! Эх ты, новый костюм! — сочувствовали ему ребята.

— Зашить надо, — сказал Митя. — У кого есть иголка с ниткой?

Саша Булгаков отвернулся и стал ковырять носком ботинка сухую землю.

— У Саши есть, — робко сказала Лида и прикусила язык.

— Булгаков! Ты, говорят, человек запасливый. Одолжи командиру иголку, — пошутил Митя.

Саша нашарил иголку под воротником своей куртки и стал раскручивать длинную нитку.

Васёк быстро подошёл к нему.

— Булгаков, — сказал он, заикаясь и краснея до слёз, — не сердись на меня больше... за то...

— Я — нет... что ты... — пробормотал Саша, поднимая на него влажные глаза. — Я всегда...

На́ вот иголку, — радостно заторопился он, — вместе зашьём!

— Трубачёв, давай я! — вскочила Лида Зорина.

— Нет, мы сами! — крикнул Васёк, увлекая за собой Сашу.

— Мы сами! — оглянувшись, с гордостью сказал Саша.

Митя взглянул на учителя. Сергей Николаевич смотрел вслед обоим мальчикам.

— Помирились! Вот здорово! — с восхищением шептал Петя Русаков. — Мазин, видал?

— Вижу, — сказал Мазин. Он запрокинул голову, отпил несколько глотков из своей фляжки и весело сказал: — Эх, жизнь!

* * *

Пламя костра поднималось всё выше. Сухие огненные ёлки трещали. Вокруг стоял шум и смех.

Командир первого отряда, круглолицый весёлый мальчуган, сильно жестикулируя, рассказывал:

— Мы там все перепугались. Кто туда тянет, кто сюда! Домой никому не хочется возвращаться. А указатель давно потеряли. Ну, значит, давай наобум! Вдруг видим — дымок над лесом поднялся... Я влез на дерево: вижу — огонь. Ну, айда! Вот и нашли!

Митя встал:

— Ребята! В этом походе только один отряд показал себя дисциплинированным. И только в одном командире я не ошибся. Поговорим об этом особо. А теперь от имени директора нашей

школы объявляю отряду Трубачёва премию за отличную учёбу, за дисциплину в походе. Эта премия... — Митя остановился, обвёл глазами ребят и торжественно закончил: — поездка на Украину, в колхоз «Червоны зирки»!

Ребята зашумели, но Сергей Николаевич сделал им знак молчать.

— Экскурсия состоится в начале июня. Поедет весь класс четвёртый «Б» с Сергеем Николаевичем, — Митя обернулся с улыбкой в сторону учителя, — и со мной!

Последние слова были заглушены радостными криками ребят:

— На Украину! Ура!

— С Митей! С Сергеем Николаевичем!

Девочки прыгали, обнимались, тормошили Лиду Зорину:

— Всем классом! Всем классом!

Васёк обнял Одинцова и Сашу:

— Поедем вместе! Поедем!

— Ещё бы! — сказал Одинцов. — А ты, Булгаков?

— Куда вы, туда и я, — широко улыбнулся Саша.

Солнце уже заходило. За деревьями широкая красная полоса всё суживалась, и наконец от неё осталась только розовая ленточка, низко протянутая по земле. Деревья сразу почернели, одни берёзы белели в темноте. Раскрасневшись от костра и горячей картошки, ребята жадно слушали учителя.

Сергей Николаевич, острым концом обструганной палочки доставая картошку из котла и очищая её, говорил:

— Украина — это моя родина. От колхоза

«Червоны зирки» километрах в тридцати я родился, там живёт моя сестра... У неё в саду черешни, яблоки, груши, сливы... Вот куда мы с вами в гости поедем! Полакомимся...

Костёр затянулся до позднего вечера. Домой шли кратчайшей дорогой, по шоссе. Ярко светились окна домов. У Трубачёвых дверь была не заперта.

Васёк вихрем ворвался в комнату.

— Папа! Отряд Трубачёва премирован поездкой на Украину! — одним духом выпалил он.

Глава 39

ПРОВОДЫ

Быстрые и ловкие, с тонкими, коричневыми от загара ногами, ребята заполнили весь перрон.

— Как опята! Как опята из лесу выскочили! — сказала какая-то женщина, указывая на сбившиеся в кучку панамки.

Вокруг школьников столпилась вокзальная публика.

Сквозь толпу с сияющими, размягчёнными лицами пробирались матери, отцы и хлопотливые, беспокойные бабушки.

— Фляжку-то, фляжку, голубчик, не забудь!

— Открыточки возьми! Карандаш... Там на какой-нибудь станции напишешь...

— Ладно, ладно! Не беспокойся! Напишу!

Около сложенного горкой пионерского имущества стояли Коля Одинцов и ещё несколько ребят.

Тут же на чьём-то вещевом мешке сидела бабушка Одинцова:

— Ты гляди, Коленька, не растеряй всё по дороге-то. Мало ли какие люди в вагоне будут!

— Да у нас свой вагон, бабушка! И учитель и Митя с нами.

— Ишь ты! Весь вагон себе закупили! Миллионеры, да и только, — улыбалась бабушка.

— Не миллионеры, а пионеры! — шутил Одинцов.

Митю и Сергея Николаевича со всех сторон атаковали родители. Сыпались вопросы: какой маршрут, где будут ребят кормить, выедет ли за ними колхозная машина.

Учитель объяснял, рассказывал, успокаивал.

Митя, поглядывая через головы родителей на длинный состав поезда, нетерпеливо отвечал:

— Всё будет хорошо, товарищи родители! Просим не беспокоиться! Будет и кормёжка и машина, и письма отправим, и телеграммой сообщим о прибытии — всё будет как надо!

«Ох, уж эти мне родители! — думал про себя Митя. — Хоть бы скорей погрузиться в вагон!»

— Митя! Тебя твои папа с мамой ищут! — крикнула Валя Степанова. — Вон они!

Митя хлопнул себя по щеке: «И мои притарабанились!» На его живом веснушчатом лице выразилось явное удовольствие.

— Сюда, сюда! Мама! — замахал он рукой.

Васёк Трубачёв крепко держал обеими руками большую руку отца и, глядя ему в лицо сияющими глазами, торопливо говорил:

— Я тебе, папка, каждый день писать буду! Каждый день!

— Да врёшь ты, Рыжик! Там тебе не до этого будет. И не обещай лучше, да и не надо мне этого. Как захочешь, так и пиши, — любовно оглядывая сына, говорил Павел Васильевич и, понизив голос, лукаво прибавил: — Вот тётке не забывай приветы слать. Она, знаешь, обидчива у нас.

Васёк кивнул головой.

— Ну, а там и опять вместе будем! — заранее радуясь встрече, улыбался Павел Васильевич.

— Трубачёв, кто тебя провожает — папа? А меня мама! — радостно сообщила Лида Зорина. — Хочешь твоего папу с моей мамой познакомить?

— А мы уже и без вас познакомились, — шутил, здороваясь, Павел Васильевич.

— Да мы постоянно на родительских собраниях встречались с вами, — напомнила Лидина мама. — А вот товарища твоего, Лидуша, я давно не видела. Настоящий командир он у вас!

— Они все командиры дома! — подмигнул сыну польщённый Павел Васильевич. — Вот посмотрим, как себя в самостоятельной жизни покажут.

— А мы не будем в самостоятельной жизни. Мы с Сергеем Николаевичем и Митей! — весело сказала Лида. — Петя Русаков, иди сюда!

— Я с матерью, — сказал Петя, держа за руку высокую полную женщину с серыми глазами и ясной улыбкой.

Лида обхватила за шею свою мать и что-то оживлённо зашептала ей на ухо.

— Не шепчи, Лидочка, неприлично, — делая строгие глаза и потирая ухо, остановила её мать.

По перрону прошёл Сева Малютин с худенькой, бледной женщиной. Они тихо разговаривали, не обращая внимания на общую сутолоку.

— Я тебе, мама, разных-разных цветов насушу... Помнишь, когда я болел, ты приносила мне мяту... И руки у тебя пахли мятой... На даче, помнишь?

— Помню. Только не вздумай привезти мне мяту, — засмеялась мама, — её и здесь много. И по сырым местам не лазь, Сева, а то промочишь ноги и заболеешь, а мамы там не будет с тобой, — улыбнулась она и вдруг тревожно поглядела в синие глаза сына. — А может... не ехать тебе, Севочка? Ещё не поздно...

— Ну, мамочка! — засмеялся Сева. — Ну, что ты, трусишка какая! Я же не один — со мной товарищи!

Мимо, нагруженный всем дорожным снаряжением, прошагал Мазин.

Рядом с ним семенила его мать — рыхлая, болезненная женщина.

— Дай же мне что-нибудь, Коленька! Ведь я с пустыми руками иду! — уговаривала она сына.

— Да уже дошли. Стой тут, я вещи сложу. Вот здесь, у колонны, на эту корзинку сядь, а то толкнёт кто-нибудь, — беспокоился он, снимая с плеч вещевой мешок. — Я сейчас... Эй, Булгаков! Где Одинцов? — закричал он, заметив на перроне Сашу Булгакова.

— Он около вещей! — крикнул Саша, разнимая сестрёнку и братишку, которые вдруг о чём-то сильно заспорили. — Ну, что у вас тут?

— Саша, я этого следопыта первая узнала, а он говорит — он первый узнал.

— Я первый его узнал! — толкая сестрёнку, сердился мальчик.

— Тише, тише, — погрозила им пальцем мать. — Что это вы брата перед всеми товарищами срамите?

— Ничего, — сказал Саша, поднимая на руки толстого Валерку и глядя на мать грустными глазами. — А тебе, мама, трудно с ними без меня будет...

— Ну что ты, Сашенька! Отдыхай от нас, голубчик, и ничего такого даже не думай. У отца отпуск скоро...

— А у тебя, мама, когда отпуск? — вздохнул Саша.

— А куда же я денусь? Мне без них и дня не прожить, Сашенька... За тебя-то всё сердце изболит, сыночек...

— Граждане! Граждане! Приготовьтесь к посадке! Через две минуты подходит поезд, — громко объявили по радио.

На перроне всё задвигалось, зашумело.

— Пионеры, к вагону, стройся!

— Родителей просим на минутку отойти! — пробегая, кричал Митя.

— Ну, ну, — заторопились родители, наскоро обнимая детей, — бегите, бегите!

Чёрный массивный паровоз, тяжело ворочая железными колёсами, подошёл к перрону.

За ним потянулись новенькие свежезелёные вагоны.

Началась посадка.

Через полчаса платформа вокзала опустела.

Поезд медленно отходил.

Из всех окон высовывались сияющие, взволнованные лица ребят.

— Мама, подойди сюда! Мамочка! — кричала Лида, посылая воздушные поцелуи.

— Лидок! Не высовывайся, дорогуша...

— Папка, пиши, слышишь? — кричал через головы товарищей Васёк шагавшему рядом с поездом отцу.

— Петя! Перейди на нижнюю полку, ты разбрасываешься во сне. Слышишь, Петя!

— Сергей Николаевич, вы уж за нашей Нюрочкой последите, пожалуйста, — обмахиваясь платком, бежал за поездом отец Синицыной.

— Мама, не скучай, мама! — просил Сева Малютин.

— Валерка, до свиданья, расти большой... Маму слушайся! — кричал Саша.

— Бабушка, не беги! — грозил из окна Одинцов.

— Коленька! Да... ах, батюшки, пирожки-то остались!..

— Мама, будь здорова... Не плачь, ну, мама... Эх, жизнь! — отходя от окна, махнул рукой Мазин.

Паровоз круто завернул и дал полный ход.

— До свиданья, до свиданья!

Замахали платки, панамы, галстуки.

На вокзале остались осиротевшие родители.

— Ведь вот, как они дома — и ругаем мы их и надоедают они нам, а как оторвутся куда — так и сердце за ними рвётся, — смеясь и плача, говорила чья-то мама.

— Да уж это вы, женщины, чувствительный народ, — шумно сморкаясь, говорил чей-то папа. — А в общем, в чём дело? Великолепная экскурсия, с вожатым, с учителем, все условия — о чём же тут слёзы лить?

— Верно, верно! — соглашались с ним родители. — А всё-таки трудно расставаться.

— Ну, кому куда? Кто со мной по пути? Дальние проводы — лишние слёзы. Эдак и заночевать на вокзале можно! — шутил Павел Васильевич. — Пошли, пошли, товарищи родители!

Глава 40

УКРАИНА! УКРАИНА!

Свежий ночной ветер врывался в открытые окна вагонов. Он шевелил рыжий чуб спящего Васька, обвевал прохладой спокойное лицо Мазина с упрямой нижней губой и по-детски пухлыми щеками, трогал длинные ресницы Пети Русакова, разметавшегося на нижней полке, гладил доброе, озабоченное лицо Саши, заснувшего с мыслью о матери, трепал светлые волосы Одинцова и заглядывал в бледное лицо Малютина, а потом, шаловливо перебегая в соседнее купе, начинал трепать выбившиеся прядки волос в чёрных косичках Лиды Зориной, пробегал по разрумянившемуся во сне лицу Синицыной и по серьёзному личику Вали Степановой, сложившей под щекой ладони...

Ребята крепко спали, утомлённые сборами и прощанием с родными. А поезд мчался в темноту ночи; чёрный блестящий паровоз по-хозяйски отстукивал километры, увлекая за собой длинную цепь вагонов.

В отдельном купе, так же спокойно как ребята, спал старик — отец учителя. Сергей Николае-

вич стоял у раскрытого окна. Митя, свесив голову с верхней полки, смотрел на учителя.

— Вы знаете, Митя, это изумительное чувство — ощущение своей родины! Эта непостижимая любовь человека к своей земле! И как это хорошо, взволнованно звучит:

Как невесту, Родину мы любим,
Бережём, как ласковую мать!

Яркое, солнечное утро разбудило ребят. Поезд мчался мимо золотых полей пшеницы, мимо зелёных лугов со стадами. Коровы, лёжа в густой траве, лениво жевали жвачку. Прыгали, высоко вскидывая задние ноги, молочно-жёлтые телята. Пастушок, сдвинув на затылок картуз, щёлкал длинным бичом.

Цвела розовая гречиха, густел овёс, сиреневые шарики клевера сливались в один пушистый ковёр. Синел лес, под мостом покачивались на воде кувшинки...

Мелькали железнодорожные будки, белые хаты с густыми вишнёвыми садочками, а на маленьких станциях врывались в окна свежие, задорные голоса с мягким украинским выговором:

— Черешен! Черешен!

— Мёду! Мёду!

— Ось кому молочка свеженького!

— Ряженки!

— Сюда, сюда! — кричал Митя, принимая из загорелых рук босоногих девчонок крынки с молоком, затянутые густой розовой пенкой, лукошки с чёрными, горячими от солнца черешнями и кувшины с мёдом.

Ребята пригоршнями ели черешни; залетавшие в вагон пчёлы лезли к ним в миски с мёдом.

Украина! Украина!

Это был июнь 1941 года.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Новогодний праздник 3
Глава 2. Огоньки в окнах 13
Глава 3. Семья Трубачёва 18
Глава 4. Товарищи 22
Глава 5. Иван Васильевич Грозный 28
Глава 6. На пруду 35
Глава 7. Новости 39
Глава 8. Мазин и Русаков 46
Глава 9. Тётя Дуня 55
Глава 10. Новый учитель 63
Глава 11. В классе 75
Глава 12. «Тише... тише...» 83
Глава 13. Расписание 86
Глава 14. Урок географии 89
Глава 15. Стенгазета 93
Глава 16. Обида 111
Глава 17. Со своим профессором 119
Глава 18. Важный вопрос 125
Глава 19. Срыв 131
Глава 20. Как быть? 139
Глава 21. Мал мала меньше 142
Глава 22. Васёк 145
Глава 23. Статья Одинцова 153
Глава 24. В землянке 155
Глава 25. «Совершенно точно» 159

Глава 26. Петя Русаков 166
Глава 27. Подозрение 173
Глава 28. Мачеха 186
Глава 29. Надо посоветоваться 190
Глава 30. Одиночество 194
Глава 31. Гости 202
Глава 32. Митя 211
Глава 33. На сборе 213
Глава 34. Р. М. З. С. 229
Глава 35. Отец 234
Глава 36. Экзамены 236
Глава 37. Приготовления к походу 242
Глава 38. Поход 245
Глава 39. Проводы 261
Глава 40. Украина! Украина! 267

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор
Л. Гульбинская.
Художественный редактор
С. Алянский.
Технический редактор
В. Голубева.
Корректоры
Т. Лейзерович и Р. Мишелевич.

Сдано в набор 23/XII 1952 г. Подписано к печати 25/II 1953 г. Формат 84 × 108 $\frac{1}{3}$, — 4,25 бум. = 13,97 печ. л. (10,66 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. А00474. Заказ № 16'8.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.

Цена 4 р. 75 к.

В. ОСЕЕВА

ВАСЁК ТРУБАЧЁВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

ДЕТГИЗ · 1953